

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 7-8 2016

Литературно-художественный журнал

Храм «Утоли моя печали»

XXI ВЕК

ВОЛГА

7-8 2016

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

САРАТОВ
2016

7-8
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Татьяна ФОМИНОВА. **На ноте «си»** 3

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Лейла БОЧКОВА. **«Смеяться, право, не грешно...»** 9

ПОЭТОГРАД

Михаил МУЛЛИН. **Послы Эдема** 21

ОТРАЖЕНИЯ

Любовь ВОЛОШИНОВА. **Кошка по имени Сильва** 27

ПОЭТОГРАД

Людмила ШУТЬКО. **Жизненный сюжет** 31

ОТРАЖЕНИЯ

Олег ЛУКЬЯНЧЕНКО. **«...Пианист Родионов»** 33

КАМЕРА АБСУРДА

Фёдор ОШЕВНЕВ. **Два рассказа** 41

К 80-ЛЕТИЮ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Александр ДЕМЧЕНКО. **Архитектурно-исторический пейзаж Саратова** 52

В САДАХ ЛИЦЕЯ

Игорь ШВЕДОВ. **Надломленная ветка** 86

ПЕРЕВОД

Александр ТРИАНДАФИЛИДИ. **Из итальянской поэзии** 88

ПОЭТОГРАД

Александр ДИВЕЕВ. **Паломник** 92

ЮБИЛЕЙ

Виктор САЗЫКИН. **Мастер и ученица** 97

СТАТЬИ

Николай ПЕРЕЯСЛОВ. **Русская литература на фоне XXI века** 99

РЕЦЕНЗИИ

Нина ШАТАЛИНА. **Люди и инструменты** 111

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Галина МУРЕНИНА. **«...Молодой и очень талантливый писатель»** 114

ТЕАТРАЛЬНОЕ РЕВЮ

Натэлла ЛЕВИЦКА. **Личности и личинки (Окончание)** 118

СОБЫТИЕ

Владимир ЕФИМОВ. **Свет немеркнущей поэтической звезды** 188

**Татьяна
ФОМИНОВА**

НА НОТЕ «СИ»

Она стояла на пороге,
смотрела вдаль из-под руки:
там уходящие шаги
дымились пылью по дороге.
Там были все её мужчины:
отец, и брат, и муж, и сын.
Степная пыль стирала спины
её единственных мужчин.
Спокойным жестом гордых женщин
со лба откинув прядь волос,
она смотрела вслед ушедшим
без пресловутых бабьих слёз.
Как будто кто-то изнутри,
а может, даже кто-то свыше
приговорил её: «Смотри!
Смотри, пока жива и дышишь».
И вот они уже ушли,
но взгляд всё так же сух и светел.
Они растаяли в пыли.
Там только пыль и только ветер.
Но нету силы отвернуться.
Уже предчувствуя беду,
конечно, знала: не вернуться,
и свято верила: дойдут.

-
- Татьяна Григорьевна Фоминова – член Союза российских писателей с 2001 года. Родилась в Хабаровске в 1963 году. В 1986 году окончила Пятигорский фармацевтический институт. Автор нескольких поэтических сборников: «На ноте «си», «В ожидании счастья», «Закон несовпадения» и других. Одна из авторов поэтического сборника «Ростовское время» (1991 год). Публиковалась в журналах «Дон» (Ростов-на-Дону), «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Нана» (Грозный), альманахе «Южная звезда» (Ростов-на-Дону) и других. Участник нескольких радиопередач из циклов «Зелёная лампа», «Дон литературный». Лауреат конкурса «45-й калибр» (2015 год). Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

Одиночества нет – есть закат, уплывающий в море.
В каждом всхлипе весла по мерцающей глади огня –
Ощущенье тоски и огромного детского горя
От безмерной потери ушедшего летнего дня.

Одиночества нет – есть дождя золотистые блики,
В хризантемных лучах прорывающих ночь фонарей.
Одиночества нет – есть хорошие, верные книги,
Есть чужие шаги и звонки у соседских дверей.

Одиночества нет – есть рассвет на израненных лапах,
Что крадётся всю ночь и скулит, словно брошенный пёс.
Одиночества нет – есть устойчивый, въедливый запах:
Холод лестничной клетки ударит в прокуренный мозг.

Одиночества нет – есть упрямая вера: так надо!
Есть привычная боль, от которой не больно уже,
И запёкшийся след, как на чашке губная помада,
В неожиданно так опустевшей, остывшей душе.

Одиночества нет – есть окурки на брошенных блюдах,
Неуютность уюта в обломках чужого добра.
Одиночества нет – есть желанье попозже вернуться
И в раскрытую дверь заходить, словно в чёрный квадрат.

ВЕТЕР

Скуля по-собачьи и волчьи,
вишнёвым цветением светел,
метался по городу ночью
отчаянный раненый ветер.
Он выплеснул боль в поднебесье
заплаканным тучам на откуп.
Свою бесшабашную песню
он пил, как холодную водку.
Рыдал над поломанной веткой
и, просьбам пощады не внемля,
смеялся над рваной газеткой
и бил её мордой об землю.
Он выбросил в речку с откоса
кораблик из старой тетради.
Мою расплетённую косу,
как мальчик застенчивый, гладил.
Свистел на прохожих нахально,
отнять сигарету готовый,
и в форточку маминой спальни
стучался, как сын непутёвый.
Вернулся твой мальчик упрямый,
вернулся, устал и нечаян.
Впусти его, добрая мама,

налей ему водки и чаю.
Он просто иначе не сможет –
таким уж родился на свете:
не тихий, покладистый дождик,
а вольный, порывистый ветер.

Догулялась над быстрой рекой
до озноба, до горькой беды –
ведь у губ его привкус такой!..
Как у талой весенней воды.
Речка полная – пей не хочу! –
с ледоходом до самых краёв.
Поцелует – с обрыва лечу
в непутёвое счастье моё.
Полетели вишнёвые дни
лепестками в прохладный поток.
Мне бы всю мою жизнь изменить!..
Всю бы реку – на счастья глоток...
А у глаз его отблеск такой!..
Как влекущего в искрах огня.
И беду – словно щепку рекой,
Потому что он любит меня.

Мне рано подводить итоги, но вот он – нынешний итог:
стою ольхою у дороги на перепутье трёх дорог.
По той, которая направо, пройду направо не спеша:
играет зеленью дубрава и тихо молится душа.
Мне дети выбегут навстречу, и в окружении детей
мне будет светел долгий вечер – уютный, добрый, без затей.
По той, которая налево, уйду на пламенный закат,
хозяйка бала, королева, мне Мастер – муж, мне дьявол – брат.
И я пойду по той, что прямо... Под ноги – осени листва.
И мне откроет двери Мама.
Пока она ещё жива...

День прожит так, как будто спет
на ноте «си» – легко и звонко,
и голос тоненький ребёнка
закончит бережно куплет.
Но за мгновенье до того,
как станет этот день вчерашним,
мне очень холодно и страшно
за эту прожитость его.
Здесь завтра не разбудит свет
ослепших окон взгляд погасший.
Мне очень холодно и страшно,
что больше нот в октаве нет.

Я пишу Вам из города листьев опавших
и спешу сообщить, что последний листок
у дороги прилёт, словно путник уставший,
и нечаянно умер...
А может, не то
я хочу написать Вам из осени ранней...
Я хочу рассказать, как в холёных садах
наливаются яблоки спелым желаньем,
словно девичьи груди желаньем стыда.
Из избушки лесной, забинтованной снегом,
я пишу Вам о том, как мне плохо без Вас,
как сейчас я повисла б на шее с разбега,
целовала и гладила бы целый час
Ваши мягкие волосы, жёсткие руки...
Я пишу Вам из долгой полярной зимы.
Я пишу Вам, мой милый, из нашей разлуки.
Отвечайте из лета, где встретимся мы.

У каждой женщины своя
судьба, как музыка у песни,
всё кружит – на круги своя
замкнёт, не вырвешься, хоть тресни.
Мелькают годы как картинки
в альбоме, юность всем к лицу.
Иголка кружит по пластинке
и приближается к концу.
Она пока на серединке...
Ты помнишь бабушку?
С трудом...
Иголка кружит по пластинке,
и мы по музыке идём.
Она размеренно бинтует
тугим бинтом небытия
мне кудри белым и диктует:
«У каждой женщины своя
судьба, как крест...»
В шампанском льдинка.
Мне двадцать?
тридцать?
сорок пять?..
Да что мы словно на поминках!
Пока не кончилась пластинка,
давайте лучше танцевать...

...Всё времени нет – не прочитана книга.
 Закладка торчит, словно в ране кинжал.
 Глухая жестокость тупого ножа
 не слышит пронзительность книжного крика.
 Опять не хватает каких-то полдня,
 чтоб выстирать память и вычистить душу.
 А время становится жёстче и суше,
 наверно, ему не хватает меня...
 Маршрутка летит бесконечную трассой.
 Потом объясняй на последнем Суде,
 что, мол, не хватило какого-то часа
 обнять напоследок любимых людей...

СТАРИКИ

Жизнь в стоптанных тапках по кругу заезженным вальсом кружит.
 Вот так и убили б друг друга, но как друг без друга прожить...
 Как горькие травы, поникли под тяжестью прожитых лет.
 Давно откликаться привыкли на прозвища «бабка» и «дед».
 Не выключен свет в туалете, а счётчик как бешеный лось –
 Бранятся серьёзно, как дети, за каждую мелочь до слёз.
 Всю жизнь ему было вольготней, и нынче – туда ж норовит:
 Заныкает с пенсии сотню и тут же пропьёт, паразит!
 Вот ведьма! Унюхает сразу! И ну на весь дом голосить.
 Досталась ж такая зараза, найдёт ведь за что укусить!
 А как же любил её, стерву, считал между письмами дни.
 И был, как положено, первым (тогда по-другому – ни-ни!).
 А как на вокзале встречала, красивей всех жён и невест.
 А как она звонко кричала: «Алёша, Алёша! Я здесь!»
 Чернявая, словно цыганка, и хрупкая, словно цветок.
 И с кем-то прощалась «славянка», и шли поезда на восток...
 А телик тускнеет от мути, и кашляет дед до зари.
 И счётчик как бешеный крутит, и свет в туалете горит...

...Вот образы из памяти далёкой, так бережно хранимые душой:
 отец читает, выделяя строки отточенным простым карандашом.

Над скатертью из вытертого плюша
 склонённый профиль строгого лица – отец читает...

Не дай бог нарушить проказами занятие отца!

Он для меня, студентки-малолетки, в газетах, полных всякой лабудой,
 как впереди идущий, ставил метки и маячки над мутною водой.
 Когда страну кроила перестройка и рушилась Берлинская стена,
 отец не верил горлопанам бойким, и для него опять была война.
 А для меня, признаться, было ново: не знала, что такой у нас отец,
 когда он что-то в речи Горбачёва перечеркнул и написал: «Подлец!!!»
 Жаль, я тогда не ведала, дурёха, что мне отец простым карандашом
 давал уроки: *что такое плохо*, а также *что такое хорошо*.

Ведь я тогда ещё не знала горя – пока был жив, отец меня берёт.
А я рвалась на танцы, в горы, к морю... Куда – не важно,
лишь бы за порог!..
Да, я была неблагодарной дочкой – он мне тогда казался чудачком.
А он – с бидоном на рассвете к бочке шёл в очередь за свежим
молоком...
И колбаса, и сахар для варенья – в очередях длиною в полстраны.
Не козырял он удостовереньем и льготами участника войны,
не надевал по праздникам награды. А мы его тогда не берегли...
А он смотрел усталым светлым взглядом, и взгляд влажнел
под песню «Журавли».
С тех пор меня переменяло время – та девочка узнается с трудом.
И я давным-давно рассталась с теми, за кем ушла, покинув отчий дом.
В моих часах песочных время тает... Страна – другая,
мир совсем другой.
Но как же мне сегодня не хватает твоих отметок, папа дорогой...

**Лейла
БОЧКОВА**

«СМЕЯТЬСЯ, ПРАВО, НЕ ГРЕШНО...»

Сергей Филиппов

Саратовская земля подарила миру многих талантливых писателей, музыкантов, артистов. Среди них – народный артист РФ Сергей Филиппов.

Я давно хотела написать о Сергее Николаевиче Филиппове ещё при его жизни. Но не решалась, всё казалось, не доросла, чтобы писать о таком Мастере. И ещё, наверно, играл роль «родственный синдром». Дело в том, что девичья фамилия моей бабушки (маминой мамы) – Филиппова. Мария Георгиевна Филиппова. Были у неё сестра Екатерина и брат Николай. Так вот, Николай Георгиевич Филиппов и был отцом Сергея Николаевича. А я звала его просто – дядя Серёжа. Мне кажется, что мы не были в близких родственных отношениях. Я всегда чувствовала дистанцию, и не только возрастную. Нас разделял восторг – мой восторг перед большим артистом, большим художником театрального и киноискусства. Когда он говорил, я просто «немела». А рассказчиком он был блестящим.

-
- Лейла Аббасовна Бочкова – член Союза журналистов России. Лауреат региональных и двух Всероссийских конкурсов журналистов. Автор книг «Память не молчит», «Говорит Саратов», очерков в книге «Время выбрало нас» и в других коллективных сборниках. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Саратове.

В детстве я часто ходила к деду Коле, бабуся посылала ему гостинцы. Жили они со второй женой и дочкой Люсей очень бедно. Когда он приходил к нам, бабуся сразу же старалась чем-нибудь накормить его – военное да и послевоенное время было голодное. Помню, нальёт ему миску щей или похлёбки, а он говорит: «Маня, горячо, с горячим больше хлеба съедаешь». Мне он казался очень стареньким, хотя он был высоким, статным. Сергей Николаевич внешне был мало похож на отца, разве что ростом, стройностью. Впрочем, и мать Сергея Николаевича – Евдокия Терентьевна – тоже была высокой. Светловолосая, с милым, чуть скуластым лицом. Но о ней я знаю мало, больше – об отце.

Николай Георгиевич в прошлом был классным слесарем, как говорят, «рабочая косточка». В молодости был очень сильным – мог кочергу узлом завязать. Бабуся рассказывала, что владелец гвоздильного завода (это ещё до революции 1917 года было) настолько ценит золотые руки мастера, что послал его учиться в Германию. Целый год жил там Николай Георгиевич и научился многим полезным вещам. Вернулся щёголем: при жилетке и часах с цепочкой. Но его опять ждала работа от зари до позднего вечера. Евдокия Терентьевна была портнихой и вязальщицей кружев и тоже зарабатывала на жизнь. Их единственный сын Сергей родился 24 июня 1912 года в Саратове.

Когда началась Первая империалистическая война, отец Сергея ушёл на фронт. Прошёл и гражданскую, воевал в Красной Армии. Жила их семья в те времена на первом этаже деревянного дома у подножия Соколовой горы, где-то в районе Глебучева оврага. В это время с мальчиком много занимался дядя Саша – брат матери, знаменитый литейщик, добрый, весёлый человек. В общем, детство Сергея проходило в рабочей среде, пришлось узнать и тяжёлый труд, и нужду.

Радость у мальчишек была одна – Волга. Плавал Сергей отменно (это потом пригодилось ему при киносъёмках). А ещё когда приходили баржи с арбузами, ребята нанимались на разгрузку. Заработанные арбузы съедали, но один Сергей обязательно относил домой, матери.

О школьных годах Сергея в семье рассказывали мало, вспоминали, что особенно он любил литературу и химию. Учительница даже брала его ассистентом, когда ставили опыты. Однажды он решил самостоятельно поставить опыт и так «нахимичил» с соляной кислотой и железными опилками, что занятия в школе были остановлены на несколько дней. Вообще особой дисциплиной он не отличался и, как говорится, с треском вылетел из школы незадолго до её окончания.

Отдали его в ученики к пекарю, потом отец устроил его на завод нагревальщиком заклёпок, потом (после болезни) – учеником в частную токарную мастерскую. Но Сергея мало интересовало всё это. Он очень любил читать, потом записался в рабочий клуб, в хореографический кружок или, как тогда называли, балетную студию. Всё свободное время он проводил там. Руководительница не только хвалила его, видя способности, но и посоветовала поехать в Москву, чтобы получить специальное образование.

В семье эту идею, конечно, не одобрили, говорили о нём: «непутёвый». Но Сергей настоял на своём, наскребли какие-то гроши, и отправился «непутёвый» в столицу.

В училище Большого театра приём был уже закончен, начались занятия, и тогда Сергей двинулся в Ленинград. В Ленинградском хореографическом училище тоже уже начались занятия, а в только организованный Эстрадно-цирковой техникум Сергей Николаевич был принят на балетное отделение.

Известный хореограф Пётр Андреевич Гусев, преподававший в училище, считал, что Филиппов мог бы быть непревзойдённым классическим танцовщиком: у него был высокий прыжок, выразительный жест, сильные мышцы. Он даже советовал ему перейти в хореографическое училище. И Сергей Николаевич делал попытки, но они оканчивались неудачей: то не удалось получить место в общежитии, то в спор ввязался, да не с кем-нибудь, а с самой Агриппиной Яковлевной Вагановой. Потом ругал себя: «Ну и дурак же я!»

Филиппов продолжал заниматься в техникуме. И уже там в нём прорывалось его комическое дарование: иногда классические упражнения он выполнял пародийно, за что его выгоняли из класса. Преподаватель Евгений Павлович Гершуни разгадал его комедийный дар, его универсальную одарённость и разрешил ему посещать уроки драматической группы. Так, одновременно с занятиями на балетном отделении Филиппов посещал уроки драматического искусства, и это сыграло свою роль. Выпускной номер – эстрадный танец моряка – ему поставил Ростислав Захаров, и затем он дебютировал в «Красном маке» в роли кочегара.

Но классическим танцовщиком Сергей Николаевич не стал – подвело здоровье. Успешно отыграл три спектакля, а на четвёртом потерял сознание: стало плохо с сердцем. Врачи не рекомендовали ему оставаться в балете. И он стал работать на эстраде, в профессиональном объединении известного актёра немого кино Фёдора Никитина. *«Я участвовал в двух отделениях, – рассказывал Сергей Николаевич. – В первом исполнял шуточный танец моряка, а во втором играл в чеховском «Предложении». В этом представлении увидел меня Николай Павлович Акимов и пригласил к себе. Я с удовольствием принял это приглашение и проработал в Ленинградском театре комедии почти тридцать лет (с 1935 по 1964 гг.). А в кино стал сниматься с 1937 года, снимался много и с 1964 года окончательно посвятил себя этой работе».* Когда много позже я спрашивала его, что как артиста привлекает больше – театр или кино, он отвечал так: *«Кинематографический комедийный репертуар гораздо богаче театрального. Едва появится хорошая комедия, её сразу же начинают ставить все театры, значит, у одной роли появляется сразу множество хороших и не очень хороших копий. А в кино я знаю, что являюсь творцом единственного, уникального образа. Тем не менее театр актёру необходим, нужно хотя бы несколько раз в месяц выходить в спектакле, нужно ощущать себя в творческом коллективе. И я уже не говорю о том, как много дала мне работа под руководством такого своеобразного, яркого художника, каким был Акимов...»*

Первый фильм, в котором снимался Филиппов, назывался «За Советскую Родину» режиссёров братьев Музыкантов (1937 год, студия «Ленфильм»). Я не видела этого фильма, но рассказывают, что он стал настоящим «боевым крещением» для Сергея Николаевича. В основу сценария, сделанного по книге Геннадия Фиша, был положен рассказ о трудной военной операции – лыжном рейде в глубокий тыл белофиннов бойцов Красной Армии.

Филиппов дебютировал в роли финна-шюцкоровца. Эпизод был короткий, бессловесный, а типаж на редкость подходящий. Дело было зимой, у замёрзших озёр. Ему нужно было пробежать по бревну, переброшенному через незамерзающий проток между двумя озёрами, выстрелить в красноармейца. Но в этот момент разрывалась граната, и шюцкоровец должен рухнуть в воду. А бойцы мчались дальше.

Начались съёмки. Выстрел–взрыв гранаты–рухнул в воду. Стоп. Упавшего в ледяную воду Филиппова вытащили баграми, растёрли спиртом и снова одели. Что-то не получилось.

Дубль-2: падение–багры–растирание–одевание... И так четыре раза. В итоге спирт пришлось принять и вовнутрь. Уложили его тогда на печку, где он проспал целые сутки. Но эпизод, как говорят, получился очень убедительным. Вот таким был его дебют в кино.

Затем роли пошли одна за другой. В том же 1937 году он играет эпизодическую роль крестьянина-партизана в «Волочаевских днях», в 1939-м – саботажника и лодыря в фильме «Член правительства», старого железнодорожника в «Аринке» и паромщика в «Выборгской стороне», а в 1940 году – матроса-анархиста в кинофильме «Яков Свердлов», а перед самой войной – мастера художественного слова в комедии «Приключения Корзинкиной».

Сергей Николаевич всегда с восхищением вспоминал: *«До чего же здорово было сниматься с Яниной Жеймо! У меня там роль забавная – мастер художественного слова. У неё (она – Корзинкина) ещё забавнее. А как Жеймо работала, надо было видеть! Профессионал до мозга костей, и это понятно: сызмальства была циркачкой»*. Увлекаясь, рассказывал о партнёрах. А сам... Собственно, эта небольшая роль стала большой заявкой на комедийные роли в кино. Сейчас я попробую пересказать этот эпизод, а вы мысленно прибавьте к этому всё то, на что способен этот замечательный актёр: гротеск, шарж, буффонада.

Рядом с ним за сценой готовился к выступлению фокусник, который случайно положил маленькую белую мышку на плечо чтеца. Мышка юркнула к нему за воротник, и он вышел на сцену, ничего не подозревая. Кто видел этот эпизод (его часто показывали по телевидению как концертный номер), помнит, наверное, как чтец, приняв вдохновенную позу, стал читать стихотворение Лермонтова «Умиравший гладиатор». А дальше – невозможно передать словами тот контраст, который получился между звучащими поэтическими строками и поведением артиста, по телу которого ползала мышь. Тут ещё и кошка, которая только и ждала момента, чтобы прыгнуть на добычу. Целый каскад прыжков – и гомерический хохот зрителей!

Филиппов снимался у лучших режиссёров «Ленфильма»: у братьев Васильевых, у Козинцева, Трауберга, Зархи, Хейфица, Юткевича. Вот что писала об актёре кинорежиссёр Надежда Николаевна Кошеверова: *«Филиппов поражал нас тогда своей самобытностью и индивидуальностью. Он ни на кого не был похож и никому не подражал... Он не изображал, а органически существовал в образе. Он находил яркие, броские и очень смешные детали, но он никогда не старался смешить... Выразительность комедийных приёмов, скупой, точный жест, эффектная подача аналогичных поступков, вызывающих неудержимый хохот...»*

Когда началась Великая Отечественная война, саратовские родственники некоторое время не имели известий от Сергея: где он – в блокадном Ленинграде? Позже узнали, что он был в блокаде, а потом вместе с театром эвакуировался в Душанбе (в Таджикистан). Тогда в Средней Азии нашли тепло и приют многие российские театры, учреждения и, конечно же, люди, дети.

Филиппов продолжал играть в театре, а в 1943 году снялся в фильме Юткевича «Новые похождения Швейка» в роли ефрейтора Шпукке. Авторы сценария перенесли героя в новую обстановку – из австрийской армии в гитлеровскую. Но они сохранили дух и характер Швейка. Швейка играл Тенин, Гитлера – Мартинсон, ефрейтора Шпукке – Филиппов. Сергей Николаевич пользовался смелыми сатирическими красками, чтобы раскрыть идиотскую сущность солдафона фашистской армии.

Фильм имел огромный успех, особенно у бойцов Красной Армии.

А вот связанный со съёмками этого фильма курьёз, наверное, знают немногие. Тенин играл прекрасно и, увлечшись, наступил ногой на лицо Шпукке. Солидный вес Тенина и размер его солдатской обуви был «по достоинству» оценён Филипповым. Но их диалог «не был записан на плёнку».

Большой популярностью у зрителей пользовались его театральные работы. Известно, что Акимов был чутким человеком, но строгим руководителем. Однако Филиппову прощал многое. Одно время Сергей Николаевич злоупотреблял алкоголем, что связано с его личной жизнью: развод с женой (в середине 50-х), отъезд жены и сына Юрия, которого он очень любил, в Америку (актёр посчитал это изменой) и другие глубоко личные переживания. Это не оправдание, а подтверждение того, что порой обстоятельства оказывают сильное влияние на человека. Так вот, Акимов прощал Сергею Николаевичу многое. Когда его спрашивали, почему он держит в театре Филиппова, который частенько является в нетрезвом виде, он отвечал: *«Для меня один Филиппов дороже десяти бездарных трезвенников».*

Актриса Елена Флоринская (они жили в одном доме на Канале Грибоедова) вспоминает: *«Занавес открывается, полумрак на сцене, он сидит спиной. И всё равно гром аплодисментов, потому что силуэт узнавали, так его любили».*

Знаменитый режиссёр Эльдар Рязанов говорил о Филиппове: *«Фактура потрясающая. Если он в кадре, никого больше не надо».*

Сцена из спектакля «Ревизор».
1958 г. Осип – С. Филиппов

он ловит муху и начинает её есть. «Хозяин сказал, что не даст обед...» – «Как он смеет не дать!» И смех, и аплодисменты зрителей – незабываемо!»

Надо сказать, что Сергей Николаевич Филиппов очень высоко ценил свой (как он считал) театр и признавал огромную роль Николая Павловича Акимова в своей творческой судьбе. Он говорил: «Не считая природных задатков, которые вложили в меня мои родители, требовательности к себе и упорства в работе, которую воспитал во мне первый мой учитель Пётр Андреевич Гусев, всё остальное сделал Николай Павлович Акимов. Он научил меня работать над ролью, привил хороший вкус, развил во мне понимание природы комического и умение профессионально пользоваться её выразительными средствами».

Когда Сергей Николаевич приезжал в Саратов, он обязательно приходил к нам – к бабушке (своей родной тёте и крёстной), к двоюродным сёстрам – Вале и Тае (Валентине Александровне и Таисии Александровне). И мы, дети, тут как тут: Майя, я и младшая – Юля. Когда я смотрела на дядю Серёжу, слушала его, мне даже трудно было отличить, когда он говорит серьёзно, когда шутит, было это на самом деле или придуманная история. Даже сам приход к нам начинался с одного и того же трюка. У входа три звонка с фамилиями жильцов. Зная прекрасно, что мы – Емелины, он нажимал кнопку наших соседей – Филипповых – просто однофамильцев, как он говорил, из-за особого уважения к фамилии. Но соседи, видя, кто пришёл, не ругались, так

Сергей Филиппов любил импровизировать. Артист Николай Трофимов вспоминал, как они играли спектакль «Инкогнито из Петербурга» (по пьесе «Ревизор» Гоголя. Трофимов – Хлестаков, Филиппов – его слуга Осип). «Играли мы с ним сцену приезда. Когда мы приезжаем в харчевню, нам дают номер, мы устраиваемся, но без копейки денег... Но я не буду рассказывать содержание – это всем известно. Мы, голодные, приступили к еде. Дошёл я до жаркого, говорю: «Что это такое? Это топор жареный!» Швырнул из тарелки на стол, потом обратно положил. Тут обычно бывают аплодисменты. Вдруг опять аплодисменты. Думаю: что это такое, я же ничего такого не играл смешного-то, что такое? Оказывается, чтобы зрителям было более понятно, насколько и он голоден, он сыграл над моей головой, что

как всё это было забавно и смешно, ведь дядя Серёжа при этом ещё и кого-то изображал.

Мы жили на улице Горького, второй дом от угла проспекта Кирова (сейчас в нашей бывшей квартире фотоцентр). Под нами был магазин «Мороженое», его окно защищала изогнутая металлическая трубка вроде загородки. Мы, дети, любили «виснуть» на ней, лазать. Так вот, когда у нас гостил Сергей Филиппов, наш сосед Константин Алексеевич, а за ним и другие любопытные забирались на эту загородку и принимали к нашему окну. А когда Сергей Николаевич шёл от гостиницы «Волга», где он обычно останавливался, к нашему дому, за ним шла целая демонстрация. Даже машины останавливались, настолько он был популярен.

Дома у нас его всегда ждали тёплый приём и разговоры. Он очень интересный рассказчик. Особенно любил рассказывать о съёмках, на которых случилось что-то необычное. Например, в «Беспокойном хозяйстве», где он играл немецкого шпиона, ему несколько раз пришлось «лететь» в реку (после первого раза он на всякий случай проверил дно реки). А на съёмках одного фильма в Сибири (к сожалению, у меня не записано название) медведь вывихнул Сергею Николаевичу плечо, и он долго потом болел. Была в его актёрской биографии и встреча с тиграми.

Принимая роль Казимира Алмазова (фильм «Укротительница тигров»), Филиппов вовсе не задумывался о своём отношении к тиграм. Сниматься должны были дублёры-дрессировщики. Но ни один из укротителей не подошёл для дубляжа по росту и фигуре. Вопрос стоял так: или отказаться от роли, или войти в клетку к тигру. И он выбрал второе.

Вот как Мария Александровна Шувалова рассказывает об этих съёмках: *«Трое полосатых «актёров» – Байкалочка, Ахилл и Рада – расстались с уссурийской тайгой только за два года до съёмок. Четвёртый – огромный красавец Пурш – родился и вырос в Рижском зоопарке. Однако ни культурное происхождение, ни цивилизованная среда не оказали сколько-нибудь заметного влияния на его сознание.*

«Актёры» находились уже в клетке, когда Пурша впустили туда для первого знакомства с ними. Внимательно осмотрев всех, он пошёл прямо на Филиппова. Движения его были грациозны, но во взгляде таилось что-то не очень хорошее. Актёр покрылся холодным потом, видя как сокращается расстояние между ним и Пуршем.

Вдруг раздалось лёгкое постукивание. Эдер – дрессировщик – привлёк внимание тигра. Он повернулся спиной к Филиппову, а тот, как говорится, перевёл дух.

И всё-таки Филиппов привязался к тигру, приходил на репетиции. Заходил к нему в клетку, даже дружески похлопывал, чем вызывал гнев дрессировщика. Тигр – ведь это тигр!»

Вот так. Ведь дядя Серёжа даже собак боялся, а к тигру подходил!

Фильм «Укротительница тигров» вышел на экраны и пользовался успехом. Казимир Алмазов в исполнении Филиппова – наглый и самодовольный дурак, постоянно подчёркивающий своё превосходство над другими. В этой роли ярко проявились наиболее сильные стороны дарования артиста: сатирическая заострённость приёмов и характеристики, выразительность внешнего рисунка.

Можно назвать ещё десятки различных ролей, сыгранных Филипповым в кино: Ползиков – «Ночной патруль», Елпидифор – «Крепостная актриса», аптекарь – «Новые приключения неуловимых», и т. д. Мы как-то пробовали подсчитать, сколько снято фильмов с участием Сергея Николаевича, получилось около 150. Он засмеялся и сказал: *«Ну это уж слишком, но 120 – точно. Называй...»*

Сколько же сатирических шедевров создал Филиппов!

Вспоминается «лектор по распространению» из «Карнавальная ночь» – с его пластической выразительностью и точностью жеста, с его абсолютной достоверностью в изображении нелогичных действий и, наконец, его мастерским исполнением эксцентрического танца. Этот эпизод и эта роль по праву вошли в комедийный фонд кинематографа.

*Кадр из фильма «Карнавальная ночь»
1956 г. Лектор – С. Филиппов*

Лектор из «общества по распространению знаний» появляется в клубе, чтобы прочитать лекцию. Высокий, худой, старомодный, как будто вынутый из нафталина, в пенсне, с бородкой клинышком и неизменным портфелем, он выглядел комично на фоне празднично одетой, весёлой публики, собравшейся на новогодний бал. С помощью такого лектора Огурцов решил задержать неуёмное веселье молодёжи, переключив внимание на вопрос: *«Есть ли жизнь на Марсе?»*

Мне кажется, что читатели уже улыбаются, вспомнив эту сценку. Ведь сначала лектор «осмотрел» буфет, и потому звёзды у него «пошли кругом», а сам он стал отплясывать лихую лезгинку.

Бесполезно делать звукозапись этого эпизода. Ведь в нём всего несколько реплик, а всё остальное – мимика (богатеишая!), жест. И вообще Филиппова, конечно, надо смотреть. Настолько всё в его игре органично сплетено. Казалось бы, штрихи, а в итоге – обобщённый сатирический образ.

В фильме «Мы с вами где-то встречались», где были использованы материалы эстрадных обзоров Аркадия Райкина, у Филиппова – короткий эпизод. Фотоателье с макетами: вставил свою голову – и вот ты уже запечатлён на плёнке как лихой абрек на фоне Кавказских гор... Так вот, диалог клиента (Филиппов) и фотографа-халтурщика (артист Бениаминов):

« – Нос ваш?»

– Нет.

– Глаза ваши?»

– Нет, глаза не мои.

– Пиджак ваш?»

– Пиджак, кажется, мой.

– *Может быть, это вы крайний слева? Кепка-то ваша. Ну, значит, и фотография ваша. Прошу! Пять рублей».*

Вся сценка носит деловой характер. Невозмутимая серьёзность и деловитость, с которой они устанавливают сходство оригинала и портрета, усиливают комизм сцены. После каждой реплики в кинозале возникает смех.

Со временем уже плохо помнится содержание фильма «Косолапый друг», но не забыть то, как медведь держал в объятиях официанта (Филиппова), не способного при этом вымолвить ни слова. Всё «происходит» на его лице: недоумение, испуг, а затем ужас, когда он понял, с кем имеет дело.

Мастер короткого эпизода, Филиппов пришёл к виртуозному владению жестом и мимикой в результате непрерывного труда и огромного опыта. У него не бывает неорганичного жеста. Он может «перебрать» (как писала критика), но никогда не сделает «ни для чего»: улыбки ради улыбки, жеста ради жеста. Если у него бывали штампы, то чаще всего это шло от плохого драматургического материала. Что греха таить, вялый сценарий порой пытались «оживить» Филипповым.

Помню, дядя Серёжа рассказывал, какую странную роль ему пришлось исполнять однажды. Режиссёру нужно было, чтобы люди на стадионе заразительно смеялись, аплодировали. Кого только не приглашали, не получалось должного эффекта. Тогда позвали Филиппова. Он выступал, а оператор без остановки снимал публику – это было живо, эффектно, потрясающе!

Филиппов не признавал неоправданных, случайных движений и называл это «рубить лозу». Он упорно, настойчиво, часами работал, шлифуя жест и мимику, подолгу добивался предельного завершения всех деталей образа.

И ещё одна очень важная черта артиста, о которой писал Николай Павлович Акимов: *«Самое ценное в Филиппове – глубокая человечность, несмотря на резкие краски. В этом причина любви к нему».*

зрителей и его огромной популярности. Ведь зрители легче всего удерживают своё внимание на психологической расшифровке образа. А юмор Сергея Филиппова глубоко психологичен и человечен, в отличие от иных комических актёров, которые строят свой номер на формальных приёмах.

«Однажды, – рассказывал дядя Серёжа, – ко мне на улице подошла дама, моих лет примерно, и с чувством произнесла: «Милый, милый негодяй...» и пожалала мне руку. Я был растроган».

Поклонница артиста точна в формулировке своего столь избыточного, курьёзного комплимента. При всём «негодяйстве» героев Филиппова отличает артистическое обаяние. Сергей Николаевич считал, что самое важное качество для комедийного актёра – чувство юмора. Умение посмеяться над собой. Ведь, что греха таить, есть среди актёров и такие, кто не позволяет над собой даже улыбки, – им комедия противопоказана (так думал Сергей Николаевич). Широкая эрудиция, знание мировой литературы, драматургии, кинематографа помогали насыщать роль множеством красок.

Можно десять раз посмотреть фильм «Иван Васильевич меняет профессию», и он никогда не надоедает. И никогда не забудется эпизод со шведским послом. Помните, он входит с сопровождающими его лицами в царскую палату, облачённый в бархатный наряд, с массивной золотой цепью на груди. Он ошалело-настойчиво раскланивается. Но в его нелепых движениях просматривается особая грация. И именно он вёл эту сцену, это был его – филипповский – эпизод, и, кстати, 89-я его картина.

Ещё интересный момент. Как говорила жена Сергея Николаевича – Антонина Георгиевна Голубева, он и ей помогал в работе над литературными образами. Она была писательницей, её книгу «Мальчик из Уржума» о Сергее Мироновиче Кирове мы читали в школьные годы. Антонина Георгиевна запомнилась как очень милая, интеллигентная женщина, она нежно и заботливо относилась к мужу. Сергей Николаевич звал жену ласково: Барабулька. А она – небольшого роста, скромная, тихая – не просто ждала его вечерами, но даже выходила встречать на улицу. Они жили на Канале Грибоедова в Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге), их квартира всегда оставалась уютным и тёплым местом, где радушно принимали гостей. У них была хорошая большая библиотека, Сергей Николаевич знал наизусть много стихов и охотно читал их. Кстати, поэт Михаил Дудин был самым близким его другом. А ещё он дружил с артистами Олегом Беловым, Сергеем Боярским – отцом Михаила Боярского. Актриса Любовь Григорьевна Тищенко, которая помогала Сергею Николаевичу по дому (приходила, ухаживала, стирала, мыла посуду и т. д.) в самые трудные годы после смерти Антонины Георгиевны, говорила о нём: «Он был эстет, высокообразованный человек, много читал, тонкий, умный...»

Приведу ещё одно воспоминание – заслуженной артистки РФ Нины Гребешковой, хорошо знавшей Филиппова. Дело в том, что после смерти артиста о нём время от времени пишут люди, которые не общались с ним при жизни, а выдумывают разные небыли-

цы. Досталось и Антонине Георгиевне, ведь она была намного старше Сергея Николаевича. А Нина Павловна Гребешкова рассказывала: *«У Сергея Николаевича была потрясающая жена, Антонина Георгиевна. Он звал её Барабулька. Это была очень маленькая женщина, но с сильным характером и с юмором колоссальным. Он высокий, длинный такой: «А где моя Барабулька?» Антонина Георгиевна не демонстрировала властный характер, а имела свои подходы: «Сергей Николаевич, давайте это сделаем завтра» или «Серёжа, это замечательно». Ласка, только ласка. Пара была очень трогательная, хотя чисто внешне она была парадоксальной».*

Справедливости ради надо сказать, что у Сергея Николаевича был непростой характер. Были у него трения с отцом, не мог он найти общего языка с сыном. Но это его личная драма...

Сергей Филиппов перенёс очень тяжёлую операцию, а потом жизнь подарила ему дорогой актёрский подарок: он сыграл роль Кисы Воробьянинова в фильме «Двенадцать стульев». Как-то мы спросили у дяди Серёжи, какой фильм самый его любимый. Первым он назвал фильм «Двенадцать стульев». И пояснил: *«Литература-то какая – Ильф и Петров! А режиссёр Гайдай не просто мастер, он сам бывший актёр, с ним общий язык найти легче лёгкого. Не знаю, вынес бы я или нет год напряжённой работы над «Двенадцатью стульями», если бы не Гайдай с его необыкновенным профессионализмом, знанием актёрских возможностей и чувством юмора. Таким режиссёром, целиком отдающим себя работе, был и Иван Пырьев».*

За долгие годы работы в кино маска «злодея-тупицы-пошляка» прилипла к нему очень прочно. Настолько прочно, что не только зрителям, но и кинематографистам уже трудно было представить себе Филиппова – «короля эпизода», как называли его критики – в ином амплуа. И всё-таки чудо перевоплощения свершилось!

После великолепного образа Кисы Воробьянинова – смешного и трагического – мы заново открываем для себя другого Сергея Филиппова: умного, тонкого драматического актёра. Вспомните, как потрясающе Филиппов сыграл драматическую роль рабочего в фильме «Блокада»: *«Оголодал я, Максимыч. Карточки потерял. Как там в цеху?..»* Пробирает до слёз.

Но надо заметить, что столь желанное для артиста перевоплощение было нелёгким. После исполнения «другой» роли (матроса Виленчука в «Шторме» – экранизация пьесы Билль-Белоцерковского) мучили сомнения: удалось или нет?

Сергей Николаевич рассказывал, что сам даже не решился пойти в кинотеатр, попросил пойти сначала жену. *«...Боялся: вдруг при моём появлении на экране в зале раздастся смех? Инерция зрительской привычки – вещь коварная. Я помню, как Пётр Алейников появился на экране в роли Пушкина. Раздался смех: узнали артиста и ждали от него привычного трюка. И от меня ждут трюков. В «Шторме» я играл маленькую роль, но героическую, и привычная реакция на моё появление была бы для меня трагедией. Но вернулась жена и сказала: «Не смеются!»*

«Двенадцать стульев»

И в последних кадрах «Двенадцати стульев» мы тоже не смеёмся. Смеялись, читая роман, смеялись на протяжении двух серий фильма, а к финалу задумываемся над трагедией этого человека, Кисы Воробьянинова, так долго и упорно цеплявшегося за иллюзии и наконец понявшего, что мираж растаял. Ни ушедшие годы, ни угасшие силы не вернуть... Финал высокого драматического накала!

Филиппов, можно сказать, блеснул виртуозностью своего мастерства в одной из последних своих ролей в «Собачем сердце» по Булгакову, поставленном на телеэкране режиссёром Владимиром Бортко. Всего-то небольшой эпизод: крайне немолодой

любитель прекрасного пола приходит к профессору Преображенскому в надежде на омоложение. Сколько выдумки, ярких актёрских находок в том, как он играет эпизод! Выразительно и крайне смешно это сочетание плешивости, угасшего взгляда с прямолинейностью, быстротой движений, всеми повадками того, из прошлого, «неотразимого» этого дамского угодника!

Мастер эпизода, снайпер смеха, выдающийся актёр, большой талант – такие и подобные определения читаем мы в немногих рецензиях театральных и кинокритиков. А я бы хотела добавить сюда «дыхание зала». В советское время мы ходили в кино каждую неделю, потому что обычно по понедельникам появлялся на экране новый фильм, так вот, когда шли титры, а в них – Сергей Филиппов, в зале прокатывался шумок. Все его фамилию читали вслух, с ожиданием, с предвкушением. Поистине Сергей Филиппов – народный артист.

У него были очень сложные последние годы жизни после смерти жены: тяжёлая болезнь – рак лёгких (он много курил). Он никого не хотел видеть, ни с кем общаться. И никогда ничего не просил.

Умер в больнице 19 апреля 1990 года. Похоронили актёра рядом с могилой жены.

Да, конец жизни великого артиста Сергея Филиппова был трагическим. Но люди не знали об этом, они шли в кино, радовались, переживали, смеялись. И до сих пор восхищаются любимым артистом.

**Михаил
МУЛЛИН**

ПОСЛЫ ЭДЕМА

Из цикла «Характеры растений»

ЦВЕТЫ

Эдема ли послы – жарки, кипреи, кашки?
Природы ли восторженной салют?
Эндемики Земли, ещё и в душах наших –
Ваш главный ареал и вечный ваш приют!
Поют вам соловьи всю ночь напропалую.
(Не только розам – всем!)
А людям?
Ну, едва ль..
Кусают их шмели, а вас они целуют!
И козам вас жевать, похоже, даже жаль.
Удел ваш – семь цветов (семь!), как и дней в неделе),
Палитрой семи нот все венчики горят.
А если козы вдруг
Немало кашек съели,
Не меньше стало вас, и вы цвели не зря!
Сиянье ли, оставшееся с Пасхи,
Царицы ли Небес достойные пажы,
Пришли, чтоб из Земли извлечь наружу краски
И лёсс, и чернозём на спектры разложить?

РЕПЕЙНИК

Выхожу за тычинник с любовью.
Лес за ним по-отцовски не строг.
Там лопух свои уши слоновьи
Возле щёлочки держит остро.
Хоть от шёпота девушек-вишен

-
- Михаил Семёнович Муллин родился в 1946 году в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная учёба», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами». Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

И от солнышка сладко размяк,
Он, похоже, давно уж наслышан,
Что его называют сорняк.
Потому-то, по-детски застенчив,
Убоясь популизма тщеты,
Он репей – сине-розовый венчик –
Целомудренно прячет в «шипы».
Он на первый лишь взгляд – толстокожий,
Равнодушен ко всем, как комод...
Но репей очень любит прохожих
И к любому легко пристаёт.

ЦВЕТОК У КАМНЯ

Постою у камня хмурого –
И немислимо, но факт:
Там лиловый «Ирис Дюрера»
Утончённое инфант!
Быстротечны да изменчивы,
Эфемерные, как сон,
Три слегка завядших венчика
И бутоны – с двух сторон.
Но сквозь резкий реализм
Пахнут тайнами и мистикой
Острота зелёных листиков,
Тонкий стебля дуализм.
И уже с недоумением
Я у Ириса спросил:
«Сердце Нюрнбергского гения
Ты согрел? Иль огорчил?»

ЦВЕТЕНЬЕ ОРЕШНИКА

Не канделябр и не подсвечник...
Ещё подснежник не взошёл,
А он уже цветёт – орешник!
И ждёт как будто спящих пчёл.
Но эти «гусеницы»-крошки,
Должно быть, ведают про снег –
Зелёно-серые серёжки
Не со стыда хотят краснеть!
Не Дон Кихот – упорный практик,
Исполнен долга и щедрот,
Он так спешит явить характер –
И к сроку вырастить ядро.
Мороз щипучий, хоть и вешний –
На уши шапку опусти!
А вот, поди ж, – цветёт орешник.
Его
Попробуй –
Раскуси!

ВАСИЛЁК

Василёк на ниве сжатой
Польхает сквозь стерню.
Мне напомнил он, зубчатый,
Часовую шестерню.
Знать, оттачивая зреньё
(Будь ты счастлив или сир),
Он отсчитывает Время,
Будто денежки кассир.
Паутинки первой иней
Он конфоркою прожёт –
Голубой, как кобальт, синий
И лазоревый цветок.
И как будто с интересом
И доверием к судьбе
Слышит имя Василевса,
Обращённое к себе.

ОДУВАНЧИК

Одуванчик не знает бедствий,
Всё на свете ему – добро:
У него золотое детство.
Да и старость его – серебро!

**ПОЛЕВОЙ ВЬЮНОК
(БЕРЁЗКА)**

Утомил прогулкой ноги –
И заметил, что у ног
На обочине дороги
Полевой цветёт вьюнок.
Его дождик поливает,
И одет практично, вишь:
На нём форма полевая –
Не парадная то бишь.
Не готов ли он, бедняжка,
Жизнь свою отдать «зазря»?
То он белый, как бумажка,
То он розов, как заря.
И, не требуя гостиниц –
Клумб, куртин, оранжерей,
Он лежит как пехотинец
На земле родной своей.
Чьим приказом он положен,
Стебель-вьюн передо мной,
Поведеньем осторожен,
Словно на передовой?
Ветерок свистит усталый,
Канонадой гам грачат –

Оттого-то по уставу
Граммфончики молчат!
Лишь цикады голос тощий
Выдаёт мотив простой:
«Ой, выюночек, что ты вьёшься
Над моею головой?..»
И весёлый он, и грустный,
Точно с кем-то не в ладу;
Красный–белый, будто русский
В девятнадцатом году.

КУПАЛЬНИЦА

*В детстве купавки казались мне
Маленькими лунами, упавшими на землю.*

С Луны ты свалилась? Упала,
Скорее, сама уж Луна!
Купальщица, дрёма, купава,
Сводившая девок с ума.
Твой шар с каждым днём прибывает –
Ущерба ему не дано.
Такой золотой не бывает
Луна. Да и злато само!
А стебель подчёркнуто вольный,
И так демонстрируют вкус
Листочки – в ромбических долях,
Как будто окончили вуз.
Куда ни посмотришь, ни ступишь
По маю зелёному – ах! –
Купавка – естественный спутник
Влюблённых, бродящих в лугах.
С купавой в лугах не слукавишь,
В ней всё – чистота и покой.
Смотри, как купается в славе
И нежности шар золотой!

ДРЁМА

По канавам, по урёмам,
По опушкам и лугам
Без претензий дремлет дрёма,
Точно сельский хулиган.
Совершенно не опасна,
С напускною «крутизной»
Вон растёт она у прясла,
Принимая дождь и зной.
Отправляясь на прополку,
Я любил сильнее всего
В лоб цветком с размаху щёлкнуть:
Шум большой – а ничего!

Лопнет чашечка – как будто
Что-то «ляпнет» наобум.
Оттого-то, верно, в шутку
Дрёме прозвище – «щелкун»!
Легкомысленно возникла,
Уповая: «Не найдут»,
Дрёма – белая гвоздика
В позаброшенном саду.
И цветки дороге пыльной
Подарить она взялась –
Будто мельничные крылья,
Дон Кихота не боясь.

Не нужны тебе, я знаю,
Ни забота, ни уход,
Дрёма белая, зубная –
Хулиган и Дон Кихот!

ПОДОРОЖНИК

Опушённый колос серый
Дорог людям, но, возможно,
Для кузнечиков – торшером –
Расцветает подорожник?!
Патриот на диво редкий,
Чтоб избыть разлуки страх,
Он прижал к земле розетки
На зелёных черешках.
Черешки столь длинны эти,
Что легко понятна речь:
«Он готов обнять планету
И под ноги людям лечь!»
Это верно! Где ни ступишь –
Серый свет со всех сторон!
Он идущим – вечный спутник,
Заболевшим – лекарь он.
Четырёхраздельный венчик
Спрятал он от наших мер...
До того он человечен,
Хоть бери с него пример!

БЕЛЕНА

В надежде не терять цены
Изобличает величаво
Её звериное начало
Шерстистый стебель белены.
И всё же любоваться стоит
Резной надменностью листков
И ядовитой красотой
Жестоких кремowych цветков!

Ну, не дизайна ли вершина –
Цветки (не рвите ни за что!).
У белены они – в кувшине –
Природой сделанных кашпо!
Увы, не раз заморозили
Искавших радости детей
Их фиолетовые жилы –
От голубых, видать, кровей!
Весь мир её для нас распахнут.
Гляди, как пышно расцвела!
И всё же явно дурно пахнут
Её нечистые дела...

ДЯГИЛЬ

Прогуляться есть резон –
Сам сейчас увижу:
Дягилевский ли сезон
В нашем Непариже?
Берег. Вот тебе и на –
Поговорки ради:
В огороде – бузина,
А у речки – дягиль!
И струит пахучесть смол
(Мол, кайфуй, голубчик!)
Толстый стебель (или ствол?)
С «кожицею» в рубчик.
В остальном же без затей
Дягиля убранство.
Гибким множеством ветвей
Трогает пространство.
Любит он людей как вид.
Вам, чтоб лучше стали вы,
Живота не пощадит,
То есть... сузит талию!
И, гуляя у воды,
Без нужды не троньте
Бледно-бедные цветы –
Шаровидный зонтик,
Чтоб и впредь ветвился он
Здесь, за огородом.
Дягилевский нам сезон
Нужен ежегодно!

**Любовь
ВОЛОШИНОВА**

КОШКА ПО ИМЕНИ СИЛЬВА

В этом старом брошенном здании Театра музыкальной комедии теперь живут только кошки и привидения. Впрочем, привидения – это громко сказано. Просто забредают ночевать бомжи, для которых жизнь уже давно стала каким-то затянувшимся, непонятным, надоевшим сном.

Ещё пятнадцать лет назад труппа театра переехала в новое здание. А это, которое было изначально клубом приказчиков, попросту бросили. Аварийным его признавали давно. А после ухода актёров отключили отопление, электричество, воду и всё иное, что связывало его с городской жизнью. И тогда в зрительном зале, на сцене, в фойе повисла звенящая тишина.

Вначале сюда приходил сторож, потом ему перестали платить зарплату. Тогда сторожа сменил бывший актёр из давних героев-любовников. Когда-то высокий и статный, а теперь сутулый, с большой лысиной, поблёкшим лицом, в истрёпанной одежде, он входит и движется медленно, с остановками. Вот он и похож на призрак, который никак не может расстаться с этими стенами.

Зачем он сюда является? Может, слышится ему когда-то звучавшая здесь музыка Штрауса и Оффенбаха? Может, вспоминаются аплодисменты публики? А может, счастливые воспоминания о мимолётных театральном романах согревают его сердце? Как знать... Но только в один из таких приходов, когда к старику сбежалась стая прижившихся тут кошек, он направился к большому старому зеркалу на площадке парадной мраморной лестницы.

Оно не просто большое. Оно вмещает весь его рост и ещё половину. Как занесли его сюда ростовские приказ-

-
- Любовь Феоктистовна Волошинова – член Союза российских писателей с 1999 года. Родилась в 1952 году в Ростове-на-Дону. Окончила архитектурный факультет Ростовского инженерно-строительного института в 1974 году. Поэт, прозаик, краевед. Работает архитектором-реставратором. Автор пяти поэтических сборников, книги прозы «Лабиринт минувшего времени» и семи книг краеведческих очерков. Публиковалась в литературных журналах «Ковчег» и «Дон», альманахе «Донской временник» и семи коллективных сборниках «Созвучие». Живёт в Ростове-на-Дону.

чики, так и стоит оно уже более ста лет, выгибаясь изысканной позолоченной рамой.

Старик останавливается перед ним, и вся его кошачья свита покорно застывает рядом. А он вглядывается в помутневшую гладь и шепчет: – Сколько же ты всего перевидало, зеркало!

И гастролёров императорских театров, и пленительную Анастасию Вяльцеву, и комиссаров Донской республики, и деникинских офицеров, и будённовских командиров, и королеву романса Изабеллу Юрьеву, и главаря поэтической братии Владимира Маяковского, а потом и офицеров вермахта. А после – неподражаемого Аркадия Райкина... и даже Александра Вертинского...

Голос старика, когда-то глубокий и зычный, давно потерян, слова шелестят и гаснут в пустоте. Кошки начинают беспокоиться у его ног. Призывно мяукают, требуя обычной трапезы.

– Брысь! Прочь! – отгоняет он пёструю стаю. – Кыш, плебейское племя! Развелось тут вас тьма-тьмушая!

Они покорно смолкают. И он тогда говорит им назидательно:

– Все вы не стоите одной кошки Сильвы, что смотрелась в это зеркало. Что, не знаете царственную Сильву? У-у, темнота непроглядная! Ладно, расскажу, чтоб другим передавали!

Он отступает от зеркала, опускается на колченогий стул у противоположной стены, забытый ещё при давнем переезде труппы, и начинает рассказывать медленно, задумчиво, припоминая.

– Обычные кошки и раньше случайно забредали в наш вестибюль, во двор, в мастерские. Но незаметно покидали их, не позволяя себе никаких вольностей. Эта же впервые появилась не во дворе, не в вестибюле, не в подвальной декорационной мастерской, а на парадной лестнице, у этого зеркала. Она не спеша подошла к изящно изогнутому контуру рамы, грациозно села перед ним, устремила в бездонную зеркальную гладь свои большие внимательные глаза и задумалась, как будто разглядывала в ней минувшие отражения. Так бы и сидела ещё неизвестно сколько, но уборщица перед спектаклем подметала лестницу, и её присутствие мешало кошачьим воспоминаниям. Незваная гостья удалилась искать более подходящее место для своих размышлений.

Прижилась она потом в гримёрной. Понравились ей здесь и шелест нарядных платьев, и костюмы героев-любовников... Возможно, это и призвало её на собственный бенефис.

Во время очередного показа спектакля «Сильва» она вдруг явилась на святая святых – театральную сцену! В самый разгар действия, когда примадонна исполняла арию, она медленно вышла на край авансцены, уселась перед дирижёром и стала пылливо разглядывать публику. По залу прокатилось лёгкое волнение... Тогда кошачьи глаза заблестели, поза обрела ещё большую грациозность.

Как только закончилась ария, дирижёр, оторвав глаза от партитуры, обжёг самозванку негодующим взглядом и палочкой, которой не мог дотянуться до неё, указал путь за кулисы.

Она же, ничуть не смутившись, сделала несколько шагов в сторону, вновь села и начала вылизывать передние лапы. И делала это так

изысканно и царственно, что публика с большим вниманием следила за ней, чем за танцем кордебалета. Закончив обряд умывания, кошка ещё раз одарила публику своим звёздным взглядом, потом медленно удалилась, к сожалению публики и облегчению актёров. После этого эпизода она и получила звонкое имя – Сильва.

А на следующий день в театре собрался худсовет. На нём коллектив единодушно осудил самовольное поведение усатой гастролёрши. Решено было дружно изгонять её из всех помещений театра. Но она словно понимала это осуждение и какое-то время не появлялась никому на глаза, хотя все чувствовали её присутствие в театральных стенах.

Сильва не просто затаилась, она решила произвести потомство. Как раз был в разгаре весенний месяц март. Она отправилась на ритуальные гуляния на соседние крыши, откуда доносились звонкие кошачьи концерты. А когда вернулась недели через две, выглядела очень усталой и похудевшей. Её тогда пригрели билетёрши на первом этаже. Волна общественного осуждения к тому времени успокоилась, и опальная дебютантка вновь обрела милость служителей Талии, при грозном предостережении главного режиссёра: «Чтобы на втором этаже духу её не было!»

Но прошли положенные сроки, и Сильва забытым мяуканьем огласила появление своего потомства именно на втором этаже, на недавно написанных театральных декорациях. Однако и тут человеческое сострадание победило грозный запрет. Новоявленную родительницу отправили выкармливать потомство в гримёрную. Перепачканный фрагмент театрального задника срочно заменили и переписали.

Поднять руку на рождённых под театральной сенью котят никто не решился.

Через месяц их разобрали доброхотные примадонны, героини-любовники, билетёрши. И театральная жизнь пошла своим чередом.

А ещё через полгода приехал на сдачу спектакля ответственный товарищ по культуре из обкома партии. Встречали его директор Музкомедии, худрук, режиссёр. Их волнение было понятно. Такой визит мог закончиться либо значительной годовой премией, либо срезанием бюджета театра в последнем квартале.

И вот путь важного гостя с заискивающей свитой через парадное фойе пересекла царственная Сильва. Обкомовский товарищ невольно отступил.

– Что это? – произнёс он оторопело.

– Да знаете ли, – нашёлся худрук, – мыши завелись в костюмерной. Советовали взять кошку. И представляете, помогло!

– Понятно! – высокомерно согласился куратор. – Я тоже сторонник традиционных решений.

Услышав это, Сильва остановилась. Презрительно обернулась к начальству и на мгновенье призадумалась.

А высокая комиссия уже успела дойти до середины фойе. Тогда кошка повернулась, забежала вперёд и вновь прошла перед гостем и его спутниками с поднятым хвостом.

И вновь оторопел ответственный представитель обкома.

– Однако, она у вас...

Режиссёр передёрнул плечами. И, невольно оправдываясь, пояснил:

– Поймите, дорогой товарищ, жизнь певцов нервная, конфликты, обиды. А кошка смягчает нравы, успокаивает...

– Тоже верно, – согласился важный гость.

Но и этот ответ не понравился Сильве.

Они уже подошли к самому входу в зал, когда она снова гордо прошла перед ними.

– Что она себе позволяет?! – опять отступил назад обкомовец.

– Сильва приносит удачу на премьерах, – оправдывался директор.

– Вот мы и посмотрим, как приносит! – грозно заключил гость, открывая дверь зала.

Кошка так и осталась сидеть за его спиной, глядя вслед насмешливым взглядом. Судя по всему, последний ответ её удовлетворил.

Премьера прошла на подъёме! Актёры были в ударе, музыка заволаживала и веселила, декорации радовали глаз. Высокий гость смеялся, заслушивался, удивлялся, замирал. После окончания спектакля рукоплескал актёрам, пожимал руку режиссёру. А потом, опомнившись, спросил директора, когда вышли в фойе:

– А где же эта ваша вестница удачи?

– Да гуляет где-то сама по себе, – услышал в ответ.

– Эх, сама по себе! – с завистью повторил ответственный товарищ. – А мне вот на очередную планёрку спешить...

Вскоре после этого визита директору сообщили, что годовая премия будет повышена, а бюджет театра останется неизменным.

Но Сильве уже стало скучно под сенью кулис. Ещё раз она явилась у незабвенного зеркала, долго сидела перед ним, словно прощалась с чужими воспоминаниями. И никто теперь не смел тревожить её.

На следующий день в театре Сильву уже не встретили.

Рассказчик перевёл дыхание:

– Вот и вся история. Поймите, она царствовала в этих стенах! А вы готовы мне ноги лизать из-за каких-то объедков! Ну да ладно... – машет он рукой. – Помяните её душу скромной трапезой.

И наполнил миски принесённой едой.

Людмила
ШУТЬКО

ЖИЗНЕННЫЙ СЮЖЕТ

САМОПОГРУЖЕНИЕ В СОН

Биенье сердца –
Трепет от страха перед
Недвижной смертью,
Отсчёт отсроченного
С передышкой на ходу.

КАРЛО ДЖЕЗУАЛЬДО

Играй, играй –
я не помню мелодию, не пойму слов.
Играй, играй –
так же точно люди не помнят зла.
Христианнейшее прощение – ложь,
Смерть неотступна, ночь ясна –
Играй, играй!

Что нам до властей, войн, любовей, трудов?
Играй до утра!
Имя тёмно твоё, и время тёмно –
Играй до утра!
...Память коротка и холодна.
Опустятся руки – не нужна также и музыка.
Играй до утра!

Бессмысленное подёргивание игроца,
Не оправданное страхом, болью, жаждой жить,
Не должно продолжаться без конца.

Опыт стал
целеной, заволакивающей взор мне
И к ладоням льнущей, а веры нет
Ни в себя, ни во вдохновение.

-
- Людмила Семёновна Шутько родилась в 1983 году в Ростове-на-Дону. Окончила факультет филологии и журналистики (отделение отечественной филологии) Ростовского государственного университета, который ныне вошёл в состав Южного федерального. Работает редактором в издательстве Южного федерального университета. Автор пяти стихотворных сборников. Как литературный критик публиковалась в журнале «Ковчег» (Ростов-на-Дону). Член Союза российских писателей с 2014 года. Живёт в Ростове-на-Дону.

НА МОТИВ КЛИМАТИЧЕСКОГО МАРША

Парады в защиту погоды,
 Пардон, климата
 Похожи на крестный ход.
 Содержание молитвы
 Одно и то же от века:
 Мол, стараемся честно,
 Сами, прости, не можем,
 Помилуй,
 Помоги...
 И можно без ответа.

ЖИЗНЕННЫЙ СЮЖЕТ

Я думаю, там автор
 По тамошним масштабам
 Неопытный и падкий
 На вычурный спектакль.

Как выкрутиться, чтобы,
 Не потерявши правды,
 Одновременно радовать,
 Будить и увлекать
 И быть не очень кратким?

Давай его похвалим,
 Прославим и утешим:
 Тасовкой персонажей
 Он в силах овладеть.

Вот он тебя подхватывает,
 Не дыша, удерживает,
 А ты ему (чуть тише)
 Хорошее подскажешь:
 Мол, так держать и впредь.

21 НОЯБРЯ 2015 ГОДА

Сквозь дождь фонарь похож на проблески в болезни:
 Предположения, что это разум, лестны,
 Но почвы нет – блестит лишь глинистый асфальт.
 Вдруг ставшая сухой, разверзнута листва.
 Да, лучше под ноги. Усни и не ослепни.
 Единственное, что возьмётся в путь последний, –
 Незамутимая, пустая, как слеза,
 Бездонность зрения. Что зришь – узнать нельзя.

«Я не жонглирую. Я просто открываю
 Ладонь тому, что мне в сей миг дарует небо,
 И, не задерживая, отпускаю восвояси –
 В дальнейший путь, и жду замороженно», –

Так говорил фигляр, игрок словами.
 Жонглировать бы он, поди, и впрямь не смог:
 Не хватит ни силёнок, ни сноровки.
 Цирк – это тяжкий каждодневный труд.

Олег
ЛУКЬЯНЧЕНКО

«...ПИАНИСТ РОДИОНОВ»

Памяти Анатолия Полищука

Когда Россия называлась Советским Союзом, каждый час вещания начинался с объявления времени – непременно московского, но в 15.00 перечислялись также ещё и населённые пункты по направлению к востоку, и наконец: «...в Петропавловске-Камчатском – полночь».

Когда Россия стала просто Россией, по тому же восточному азимуту цепь городов не изменилась, но о тамошнем времени жителям приходится узнавать лишь из местных источников.

А ещё – снова возвращаемся в СССР – в шесть утра, после гимна, того ж, но с другими словами, и первого выпуска новостей гремела «утренняя гимнастика», с повтором через час, и вся страна в едином порыве начала ходьбу («*Вдохните... На месте шагом марш! Выше колени!*»), затем потягивалась («*Выпрямитесь, плечи слегка назад... голову повыше...*») – и дальше-дальше-дальше до заключительного, на месте же, бега или прыжков.

А финал звучал так: «*Вёл занятие преподаватель Гордеев, музыкальное сопровождение – пианист Родионов...*».

-
- Олег Алексеевич Лукьянченко – член Союза российских писателей с 1991 года и Международной федерации русских писателей с 2009 года. Родился в 1948 году в Ростове-на-Дону. Окончил филологический факультет Ростовского университета в 1971 году. Служил в Советской армии (1971–1973 гг.), преподавал в Ростовском мореходном училище им. Седова (1973–1982 гг.), работал в журнале «Политическая информация» (Смоленск, 1982–1983 гг.), в газете «Вечерний Ростов» (1983–1984 гг.), в Ростовском книжном издательстве (1984–2004 гг.). Заместитель главного редактора (с 2005-го), главный редактор (с 2011-го) литературно-художественного журнала «Ковчег» (Ростов-на-Дону). Печатается как поэт с 1971 года, как критик – с 1982-го, как прозаик – с 1983-го. Автор многих книг и публикаций в отечественной и зарубежной периодике. Отмечен премиями журналов «Знамя» (1994 год), «Ковчег» (2007 год). Живёт в Ростове-на-Дону.

Не помню уж, по какому случаю вспомнил Толя об этом всенародно известном, но при этом безвестном исполнителе, когда мы очередной раз гудели на его «фазенде». Было это в самом начале девяностых, при доживающем последние месяцы СССР. Может быть, как раз в тот июньский день, когда приехали к нему на хутор с мини-бригадой областного телевидения – корреспондент Наталья, оператор Эдик и водитель, чье имя я запомнил.

«Теперь надо потянуться и глубоко подышать».

От Ростова до Новочеркасска электричка дребезжит около часа. Остановочных платформ наберётся с десятков, а вот станция одна-единственная, одноимённая с тем самым хутором. Справа – один из бесчётных речных рукавов, узенький, камышом поросший, слева – крутой бугор из ракушечника, по которому и рассыпаны хуторские постройки. Несколько извилистых, в гололёд посыпаемых песком тропок тянется вверх, преодолевая неподъёмную крутизну. Где становится чуть положе – там и улочки, и два-три магазина, и моторный транспорт, а ещё ввысь и вдаль – ровная золото-малахитовая степь в три конца. Назад обернёшься – от панорамы распахнувшейся аж голова закружится: сочная донская пойма до самого горизонта, а чуток поближе, километрах в десяти, – маковки знаменитого Воскресенского собора...

«Вдохнуть, побольше прогнаться.

Выдохнуть, вернуться в исходное положение».

На самой крутизне приобрёл Толя участок с хаткой-развалюхой году в восемьдесят седьмом, как раз когда выпустил первую свою книжицу. Видимо, как и всем нам, мечталось ему, по слову опекавшего его Деда, «о высоком писательстве на лоне природы». Уйму труда вложил новый хозяин в заброшенный участок, одни террасы для грядок на этом скособоченном склоне каторжных усилий стоили; хатёнку кое-как до жилого состояния довёл, и в завершение реставрационных работ наш собрат-прозаик, а заодно изумительный печных дел мастер Олег Афанасьев сложил ему красавицу-голландку.

«Мышцы расслабьте. Глубоко подышите».

На пару десятков лет стали эти райские кущи постоянным пристанищем для наших пикников в любое время года, но слаще всего, конечно, май, июнь – да и всё наше протяжное, знойное, изобильное плодами лето. Степной перевозданный воздух, садово-лесные ароматы, ну и, конечно, – куда ж без этого? – бодрящие напитки, кои только катализировали забвение повседневных рутинных забот и полное благорастворение в природной стихии. Вот – один из незабываемых – эпизод...

*«А теперь ложитесь на коврик на спину.
Ноги соедините, руки положите вдоль туловища ладонями
вниз».*

Долгий, томительно-счастливый позднемайский день сменяется ласковой благоуханной ночью, и, не сговариваясь, все мы делаем несколько нетвёрдых шагов вверх по бугру от пиршественного стола, грубо сколоченного из подручных древесных материалов и вбитого в землю под кривобоким берестом, и валимся на мягкую муравушку, накопившую дневного солнца и всё ещё тёплую, и ловим в объятья землю-матушку, и голова начинает таять, и заливаётся соловушка, и всё это «Бракосочетание в Типаса» лишь временами портит боковой ветерок, приносящий откуда-то издали вонь дохлятины, напоминая, что полной гармонии, увы, всё-таки не сыщешь на этом свете...

«Прямее, прямее держитесь!»

Вот за этим-то столиком и сидели мы под красным оком удостоившего нас аж часовой передачи областного телевидения, щёлкая мельчайшие жердёлки и непринуждённо отмахиваясь от разуделых комаришек. И писательское наше будущее, к которому пробивались мы, расшибая в кровь лбы и носы, но не поступаясь ни долькой собственной выношенной правды, теперь представлялась таким же бесконечным и неоглядным, как плавно улывающая за горизонт от нашего бугра панорама...

Да, пожалуй, именно в той затяжной и на любые темы беседе и вспомнил Толик о пианисте Родионове, и протянул мечтательно: вот бы написать рассказ об этом человеке, которого никто не видел, а слушали каждый день десятки миллионов...

«Раз-два, три-четыре...

Ноги поставьте шире плеч.

Повороты туловища с наклоном вперёд...»

А для меня ежеутренние фортепьянные радиотрели неразрывно связаны были с обликом отца, старательно, вместе со всей страной выполнявшего строгие команды преподавателя Гордеева, а после, напевая незамысловатое «тири-ри-ри, ти-ри-ри», наводящего опасную бритву на потёртом кожаном ремешке, пряжкой зацепленном за дверную ручку. Он и меня приучил сызмала под эти бодрящие звуки начинать каждый Божий день, и случалось частенько, что мы вдвоём гулким топотом проверяли прочность половиц, не тревожа соседей снизу потому только, что их там не было: под нашей квартирой располагался красный уголок райжилуправления (сокращённо – РЖУ).

Вот и тот день, 26 апреля (нет, чернобыльская мина ещё не дала о себе знать), начался с энергичной совместной зарядки, после которой меня, восьмиклассника, ждала увлекательная экскурсия в центр действия романа «Молодая гвардия». Читать его начинал я затаив дыха-

ние, ожидая чего-то не слабее «Трёх мушкетёров», и с каждой перевернутой страницей всё больше нудился от скуки и разочарования.

Зато сама поездка удалась заливчатски весёлой, что никак не вязалось с трагичностью места, куда мы направлялись, к тому же прославленный Краснодон оказался захудалым, невзрачным городишком, больше смахивающим на деревню. Мишка Епифанов, остряк-самоучка, в тамошней музейной книге отзывов нагло написал: «Мы произвели большое впечатление», а в памяти осталось лишь несколько штрихов самой поездки, и ярче всего – забавная и загадочная картинка на самой границе с Украиной, то есть никакой границы, конечно, не было, а только обозначивший её дорожный указатель справа, и над ним, пересекая шоссе, ветвилось хитросплетение разномастных проводов с туго обмотанным ими увесистым кирпичом, нависшим аккурат над невидимой осевой. Кто разглядел его, пожимал плечами или хихикал, не понимая, зачем тут сей неуместный предмет; и я, чтоб сверкнуть эрудицией, объявил во всеулышание: «Дамоклов кирпич»!..

*«И коснитесь левым локтем бедра правой ноги.
Правым локтем – бедра левой ноги».*

На обратном пути все гадали: там ли он ещё или уже свалился кому-нибудь на голову, и дружно хохотали, обнаружив на прежнем месте, а я, уж не помню почему, оказался сидящим визави с никогда прежде не привлекавшей моего внимания Таиской Степаненко из параллельного класса, вполне уже оформившейся девушкой, со всеми положенными выпуклостями. В вечернем полумраке её круглые коленочки маняще светились и в тесноте встречных сидений моя правая коленка стучалась о её левую. Ни ей, ни мне эти тупые стуки не нравились, и, чтобы избежать их, Таиска слегка развела свои ноги, так что моя правая теперь с каждой вибрацией автобуса на чуть-чуть продвигалась вперёд, а она то стискивала свои, то ослабляла, при том моя мало-помалу погружалась глубже и глубже, и я, всё больше увлекаясь этой неожиданной и захватывающей игрой, заметил вдруг, что Таиска задыхалась часто-часто и стиснула ноги капканом, а потом резко раздвинула, вытолкнула мою коленку и отвернулась к окну, где мелькали тёмные силуэты редких деревьев... Удивительно, но ни она ни я никогда не вспоминали об этом случае да и вообще, кажется, как и раньше, не замечали друг друга, а спустя десятилетия кто-то рассказал, что Таиска сделала сногшибательную карьеру, в девяностые став директором городского кладбища...

*«Расслабьтесь.
Наклонитесь вперёд и потрясите кистями».*

Даты своего рождения Толя не знал. Родителей тоже. Навскидку ставили ему в паспорте первый военный год. Из одесского детдома швырнуло его, как из пращи, во всю российскую ширь. Каких толь-

ко краёв не повидал, каких работёнок не перепробовал! При всём при том попал в заочники Литинститута и диплом тамошний получил. Как его на Юг благословенный занесло, неважно, но тут он осел капитально: женился во второй раз, две книжки издал, да ещё и фазендой обзавёлся. А работал электриком на подстанции – дежурил через двое суток на третьи. Самое то для бумагомараки – по себе знаю, хоть с электричеством никогда не дружил. И вот на воле этой пейзажной, где порой житуха его, в прошлом перелётная, теперь едва ль не раем земным оборачивалась, и ужалила его отравленная пуля...

«Прыжком поставьте ноги врозь.

Скрестите ноги. Поставьте левую перед правой».

Такое сравнение мне потому представляется, что чёткий киношный кадр стоит много лет перед глазами. Станция ЖД, как вы помните, не узловая вовсе, и скучные товарняки на ней часами маялись в ожидании жёлтенького хотя б сигнала. Поэтому, чтоб к речке пройти да обратно от неё в хутор, нужно было или под вагонами сгибаться в три погибели, рискуя спину замарать мазутом (о такой ерунде, что можно и под колёсами невзначай очутиться, разве кто думает?), или выхватить взглядом площадку с подножкой, запрыгнуть на неё, а с другой стороны спуститься. И вот возвращаемся мы с речки, мокренькие, освежённые, но всё равно хмельные крепенько, и Толя с маху вскакивает на ступеньку, а состав как раз в этот миг дёргается, взгрёмывая поочерёдно всей полусотней вагонов. Сбросить пытается смельчака, и тот, покачнувшись, будто пуля подкосила, как в фильмах про гражданскую войну, всё ж таки последним, казалось со стороны, усилием всех мышц выравнивается в богатырский свой рост и уже с неспешной вальяжностью спрыгивает на перрон перед станционной сараюшкой.

«Вдох–выдох, продолжайте.

Пониже наклоняйтесь».

Затеялся Толя как-то пробурить скважину на берегу ручья. Чтоб вода сладкая всегда была для питья и полива. Нас с Афанасьевым кликнул в подмогу. Мартышкин, доложу я вам, труд – бур этот ручной ввинчивать до артезианских глубин, но часа два, сменяясь, крутили мы его бодренько и в охотку. И вот уж песочек влажненький стал вычерпываться. И вот-вот уж того и жди вырвется живая струйка, и вот... ну, ну же!.. Третий часок на исходе, а всё тот же песочек, едва сыроватенький, и опять песочек, и снова он же...

Афанасьев первым присел на бережку. Не потому, что больше других устал, а просто раньше нас всё понял. Вслед за ним вскоре и я. Но хозяин с упорством Сизифа и взбухшей жилой на лбу всё давил-ворочал обрыдший бур, всё выдавал и выдавал на-гора горстишки влажного песку...

*«Опустите руки.
Поднимание ноги вперёд».*

Мастер, когда захочется, на все руки, соорудил Толя алхимическое, можно сказать, устройство по производству чистейшего самогону; самое изысканное его произведение именовалось – жердёлочка. От одного ярко-солнечного блеска прозрачного этого бальзама настроение вскипало, а жердёл старых росло на участке целых три. Но в части плодоносности дерево капризное: обманчивым позднемартовским теплом повеет – распушится оно цветом бледно-розовым, а ночью чуть на минус сползёт – и жди до будущего года урожая. И что тогда делать? Чем заменить?..

Хуторяне над тем особо не задумывались: палёнку варнакали простейшим до гениальности способом: спирт (этиловый всё ж таки!) речной водицей разбавляли; я как-то из любопытства попробовал – маломало песок на зубах не захрустел. И для стороннего взгляда не сразу заметно, но стал Толик, что называется, не просыхать. «Это я себя так веселю», – объяснял тем, кто пожурило его мягко пытался.

Писать, однако, продолжал, прилежно и продуктивно, но с новыми книжками не заладилось. Хотя «вступление в рынок» прошло для него как автора на удивление удачно. Свежий роман о похождениях вечного российского бродяги на корню куплен был неким новоявленным издателем (а их тогда развелось несчётно), выплачен приличный гонорар, вступительная статья заказана объёмом чуть ли не в два печатных листа... И вот статья-то как раз в некоем опять же альманахе появилась, а сам роман тиснуть издатель не успел: разорился. Редкий для автора случай! И болезненный, бесспорно, невзирая на полученные деньги. Которые понятно куда делись.

Нет, среди нас трезвенников не водилось. Но и запойных тоже. А вот Толя... Сорок дней, что ли, длился у него цикл, и взгляд в этот период делался мутным, зато дурковато счастливым. А когда бедняга пытался разомкнуть петлю и вернуться в тусклый бранный мир, когда держался мужественно и стиснув зубы – на него больно было смотреть: таких мучений стоила ему трезвость, при том что носил он тогда костюм с иголки да холёную бороду а-ля папа Хем...

*«Коснитесь носком правой ноги левой ладони.
Делайте под музыку...
Раз-два. Раз-два...»*

Но зато ж и сочинил он тако-ое, на что никакому трезвому не хватило бы воображения и, быть может, лишь блаженному Венечке было бы впору! Подобралась на тех ракушечных буграх подходящая компания – таких же отрешившихся от земного бытия. Причём самого Толика никогда не видели мы злобным, кореша же могли его при случае и ограбить, и изувечить – и всё ж не находил он сил с ними расплесть. В сочинённой им – и напечатанной! – фантазмагории невозможно отделить бредовые картины от реальных, так тесно они срослись. Взять хоть такой момент – поминки по одному

из кодлы: сидя за бутылью, мучительно пытаются вспомнить, кого ж похоронили-то?.. А когда наконец припоминают – тот, якобы только что закопанный, сидит и пьёт вместе со всеми...

*«А теперь вставайте. Ноги поставьте шире плеч.
Руки согните, кулаки к плечам. Локти опустите».*

Так, незаметно, былые райские кущи сменились – авторское определение! – адовыми метаморфозами. И, наверно, тому, кого хоть мимолётно лизнуло языком той жаровни, не вырваться уж из щупов дьявольского огня.

Первый звоночек (да какой там звоночек – колокол стопудовый!) грянул в новогоднюю ночь. Что, как, почему – ни сам Толя, никто из нас тем паче так и не дознались, но одни головёшки дымящиеся остались к утру от несчастной хатёнки. Да печка афанасьевская сияла как новенькая, даже не закоптилась. Хозяин же – последняя, наверно, ангелов его забота – выскочил в праздничную ночь, одеялом обмотавшись, за сараем укрылся и – что значит художник! – смаковал невиданное зрелище, а после рассказывал нам с безумным блеском в глазах: «Матрасы горящие так по небу и летали, и ветром их снизу поддувало – у-у, у-у-у...»

Понял ли он смысл этого огненного урока? Кто знает. Годик-другой-третий просквозили без приключений. Кое-как затёрлись следы погорельства, подзамазались, кой-какая из деревяшек хибарка вокруг несгораемой голландки сколотилась, и писать продолжал упорно – догадайтесь-ка что? – роман из древнекитайской истории!.. Ан пагуба Толикова никуда не делась, и если раньше хоть в трезвые периоды возвращал он себе человеческий облик, то теперь... Так и вижу его – мычащим нечленораздельно над пластмассовой пивной полторашкой...

*«Ноги соедините, руки опустите вдоль туловища.
Опуститесь на колено».*

Спёкса Толик на снежно-слякотном стыке января и февраля, а в какой точно день – так мы и не узнали, как и рожденья дня. Примерно 65 ему было. Спёкса в буквальном смысле этого слова: нашли его упавшим грудью на включённую электроплитку. Пожара, однако, на сей раз не случилось. Только тело частично обуглилось. В морге районной больницы прозектор (или как они там называются) доложил, что в организме обнаружили около пяти промилле алкоголя – практически смертельная доза. «А к нам и с шестью, и с семью привозят», – добавил он. «И что – живые?!» – поразился я.

Глупый мой вопрос остался без ответа.

*«Выпрямите спину, мягче опускайтесь на колено.
Продолжайте-продолжайте! Делайте под музыку».*

В одной из Толиных повестей, благополучно изданных в позднесоветское время, кого-то из героев хоронят в спешке – и даже гроб

на кладбище тащат бегом. Мы заколоченную ещё в морге домовину везли в нанятом хуторском «уазике», сидя по бокам её и ставя на красную обивку крышки опорожняемые по глотку бутылки с пивом. Говорили о литературе.

О чем же ещё – на проводах писателя!

«Заканчивайте ходьбу».

А о загадочном пианисте Родионове, (о котором так и не довелось узнать Анатолию) теперь можно навести справки и довольно подробные – во Всемирной Паутине. Вот, например, что сообщает один из родственников (даю выдержки):

«...псевдоним Валентина Васильевича Родина. Профессиональный пианист, с консерваторским дипломом... Карьера классического сольного пианиста у него не сложилась, и он всю жизнь проработал аккомпаниатором, работал с бригадами музыкантов на фронте (освоив даже аккордеон!) и после войны объездил с концертами множество стран. Кроме этого, зарабатывал на «гимнастике» в Гостелерадио. Почему-то стеснялся этих «приработков» и поэтому взял псевдоним... Приходили письма от слушателей «гимнастики», где писали, что он так играет, что люди бросают заниматься и просто слушают его музыку. Умер в октябре 1980-го, не дожив и до семидесяти...»

И чуть ли не все выпуски той гимнастики в записи может выдать интересующимся всезнающая Сеть...

О том же, висит ли ещё над границей «дамоклов кирпич», даже «Википедия» умалчивает.

«И не забудьте проделать водные процедуры!»

**Фёдор
ОШЕВНЕВ**

ДВА РАССКАЗА

ПЕРНАТЫЙ МУФЛОН

Ночью из вольера зоопарка одного из южных российских городов таинственно исчез муфлон. То есть, конечно, не сам исчез – экспонат не был склонен к побегам, да и не так чтобы уж очень таинственно. Его, размышляли удручённые зоологи, грубо и цинично под покровом душевной ночи наверняка похитили существа более разумные. Как, например, те же бомжи, коих неподалёку от обездоленного зоопарка, в пойме реки, летом обреталось изрядное количество.

О самом механизме похищения тоже гадать особо не приходилось. Он явно совпадал с механизмом исчезновения купца Портретова из знаменитого криминального рассказа Чехова «Шведская спичка»: «Мерзавцы убили и вытащили труп через окно». Равно как и купец Портретов, живым муфлон мало кого интересовал: тащить-то его во здравии представлялось чреватым. Куда сподручнее было перемахнуть ограждение вольера и прикончить беззащитную жертву прямо в её родных пенатах. Дабы затем перебросить свежатину через сетку и, за неимением окна, умыкнуть сквозь дыроватый забор. На воле же труп муфлона, ясное дело, был надёжно скрыт путём за жаривания с последующим поглощением.

-
- Фёдор Михайлович Ошевнев родился в 1955 году в Усмани Липецкой области. Окончил химический факультет Воронежского технологического института в 1978-м и факультет прозы Литературного института им. А. М. Горького в 1990 году. Прозаик, публицист, журналист. Автор девяти книг и более ста тридцати публикаций в отечественной и зарубежной периодике. Четверть века отдал службе в армии и милиции. Участник боевых действий на Кавказе. Ныне – майор внутренней службы в отставке. Награждён медалями: «За ратную доблесть» – за создание повести «Да минует вас чаша сия»; «За отличие в воинской службе» I степени – по итогам командировки в Республику Ингушетия; «За отличие в охране общественного порядка» – по итогам командировки в Чеченскую Республику, и многими другими. Член Союза журналистов России и Союза российских писателей. Живёт в Ростове-на-Дону.

К тому времени, как в районный отдел милиции от директора научно-просветительского учреждения поступило соответствующее заявление, прошло уже трое суток, и от самого муфлона остались, как в народе говорится, рожки да ножки. А тотальное и радикальное промывание желудочно-кишечных трактов окрестных бомжей никаких улик теперь дать не могло. Однако заявление было зарегистрировано, и факт исчезновения живности по закону требовалось расследовать. И начальник уголовного розыска райотдела поступил так, как на его месте поступил бы и всякий другой начальник УгРо по России: поручил это бесперспективнейшее дело самому на тот момент молодому оперуполномоченному – лейтенанту милиции Игорю Пискарёву.

Хоть и молод был сыщик, но он даже после третьего стакана понимал, что шанс отыскать особо ценный экземпляр у него равен ноль целых и хрен десятых. Тем не менее он добросовестно облазил весь зоопарк, так что его начали узнавать некоторые из экспонатов: особенно долго не сводил с лейтенанта жёлтых «зековских» глаз огромный уссурийский тигр. Побеседовал Пискарёв и с несколькими бродягами, коротавшими время у шалаша из веток на берегу реки – из тех, кто на момент разговора ещё мог вязать лыко. Из такового общения опер вынес твёрдое убеждение, что именно они-то и сожрали несчастного красавца, но подкрепить солидную версию доказательствами... Увы, плёвое в общем-то дело превращалось в безнадежный «висяк» – из тех, что уже ни в сейф до лучших времён не засунешь, ни до суда никакими стараниями не доведёшь.

Понимая это и ощущая многократно поротым местом пониже спины грядущие неприятности, начальник УгРо ежедневно на утренних и вечерних оперативках на глазах у злорадных коллег устраивал лейтенанту показательные и обидные разносы. И, явно переусердствовав в этом, допёк Пискарёва до отчаяния и богатой идеи: поскольку следов взлома замка на двери вольера не было, так почему бы и не попробовать от кошмарного фактового дела отбиться отказанным материалом?

Идея сулила покой. Идея спасала всех. Но надо было её как-то убедительно обосновать... Главное: куда конкретно мог самоустрачиться из запертого вольера своенравный муфлон?

На Руси единственным и доступным каждому сотруднику милиции источником зоологических знаний покои веку являлась передача «В мире животных». Но наш герой, судя по всему, её отродясь не смотрел. Иначе бы...

Впрочем, воображением Господь Пискарёва не обидел, а посему, основательно поломав голову над чистым листом и обгрызя кончик авторучки едва ли не на сантиметр, оперуполномоченный в муках творчества родил следующий нетленный документ (цитируется полностью):

«П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

об отказе в возбуждении уголовного дела

город Н-в 20 сентября 199... г.

Оперуполномоченный ОУР Свердловского ОВД г. Н-ва лейтенант милиции Пискарёв Игорь Юрьевич, рассмотрев материал за № 982647 от 29 августа 199... г. по факту исчезновения муфлона из городского зоопарка,

У С Т А Н О В И Л:

26 августа 199... г. в Свердловский ОВД г. Н-ва поступило заявление от директора городского зоопарка Маркизова Семёна Вениаминовича об исчезновении из запертого вольера муфлона.

В ходе сбора материала был опрошен работник зоопарка Котелко Павел Иванович, который утром при раздаче корма животным непосредственно и обнаружил отсутствие муфлона в запертом вольере. Произведённый осмотр территории зоопарка и примыкающей к нему местности положительных результатов не дал. Проведённый подворный опрос жильцов близлежащих домов свидетелей исчезновения муфлона изначально не выявил.

Однако в беседе с работниками зоопарка установлено, что ветеринар учреждения гражданин Бескоровайный Валентин Андреевич, в обязанности которого входит наблюдение за состоянием здоровья зверей и птиц, содержащихся в зоопарке, своевременно не принял необходимых должных мер к предотвращению возможности самостоятельного покидания муфлоном территории упомянутого учреждения, поскольку по бесконтрольности не обстриг ему крылья в срок, указанный в графике обрезаний, что позволило вышепоименованной птице, с учётом наступившего периода перелёта пернатых на юг и сильно развитого у семейства муфлонов чувства стадности, при обнаружении стаи диких муфлонов, пролетающих над зоопарком в направлении тёплых стран, разбежаться, взлететь и присоединиться к собратьям, каковой процесс улетания наблюдался свидетелями, гражданами Стрюковым Юрием Дмитриевичем и Припойко Сергеем Валерьевичем, лицами без определённого места жительства (отобранные заявления прилагаются к постановлению).

С учётом изложенного, руководствуясь статьёй 113 и пунктом 1 статьи 5 УПК РСФСР,

П О С Т А Н О В И Л:

В возбуждении уголовного дела по факту исчезновения муфлона из городского зоопарка отказать за отсутствием события преступления».

Пискарёв радостно и витиевато подписал документ, и тот лёг на стол начальника ОВД. Начальник немедленно согласился с отказным и даже похвалил молодого сыщика за фундаментальные знания особенностей поведения муфлонов и «прочих рептилий». Материал стремительно списали в архив... Из зоопарка, правда, раза два ещё звонили и робко интересовались посмертной судьбой муфлона, но к тому времени начальник УгРо уже перевёл все телефонные стрелки на Пискарёва, а тот важно отвечал: «Ищем... Всем отде-

лом... Как только, так сразу...» А потом зоопарк захлестнули события: заболел африканский слон, у четы уссурийских тигров появилось потомство (ох, недаром полосатый папаша так присматривался к нашему лейтенанту), но больше всего хлопот доставлял недавно прибывший из забугорья сварливый и неуживчивый кот манул. Словом, вскоре о неразъяснённой пропаже напрочь забыли...

Но ровно через год грянула гроза. Прокурор, кропотливо проверявший отказные материалы, наткнулся на дело о «пернатом муфлоне». И всё было бы ничего – сам проверяющий скупно разбирался в вопросах птичьих перелётов, но вот слово «муфлон» ему показалось до любопытства знакомым...

На беду лейтенанта Пискарёва, у прокурора была жена. Да не просто жена, а зоолог. Мало того – кандидат наук. И, терзаемый смутными сомнениями, муж обратился к спутнице жизни за справкой: действительно ли упомянутые птицы относятся к разряду перелётных и дружны, как октябрята застойных времён?

Нам неизвестно, в каких именно выражениях супруга работника правоохранительных органов отозвалась об умственных способностях своей сильной половины. Важнее другое. Женщина сообщила, что муфлон – это жвачное парнокопытное животное, относящееся к подвиду архаров и размножающееся быстрее других его представителей. А чтобы уж у мужа исчезли последние иллюзии, снисходительно добавила: «Баран. Полорогий. Горный. Каменный. Дикий».

Прокурору хватило смекалки отнести последние высказывания не только на свой счёт...

Что сделали с лейтенантом Пискарёвым по служебной линии – о том история скромно умалчивает. Надо полагать, ничего хорошего. Но куда хуже другое. С того времени к бедолаге навеки приклеилось обидное прозвище: Пернатый муфлон. В райотделе опера и до сих пор никто по-другому не называет. Хорошо ещё, что за глаза...

«Я СВОИХ РЕШЕНИЙ НЕ МЕНЯЮ!»

Майор полиции Михаил Глоткин – мужчина с тонкими гармоничными чертами лица и усами типа карандаш – энергично постучался в облицованную дубовым шпоном дверь и приотворил её. За дверью находился кабинет заместителя начальника областного УВД – он же начальник управления кадров.

– Разрешите, товарищ генерал? Секретарь передала, что вы вызываете...

– А-а, это ты... – оторвался от чтения очередного документа восседавший за обширным двухтумбовым столом генерал полиции Тертерян – упитанный, с узким лбом под низкой линией густых, слегка вьющихся волос и с миндалевидными карими глазами. – Заходи, присаживайся.

– Есть!

Михаил подошёл к приставному столику, образовывавшему вкупе с двухтумбовиком букву «т», и опустился на мягкий стул.

– Слушаю вас.

– И внимательно! – уточнил Тертерян. – Я тебя зачем вызвал: прочёл, значит, твой отчёт о привлечении населения к охране общественного порядка – и глазам не поверил. Объясни: тебя сюда, в УВД, для чего брали? Классный специалист, классный специалист!.. А на деле? Да за что я тебе деньги плачу? Я твою работу делаю! Что, у меня своих проблем мало, ещё и за тобой хвосты заносить! Как же! – И негодуя хмыкнул, наморщив удлинённый, с горбинкой нос.

В штат областной полиции майор был зачислен три месяца назад, а до того немало лет прослужил корреспондентом окружной газеты. Начинать же лейтенантом, командиром взвода в учебном полку. Но, окончив потом заочно факультет прозы Литературного института – случай для профессионального военного, прямо скажем, редчайший, – был переведён в армейское издание, резко сменив профессию строевого офицера на стезю штатного военного корреспондента.

В этой должности и отработал почти десять лет, впрочем, из-за ершистости характера так и не поднявшись по служебной лестнице хотя бы до начальника отдела газеты.

И тут наступил год 2010-й, когда решением на высшем уровне с военных журналистов, врачей и юристов сняли погоны, сделав эти должности гражданскими. На тот момент майору Глоткину ещё не исполнилось сорока лет и права на пенсию (при минимуме двадцати прослуженных «календарей») он заработать не успел. С переводом на новое место службы тоже не срослось. Так что система безжалостно выкинула человека в безденежную отставку. Ладно хоть уже с жилплощадью...

Промыкавшись с год то сторожем, то грузчиком, отставник сумел таки пробиться в кадры областной полиции. Да, там имелась собственная пресс-служба, однако вакансии в ней тогда отсутствовали, а вот в отделе воспитательной работы (ОВР) как раз освободилось место старшего инспектора.

В обязанность здесь офицеру вменили: написание приветственных адресов и проектов различных приказов, проведение служебных расследований и взаимодействие с ветеранами УВД, организация всяческих праздников, конкурсов, встреч и – се ля ви – похорон. А ещё ему надлежало исполнять функции спичрайтера – составителя текстов речей и выступлений для руководства УВД. Подобрать для подобной работы конкретного исполнителя оказалось проблематично, так что кандидатура опытного журналиста, ещё и побывавшего в «горячих» точках, пришлось весьма кстати: он новую для себя полицейскую тематику добросовестно осваивал. И сейчас откровенно не понимал причины столь явного недовольства большого начальника.

– Так в чём, собственно, проблема? – осторожно уточнил Михаил.

– Да в том самом! Чти, ты как здесь написал: «По инициативе генерала Тертеряна...» Эрудит! Уж тебе-то по долгу службы пора бы знать: моя фамилия не склоняется! Вот!

– Извините, товарищ генерал, – негромко, но твёрдо возразил майор, – по законам русской грамматики она склоняется, как и вся-

кая иная мужская, оканчивающаяся на согласную. Это женские фамилии такого рода не склоняются.

– Что ты мне тут сказки рассказываешь! – не поверил генерал. – При чём здесь русская грамматика, если у меня армянская фамилия? Ну?

– Языковое происхождение в данном случае значения не имеет, – твёрдо стоял на своём Глоткин. – Правил, что подобные армянские или ещё какой-то национальности фамилии не склоняются вовсе, не существует. Нет, конечно, может быть, в вашем родном языке в этом плане всё обстоит по-иному. Но совершенно точно знаю, что в русском фамилия, равно как и любое другое слово, должна подчиняться грамматическим законам.

– Грамматик какой, однако! – буркнул Тертерян. – Читать-писать умеет! – Пожевал губами и поинтересовался: – А ты вообще-то откуда всё это знаешь?

– Так меня ведь русскому языку в Литинституте лучшие профессора учили...

– Что, умный чересчур или как? – подковыристо спросил генерал и подытожил: – Ну и иди тогда отсюда! Специалист, понимаешь, нашёлся! Ага!

Майор полиции выдавил: «Есть!» – и удалился, унося в душе обиду.

Недели через две он вновь предстал перед генеральскими очами.

– Вот ты тут написал «согласно приказу», а надо «согласно приказа»! – даже не поздоровавшись, с места в карьер, напористо обвиновал подчинённого Тертерян, и его рот с тонкими губами искривился в усмешке. – Лучшие профессора его учили! Да за что я тебе деньги плачу?

– Товарищ генерал, предлог «согласно» употребляется только с дательным падежом, отвечая на вопрос «кому-чему», а значит, «приказу». И ещё есть вариант: предлог «согласно с» – тогда «чем», творительный падеж – «приказом». Но ни в коем случае не с родительным – «чего», «приказа», – пояснил Глоткин.

– Этого не может быть! – рявкнул генерал и раздражённо бухнул кулаком по столу. – Ты вот меня так убеди, чтобы я поверил! Доказательство представь! А?

– Так точно! Сейчас. – И Михаил шагнул к двери.

– Ты куда это собрался?

– За доказательством.

– Не понял...

– Ну... Вы же требуете вас конкретикой убедить, так я сейчас, быстро...

Глоткин принёс Тертеряну «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, открыл на нужной странице, авторучкой указал на ней место:

– Товарищ генерал, прочтите. О предлоге «согласно». Тут совсем немного.

Тертерян с явной неохотой нацепил очки и уткнулся в текст, осмысливая его. Убедившись наконец в правоте подчинённого, в раздумье забарабанил короткими пальцами по столу. Но вот лицо началь-

ника исказилось в гневе, крупные уши с чётко очерченными мочками быстротечно порозовели, и он повысил голос:

– То есть ты хочешь сказать, будто я целых двадцать пять лет прослужил и всё это время неправильно писал? Милое дело!

– Товарищ генерал, но вот же перед вами словарь...

– Хрена ты мне им тычешь? Умник нашёлся, ё-пэ-рэ-сэ-тэ! Литераторный он окончил! Да пош-шёл ты вместе с этим талмудом знаешь куда? – И генерал негодуяюще смахнул большеформатную книгу со стола. – Интеллектуал, твою дивизию! Кулибин! Не голова, а Дом Советов! Ага!

– За что же вы меня так нещадно? – поднял Михаил неповинного Ожегова с подломанным уголком обложки. – И при чём тут книга?

– А за то самое, что нечего свою большемозговость перед начальством выпячивать! Иди, и чтоб больше не сметь тут всякими энциклопедиями козырять!

С того дня меж писучим подчинённым, которому до права выхода на «пенсион» оставалось прослужить около двух с половиной лет, и энергичным амбициозным начальником стартовала своего рода игра в одни ворота. Было понятно, что гонористый руководитель загорелся идеей фикс: поймать строптивца хоть на какой-то некомпетентности по части знания русского языка. Посему время от времени генерал требовал майора к себе на ковёр и задавал очередной каверзный «языковой» вопрос, на который сам уже ответ ранее вызнал.

Так, однажды Тертерян заставил Глоткина под диктовку писать слова «постимпрессионизм» и «предымпрессионизм», а потом натужно выяснял, почему в одном случае после приставки стоит «и», а в другом «ы», и затем – как это всё соотнести с не укладывающимися в правило глаголом «взирать» и существительным «пединститут».¹

В другой раз генерал проверил майора, хорошо ли он знает, в каких случаях «не» с глаголами пишется слитно, а в каких – раздельно. Да с примерами чтобы.

А в один прекрасный день потребовал разъяснить, почему к группе прилагательных-исключений, пишущихся с удвоенным «н» в суффиксе «ян» – «оловянный, деревянный, стеклянный», не добавляется ещё слово «окаянный». И был весьма недоволен, что подчинённый оказался в курсе: поскольку оно образовано вовсе не от имени существительного, обозначающего материал (как три упомянутых, составляющих группу исключений), но происходит от глагола «окаять» – то есть отлучить от церкви, являясь однокоренным с «каяться».

Начальник ОВР подполковник полиции Попенко, в непосредственном подчинении которого находился Михаил, неоднократно пенял тому:

¹ После русскоязычных приставок, оканчивающихся на согласную, вместо «и» пишется – как слышится – буква «ы» (история – предыстория), но в случаях иноязычных приставок «и» на письме сохраняется (игра – контригра). Глагол взирать – исключение. На сложносокращённые слова («пединститут», «спортинвентарь») это правило не распространяется.

– И кто тебя изначально просил вылезать со своим длинным языком? Ну, заявил генерал, что его фамилия не склоняется – «Есть, виноват, исправлюсь!» Ну, упёрся, что «согласно приказа» правильнее – ладно, «Так точно, зафиксировал! Спасибо за науку!» Само же его чему-то пытаться научить... Хронически противопоказано! Он себя всегда и во всём полагает величайшим экспертом.

Да – завышенное самомнение, да – порой несёт ахинею, но что тут поделаешь – генерал!

– Но он же требует нарушения грамматических норм! – возмущался Михаил.

– А кому от того холодно или жарко? Думаешь, во всех учреждениях великие знатоки русского языка сидят? Другой раз в адресованном нам документе такое читаешь – просто диву даёшься! Грамотность ниже уровня первоклашек!

– И ещё бранится всякий раз, причём чем дальше, тем хлеще! – продолжал досадовать Глоткин.

– Ха! Удивил! Да ты с ним куда реже общаешься, а вот меня или зама он за день трижды на три буквы послать может! Но ведь мы же терпим, что и тебе настоятельно советую. Потому как, в конце-то концов, на деле никто никуда вовсе не идёт. Забуди! Без мата жить нельзя на свете, нет... Или, может, когда взводом командовал, всегда чисто на «вы» с солдатами изъяснялся? Убей – не поверю!

– Ну, знаете... Это ж совсем другой коленкор!

– Другой не другой... Пойми, правдолюбивая твоя душа, нельзя в жизни быть тупо прямолинейным! Иногда для пользы общего дела, а главное, и для себя самого кое-чем поступиться не грех.

– Смотря когда и смотря чем именно.

– Спасибо, что хоть с этим согласился. А то прямо как сталинский министр иностранных дел Молотов, которого в дипломатических кругах за непримиримую позицию, демонстрируемую по многим вопросам, прозвали Господин Нет...

Наконец регулярно экзаменуемый генералом старший инспектор дослужил до двадцати исполнившихся «календарей». И как раз через несколько дней после значимой для Глоткина даты Тертерян вновь выдернул его в свой просторный кабинет, увешанный многочисленными вымпелами и грамотами в рамочках.

– Так, корифей русского языка... Разбери-ка ты мне по составу слово «вынуть», – после традиционного приветствия потребовал руководитель. – Ну-ка...

– Пожалуйста, – вздохнул майор: он интуитивно предугадывал, что сегодня испытание на грамотность грозит закончиться скандалом. Однако не рапортовать же: «Не могу знать!» – Значит, «вы» – приставка, обозначающая действие изнутри наружу, «ну» – суффикс однократности действия, «ть» – окончание инфинитива либо формообразующий суффикс: тут учёные в суждениях расходятся. Корня же в «вынуть», на первый взгляд, вовсе нет, хотя он и имеется. Весьма особое слово...

– То есть? – сделал резкое движение головой в сторону от Глоткина уже потерявший было нить разъяснений «экзаменатор», но суть

последних предложений уловивший-таки. – Мне доцент из университета именно и объявил: нет вообще! Или, по-иному... – Генерал заглянул в подобие шпаргалки. – Вот: корень нулевой!

– Да, такое мнение бытует. Если плясать от родственного слова «вынимать», где буква «н» входит в корень «ним», то при образовании от него «вынуть» получается, что суффикс «ну» отсекает весь корень. Это чтобы избежать непонятого удвоения согласного, ведь произносить «выннуть» нам было бы куда менее комфортно. Но поскольку, по нормам русского языка, корень является основным и обязательным элементом любого слова, то... В общем, самое интересное: в глаголе «вынуть» буква «н» одновременно является и корнем, и частью суффикса, а само явление носит название наложения морфем. Иными словами, хотя формально в структуре слова корень не выделишь, в его внутренней форме он присутствует.

– Ты меня совсем запутал! – с ехидцей перебил скрестивший на груди руки и насупившийся генерал. – Так он есть или нет?

– Ну... Как вы пожелаете, так и считайте, – пожал плечами Михаил, вспомнив советы начальника отдела. И не удержался, зримо чувствуя за спиной своё пенсионное право: – Собственно, для УВД-то разницы никакой...

– А-а-а, ты, значит, утверждаешь, будто я ничего в русском языке не смыслю? – вмиг вспетушился Тертерян, упершись ладонями в подлокотники кресла, и весь посунулся вперёд, к оппоненту. – Да за что я тебе деньги плачу?

– Вам виднее, – уклончиво ответил майор. И внезапно закусил удила: – Во всяком случае, уж явно не за то, чтобы морфемный анализ выборочных слов делать. Никак не входит это в мои служебные обязанности. За ради чего же не мытьём, так катаньем вы стремитесь уличить меня в профнепригодности? Чтобы опустить ниже плинтуса и торжествующе ноги вытереть? И насчёт моего денежного довольствия из вашего личного кармана... Однозначно перебор!

– Вон из кабинета! – завопил опешивший поначалу от «бунта гарнизера» генерал, и его слегка скошенный в одну сторону рот – признак горячего нрава – хищно приоткрылся, обнажив мелкие зубы. – Завтра же уволю! По негативу! Вот!

Подчинённый поспешно ретировался. И затем весь остаток рабочего дня отрешённо просидел перед включённым компьютером, так и не закончив проекта очередного приказа. В сознании почему-то всплыл факт, что – это Глоткин как сам подметил, так и слышал от сослуживцев – «руковод-экзаменатор» лишь в течение нескольких секунд может смотреться в зеркало. А непереносимость зеркал зачастую указывает на нелады психики: несдержанность, нетерпимость к критике, сверхдотошность и заикленность на чём-то, подчас на собственной внешности.

Впрочем, старший инспектор знал и другое. Что в конце девяностых-начале двухтысячных Тертерян неоднократно выезжал в «горячие» точки и по итогам таких служебных командировок награждён орденом Мужества, а также медалями «За отвагу» и «За отличие в охране общественного порядка».

И ещё. До сих пор в игре в одни ворота майор ни разу не спасовал. Но до бесконечности это продолжаться не могло. Ведь о том же нетривиальном бескорневом случае он лишь мимовольно услышал в общежитии Литературного института. Позднее же из любопытства обратился за более подробным разъяснением этого лексического феномена к лектору, читавшему курс современного русского языка. Потому-то через много лет и смог защититься...

Переболев ангиной, на следующий день на службу вышел начальник ОВР. И после утреннего общения с генералом тут же потребовал к себе Глоткина.

– Ну ты и нагероил! – осуждающе начал подполковник. – Это ж надо было так его раздраконить! Рвёт и мечет! Что ж, давай послушаю твою версию...

А послушав, заявил:

– Ты сам во всём виноват! Сколько раз пенял: не возражай, не раздражай, не обостряй! Теперь вот генерал кричит, что тебя уволить надо... Ладно, это, конечно, он перебесится, только не в одночасье. В командировку, что ли, дней на несколько тебя угнать? Хотя к нему же за «добром» на посыл и идти. Зарубит!

– Да я, собственно, против увольнения вовсе не возражаю, – вклинился в монолог начальника Михаил. – Пенсию-то, слава Всевышнему, уже заработал.

– То есть? – аж подавился словами подполковник. – Тебе же ещё сорока пяти нет! Если уйдёшь, то по денежному минимуму! Других и после «полтинника» пинками на отдых не выгнать, до гробовой доски погонную лямку тянуть готовы!

– Хозяин – барин, а я так не готов... Совсем! Надоели генеральские причуды. Сейчас вот пойду и рапорт на заслуженный отдых накропаю.

– Шутить вздумал? Шантажируешь? Думаешь, все тебе сразу в ножки кинутся? И думать забудь!

– Давайте чистый лист, – усмехнулся Глоткин. – Увидите, шучу или как...

– А работать за тебя кто будет? – чуть ли не возопил начальник.

– Скажите, товарищ подполковник, раз уже вы сами завели о том речь: на ваш взгляд, хорошо ли я работаю? – поинтересовался Михаил.

– Ущербное какое-то любопытство... Скажем так: нормально. И что с того?

– Поскромничали. Я свой участок с первого дня прихода в УВД грудью закрываю. Вопрос: так вы меня вообще-то выдвигать хотя бы куда-то думаете?

– Об этом не может быть и речи! – едва не подпрыгнул в кресле Попенко. – Генерал давно сказал: ни при каких обстоятельствах тебя с этой должности не перемещать!

– То есть сколько бы и как бы великолепно я ни служил, в карьерном росте мне отказано навсегда? Тогда объясните: чем я отличаюсь от вас и от Тертеряна? Разумею, вам обоим на жизненном пути подобных палок в колёса не вставляли.

– Ну как ты не понимаешь очевидного? – сбавил обороты начальник ОВР. – Специалист ты редкий. А что, собственно, тебя не устраивает? Сиди и работай дальше на прежней должности. Генерал – он отходчивый. Сегодня поорал – завтра забыл. Вон меня и зама он минимум раз в неделю стабильно «увольняет». И ничего, как-то и дальше живём – хлеб жуем.

– Не хочу я «как-то». Да притом эти постоянные экзамены на грамотность меня уже достали. В общем, так: если генерала я на своей должности пока устраиваю, то пусть он хотя бы подполковника присвоит и перестанет по-пустому докапываться. Да – да, нет – нет. И если нет, скатертью мне тогда дорога на дембель, народное хозяйство подымать.

– С ума сошёл!.. – с сожалением произнёс Попенко. – После подобного ультиматума он тебе точно «выкинштейн» из системы сделает. А ты обо мне подумал? – с обидой продолжил он. – Кого я на твоё место так сразу найду?

– Это уже не мои проблемы, – глубоко вздохнув, парировал подчинённый. – И давайте заканчивать дискуссию: у меня куча бумаг на срочном исполнении...

Почти месяц подполковник тянул резину, убеждая Глоткина, что с его «большим» вопросом к Тертеряну следует подходить только в минуту самого его распрекрасного настроения. А её, мол, ещё безошибочно уловить нужно. Но однажды рискнул-таки, задал вопрос о повышении старшего инспектора в звании.

Лучше бы не задавал...

– Генерал заявил, что ты до хренища умный, и потому, пока он в своём кресле сидит, ты хоть до ста лет доживи, всё одно майором будешь ходить. И пусть он принял неправильное решение, пусть от того будет хуже общему делу, пусть небо на землю упадёт (и ещё много чего было сказано «пусть»), его это не плющит, по фене и до лампы. Концовка – дословно: «Я своих решений не меняю!» И через слово матом орал, – пояснил Попенко. – Ясно теперь, чего ты добился?

– Предельно ясно, – кивнул Михаил. – Ну и я своих решений не меняю!

И пошёл писать рапорт на увольнение.

**Александр
ДЕМЧЕНКО**

АРХИТЕКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ САРАТОВА

Саратов – не из числа древних русских городов, возник он сравнительно поздно. Потому и каменное зодчество своё он исчисляет не с X века, как Киев, и не с XI, как Новгород Великий, а только с конца XVII столетия, когда здесь начали строить **собор Святой Троицы** (Свято-Троицкий собор, полное название: собор Во имя Живоначальной Троицы). По разным сведениям, его заложили в 1684, 1689, 1694 или 1695 году, а закончили в основном к 1722–1723-му (паперть и трапезная датируются серединой XVIII века). Этот самый ранний архитектурный памятник нашего города является единственным сооружением XVII столетия не только в нашей области, но и во всём Нижнем Поволжье. Со временем он обрёл такие святыни, как икона Спас Нерукотворный, Казанская икона Божией Матери, икона Серафима Саровского.

Здание Троицкого собора возводилось в стиле распространявшегося в конце XVII века московского (нарышкинского) барокко. Подобного рода храмы строились тогда в Москве и под Москвой, а также близ Рязани. Вероятнее всего, и собор в Саратове соорудила артель московских мастеров, причём не исключено – под руководством выдающегося зодчего Якова Бухвостова. Как и в других постройках московского барокко, в Троицком соборе находим сво-

-
- Александр Иванович Демченко – профессор Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова, профессор Саратовского государственного университета, Саратовского государственного социально-экономического университета, Оренбургского государственного института искусств имени Леопольда и Мстислава Ростроповичей. Инициатор создания и член редакционной коллегии общероссийского журнала «Проблемы музыкальной науки». Член Союза композиторов СССР и РФ, Союза журналистов РФ. Заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный деятель науки и образования. Лауреат Всесоюзного конкурса на лучшую музыковедческую работу (1974). Лауреат Всероссийского конкурса на лучшее учебно-методическое пособие (2009). Обладатель Золотой медали им. В.И. Вернадского за успехи в развитии отечественной науки (2009) и Почётного звания «Основатель научной школы».

бодное сочетание русских традиций с веяниями, идущими от западно-европейской архитектуры. В архитектуре храма заложена традиционная форма композиции «восьмерик на четверике», и восьмерик несёт на себе небольшой барабан с золотой маковкой и крестом. Восьмигранный шатровый купол колокольни следует образцам, ведущим своё начало от знаменитого Коломенского.

И наряду с этим в архитектурном оформлении храма своё место заняли пришедшие с Запада пилястры и колонны. Такое же соединение «своего» и «чужого» встречаем в наружном декоре здания: традиционные лопатки по углам гладких стен четверика или окна колокольни в виде равноконечного креста с закруглениями на концах и полуколонки на восьмерике, пышные наличники окон, карнизы и сандрики, а в трапезной – голландская печь, покрытая изразцами.

При всей принадлежности московскому барокко в облике нашего храма можно заметить и отпечаток местных вкусов. Отсюда впечатление приземистости этой «коренастой» постройки (хотя её высота составляет с крестом около 35 метров) и подобие нижней части

храма большим купеческим палатам. Отсюда же – нарядная цветистость, «изукрашенность» внешнего оформления белым по красному, что дополняется затейливой лепниной.

После Троицкого собора в архитектурной истории Саратова приходится миновать почти столетие, поскольку на его протяжении в городе не строилось ничего достойного в художественном отношении. И только с самого начала XIX века в связи с возрастающим престижем Саратова как центра большой губернии стали появляться примечательные сооружения в русле господствовавшего тогда классицизма. И, как зачастую было в старых русских городах того времени, наибольшую архитектурную ценность представляли храмовые здания – именно в них в основном сосредоточивались мощь и красота городской застройки, и именно их высотные вертикали, вздымающиеся над окружающим пространством, становились градообразующими доминантами.

В Саратове долгое время ведущей из этих доминант являлся находившийся в самом центре города кафедральный **Александро-Невский собор** (собор Святого Александра Невского). По заказу городских властей его проектировал знаменитый петербургский архитектор Василий Стасов, замысел которого согласовывался с лучшими образцами российского храмового зодчества первой половины XIX века. Именно тогда утвердился тип русского православного храма-дворца. В данном случае он представлял собой напоминающий импозантные дворцовые постройки куб с фронтонами и шестиколонными портиками с трёх сторон. Вместо купола – почти плоское покрытие с небольшой главкой и крестом, то есть традиционное храмовое завершение сведено к предельному минимуму. Несколько ближе к церковной архитектуре находившаяся рядом трёхъярусная колокольня, увенчанная небольшим куполом, но и она скорее напоминает торжественно-парадную башню, также обнесённую портиками, которым отвечают цепи колонн на двух верхних ярусах.

Чеканность геометрических форм, строгость декора, благородная красота очертаний делали Александро-Невский собор истинно классическим сооружением. Его имя и величественный облик как нельзя более говорили об исходном предназначении: в память саратовских ополченцев 1812 года и в память победы России в Отечественной войне (о том же выразительно напоминали лепные скульптуры ратников по всему карнизу). Заложенный в 1815 году храм был освящён в 1826-м и достраивался до 1836-го. Работами руководил местный архитектор Григорий Петров и, возможно, ему, а не Василию Стасову принадлежит проект колокольни (закончена в 1842-м) – в любом случае её контуры выдержаны в органичном созвучии с основным сооружением.

К несчастью, этого шедевра классического зодчества уже давно не существует. В роковые 1930-е годы его постигла та же участь, что и многие другие храмы Саратова. Во время разгула атеистической пропаганды его сравнивали с землёй, и ныне на том месте находится стадион «Динамо». Утешает одно: идея восстановления Александро-Невского собора поставлена городом на повестку дня.

В этом отношении больше повезло бывшей Покровской слободе (ныне город Энгельс). Годом позже Александро-Невского собора было начато и годом раньше него закончено строительство **Свято-Троицкой церкви** (1816–1825), с её последующей реконструкцией (1840–1850, тогда же возведена колокольня) и перестройкой в 1990-е. Независимо от происходивших метаморфоз, в целом удавалось сохранять её отчётливо выраженный классический облик.

В те же годы было положено начало и светской каменной архитектуре, развивавшейся в канонах классицизма. Её отчётливо представляют две постройки. Первая из них – **Присутственные места** (1807). История этого самого раннего из сохранившихся административного здания Саратова такова. В самом начале XIX века правительство России выдвинуло инициативу, согласно которой органы местного самоуправления надлежало разместить в специально отведённых для этого капитальных сооружениях, облик которых соответствовал бы имиджу государственно-чиновничьего аппарата.

В согласии с распространившимся тогда пристрастием к «регулярной» планировке разработку «образцового» проекта казённых зданий для губернских городов поручили Андрияну Захарову, одному из ведущих архитекторов того времени (в ближайшем будущем он

стал создателем знаменитого Адмиралтейства в Петербурге). Один из вариантов этого проекта поступил в Саратов, и, поскольку он носил рекомендательный характер, местные архитекторы Христиан Лоссе и Василий Суранов внесли в него некоторые изменения, в частности, несколько удлинив постройку.

В связи с деловым предназначением многое здесь подчинено утилитарным целям. Так, интерьер поделён надвое парадной лестницей, по обе стороны от которой расходятся ряды однотипных служебных помещений. Строгостью, простотой отличается и экстерьер здания. Однако один из фасадов был выделен большим шестиколонным портиком (к сожалению, позднее его убрали), а другой отмечен выдвинутыми вперёд тремя ризалитами, образующими подобие буквы «ш».

Разнообразие наружного облика обеспечивается и контрастом конфигурации оконных проёмов: по первому этажу они квадратные, по второму – вытянутые с полуциркульными завершениями, а по третьему – украшены лепными масками. Так что в целом вид здания оказывается не только представительным, но и претендующим на определённые эстетические достоинства. Это побудило со временем разместить здесь музыкальное и хореографическое училища, которые ныне пребывают в составе Областного колледжа искусств.

Вторая из примечательных светских построек начала XIX века – **усадьба Устинова**. Ещё в 1780-е годы богатейший саратовский купец Михаил Устинов, успешно конкурировавший по части прибылей с московскими денежными тузами, построил напротив Троицкого собора два больших каменных дома. Чутьё подсказывало ему, что пора задать столичный тон и частным владениям развивающегося города. И когда в Саратове в связи с необходимостью обследовать состояние Троицкого собора находился петербургский архитектор Иван Колодин, Устинов обратился к нему с заказом преобразить свои провинциальные купеческие палаты в нечто фешенебельное.

Колодин предложил свести два отдельно стоящих здания в единое целое и надстроить третий этаж. И в 1810 году (с окончательным оформлением к 1813-му) в Саратове появился первый дворец усадебного типа. Два прежних здания выделены круговыми колоннадами (каждая из шести колонн), а соединившая их центральная постройка обрамлена десятиколонным портиком с фронтоном. Получилась совершенно оригинальная трёхчастная симметричная композиция с тремя портиками. Парадный вид ей дополнительно придают нарядные коринфские капители, лепной орнамент и идущая от петербургского классицизма тёплая цветовая гамма жёлтого с белым. С 1929 года здесь располагается Музей краеведения.

Во второй половине XIX века градостроение Саратова плодотворно развивалось более всего по линии упрочения классических форм. Исходной вехой развёртывания этой линии можно считать сооружение **Духосошественского собора** (известен также под названиями Свято-Духовской собор и храм Сошествия Святого Духа). Возведённый

в 1855 году на средства купца Петра Тюльпина на месте небольшой деревянной часовни *Во имя иконы Сошествия Духа Святого на Апостолов*, он с 2001 по 2014 год пребывал в статусе кафедрального и в среде прихожан считается самым намоленным из саратовских храмов.

Своеобразие этого сооружения состоит в том, что под одним общим сводом здесь соединены фактически три храма: левый придел – *В честь иконы Божией Матери «Знамение»*, правый – *Во имя Святого и Чудотворца Николая*, главный – собственно *Духосошестввенский*. Облик собора представляет собой эталон православного зодчества: традиционное пятиглавие с поднятым ввысь большим центральным куполом и возносящаяся к небесам величественная колокольня, придающая главному фасаду особую торжественность.

Отточенная строгость и стройность архитектурных форм усилены сдержанностью декора: пилястры входа, колонки оконных наличников, немногочисленные ряды из кокошников. Духосошестввенский собор известен в народе как церковь с голубыми куполами. Эта вторая особенность храма проявлялась в «небесной» голубизне оттенка общей окраски, и в той же голубой цветовой гамме росписей над входом с мотивом Сошествия Святого Духа на Апостолов.

В процессе упрочения классических форм саратовской архитектуры ведущую роль играл *Алексей Маркович Салько* (1838–1918), более пятидесяти лет своей жизни отдавший нашему городу. Он приехал в Саратов в 1862 году, сразу после окончания Петербургского строительного училища, и с 1870 по 1914 год занимал должность городского архитектора. За эти десятилетия он возвёл в губернском центре и уездных городах около 150 сооружений разного назначения, в том числе свыше ста каменных и деревянных церквей (среди его технических сочинений значится «Руководство к устройству церквей»).

Вклад Салько в формирование архитектурного облика Саратова был и остаётся самым весомым, что прекрасно сознавали и его современники. Когда 76-летний Алексей Маркович ввиду нездоровья подал прошение об отставке, городская управа приняла решение *«сохранить городскому архитектору его жалованье 4000 рублей в год в качестве пенсии, выдать 1000 рублей на лечение и за исключительные заслуги повесить его портрет в помещении Думы»*. Зная высокую стоимость

рубля в те годы, можно представить себе, насколько ценили власти Саратова вклад Салько в архитектурное достояние города.

Вклад этот был особенно ощутим во второй половине XIX века, когда незаурядное дарование крупного мастера и опытейшего строителя развернулось во всей полноте, и у него сложился свой творческий почерк, который земляки в шутку именовали «салькоко». Возводимые им сооружения были одновременно деловые и респектабельные, рациональные и нарядные, строгие по композиции и мягкие по оформлению.

Начальный этап деятельности Салько был ознаменован двумя выдающимися церковными сооружениями. Главное из них – **Покровский собор** (бытующие варианты названия: храм Во имя Покрова Божией Матери, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, церковь Покрова Богородицы, церковь Покрова, Покровская церковь). Возведённый в 1878–1882 годах, он до сих пор остаётся самой крупной культовой постройкой в городе, а его колокольня (1895 год, окончательная «доводка» в 1897–1902 гг.) – самой высокой в Саратове, поскольку её общая высота со шпилем составляет 66 метров. Приведённые «форматы» сооружения создают впечатление монументальной мощи. Однако для его характеристики много важнее впечатление, связанное с чисто эстетическими категориями. Храм поражает благородством и красотой общей композиции и всех её составляющих.

Эти качества базируются на безупречной отточенности форм и совершенно органичном соединении компонентов, идущих от отечественных традиций, с привнесениями от зарубежной архитектурной классики. Идеальные пропорции пятикупольного храма с золотыми главами, увенчанными таким же золотом маковок и крестов, белое и красное каменных поверхностей с филигранно прорисованными деталями, излюбленные архитектором спаренные, вытянутые по вертикали окна, элементы византийского зодчества (в порталах, фризах, сандриках) – всё это выполнено с тем тщанием и вкусом, которому

могли бы позавидовать обе российские столицы. Связи с петербургской архитектурной культурой особенно очевидны в отдельно стоящей пятиярусной колокольне, шпиль которой, горделиво вздымающийся в небесную высь, ассоциируется с барочным завершением знаменитого собора в Петропавловской крепости.

Возведение Покровского собора как вершинного творения Алексея Салько было подготовлено созданием не менее совершенной по своим формам, но сугубо камерной по очертаниям **часовни «Живородный источник»** (1866). У неё по разным причинам многократно менялось наименование, которое в основном варьировалось ввиду того обстоятель-

ства, что она была приписана к Александро-Невскому собору: часовня Александра Невского, часовня «Живоносный источник» во имя Святого Благоверного Александра Невского и т. д. Сооружалась она по случаю чудесного спасения Александра II от пули Д. Каракозова (кстати, выпускника Саратовской мужской гимназии) и стала замечательным украшением центральной в городе Театральной площади (после полного разрушения в 1930 году восстановлена по чертежам архитектора в 1998-м). Её очень компактный объём-монолит радует глаз своей абсолютной симметрией. Четыре грани «куба» выделены арочными выступами, близкими русской теремной архитектуре, с большими узорными окнами. И над этими гранями водружён чуть приплюснутый золотой купол с высоким крестом, с мягкими окружающими кокошников по барабану.

Салько имел отношение и к двум главным культурным объектам той же Театральной площади того же времени – к театру оперы и балета и художественному музею.

Исходный проект **театра оперы и балета** принадлежал Карлу Тидену, но вскоре к его разработке подключился Алексей Салько, и он внёс основной вклад в формирование окончательного облика здания. В качестве образцов были избраны Мариинский театр в Петербурге и один из театров Вены, а по внутреннему устройству за ориентир взяли Малый театр в Москве. В результате в 1865 году возникло зрелищное сооружение, которое было тогда признано самым красивым из всех провинциальных театров.

Почти ровно через столетие, в 1962 году, осуществлена реконструкция театра (архитектор Тарас Ботяновский), которая коснулась прежде всего главного фасада: появился монументальный портик с колоннадой и фигурами муз с лирой на фронте, благодаря чему здание окончательно обрело контуры классического «храма искусств». Прежние интерьеры с их богатейшим убранством были сохранены, как и огромный плафон с росписями на темы «лицедейства».

Художественный музей проектировал петербургский архитектор Иван Штром, а работами по строительству руководил Алексей Салько, и нет сомнений в том, что, будучи столь креативной личностью, он инициировал целый ряд существенных поправок и конструктивных предложений применительно к местным условиям. Самоочевидным достоинством открытого в 1885 году музея было то, что его здание изначально являлось именно музейным, то есть специально соз-

данным для потребностей картинной галереи, для экспонирования и хранения предметов искусства.

В опоре на ещё очень скромный тогда опыт отечественного и зарубежного музейного строительства первоочередной заботой было обеспечение в помещениях обилия света. Поэтому при осмотре здания сразу же обращают на себя внимание укрупнённые параллелограммы окон, а издали над крышей хорошо просматривается большой стеклянный фонарь оригинальной формы. По каждой стороне двухэтажного здания выдвинуты ризалиты, что позволяет избежать впечатления каменной коробки. Лицевая часть выделена двухколонным белоснежным портиком и завершена небольшим фронтоном. При всей сдержанности декора достаточное разнообразие в архитектурное пространство сооружения вносят рустовка стен, колонки, подоконные балюстрады и замковые камни окон.

Превосходно разработаны интерьеры, также всецело подчинённые задачам музейного дела. Будучи хранилищем художественных сокровищ, они, соответственно, несут в себе величавую гармонию, отличаются торжественно-приподнятым характером, что начинается с просторного холла и идущей от него широкой парадной лестницы. Коридор второго этажа с расположенными по бокам анфиладами помещений ведёт к ажурному залу.

Сразу же напомним вкратце обо всём остальном, касающемся нашего художественного музея. Инициатива его создания исходила от живописца *Алексея Петровича Боголюбова* (1824–1896), который получил известность благодаря поэтичным пейзажам и сценам морских сражений, написанным не без влияния Ивана Айвазовского. Создание музея стало для него делом жизни, чему он отдавал все силы и средства.

Побудительными были две причины. Во-первых, Боголюбов поставил целью увековечить память своего деда – Александра Николаевича Радищева, когда-то преданного царской властью всесветному позору. И внук с гордостью говорил: *«По роду я саратовец, ибо эта губерния дала России Радищева»*. Основанное им детище с тех пор именуется как Саратовский художественный музей имени А. Н. Радищева.

И во-вторых, Боголюбов издавна вынашивал идею открыть художественный музей именно в российской провинции, причём открыть его как общедоступный. Мечта его осуществилась: Радищевский музей стал первым художественным музеем в российской провинции и первым общедоступным музеем в Российской империи вообще. Десятилетие спустя вслед за Саратовом подобные учреждения возникли в Казани (1895), Нижнем Новгороде (1896), Самаре (1897), Пензе (1898).

Радищевский музей и поныне остаётся лучшим из провинциальных музеев. Его справедливо величают «Эрмитажем Поволжья» или «саратовской Третьяковкой». Находящееся здесь одно из богатейших художественных собраний страны насчитывает свыше 25000 единиц хранения. Его основу составили подаренные Боголюбовым собственные картины и полотна его современников: отечественных – Илья Репин, Василий Поленов, Фёдор Бронников, Константин Савицкий, и зарубежных – Камиль Коро, Шарль Добиньи, Адольф Монтичелли.

Александр III, принимавший деятельное участие в открытии музея, передал в его фонд множество картин из личной коллекции – это пожертвование составило целый зал. Немало ценных и редких вещей поступило из Академии художеств и Эрмитажа, а также от многочисленных дарителей (братья Третьяковы, скульптор Марк Антокольский, известный собиратель Владимир Звенигородский и др.).

Сокровища Саратовского художественного музея, пополнение которых происходит до сих пор, перечислять можно едва ли не бесконечно. И начинаются они с прекрасного портрета А. Н. Радищева, выполненного неизвестным художником конца XVIII века. А далее – шедевры лучших представителей русской живописи: Сильвестра Щедрина, Дмитрия Левицкого, Карла Брюллова, Ивана Айвазовского, Алексея Саврасова, Ивана Шишкина, Василия Сурикова, Алексея Харламова, Архипа Куинджи, Исаака Левитана, Валентина Серова, Константина Коровина, Михаила Нестерова, Михаила Врубеля, Константина Сомова, Александра Головина, Игоря Грабаря, Роберта Фалька, и, конечно же, работы трёх выдающихся саратовских художников: Виктора Борисова-Мусатова, Павла Кузнецова, Кузьмы Петрова-Водкина.

Сравнительно недавно в связи с разрастанием коллекции художественный музей получил в своё распоряжение находящееся поблизости большое здание бывшей гимназии Куфельд. И ныне его филиалами являются Музей-усадьба В. Борисова-Мусатова и Дом-музей П. Кузнецова в Саратове, Дом-музей К. Петрова-Водкина и картинная галерея К. Петрова-Водкина в Хвалынске, картинная галерея А. Мыльников в Энгельсе и картинная галерея в Балаково.

Переходя ко времени конца XIX и начала XX века, напомним, что этот период был «звёздным» для истории Саратова. По численности населения он занимал восьмое место среди городов Российской империи и третье (после Петербурга и Москвы) в самой России и являлся экономическим и культурным центром Поволжья, добившись в регионе ведущего положения по промышленным показателям, к примеру, обгоняя в этом отношении Самару (она была на втором месте) более чем в полтора раза. И ещё такие факты: в Саратове производилось свыше трёх миллионов пудов муки в год, и в это время Саратовская губерния занимала третье место (после Петербургской и Московской губерний) по объёмам капитального строительства.

Не менее показательным было открытие в городе первого в стране Русского национального цирка (1873 год, ныне – Саратовский цирк имени братьев Никитиных, его основателей), первого художественного музея в русской провинции, который стал и первым в России общедоступным художественным музеем (1885), университета (1909) и консерватории (1912), первой в российской провинции, а несколько позже – первого в стране и мире стационарного театра юного зрителя (Школьный театр, 1918 год; в Петрограде и Москве в том же году появились только передвижные труппы с репертуаром для детей). И к этому необходимо присоединить блистательный взлёт саратовской школы живописи начала XX столетия (Виктор Борисов-Мусатов, Павел Кузнецов, Кузьма Петров-Водкин и др.). Вот чем объясняется ставшее тогда ходовым речение: *«Саратов – культурная столица Поволжья»*.

В те десятилетия Саратов был не только крупнейшим, но и наиболее благоустроенным среди городов Поволжья. Когда в 1909 году здесь открывали университет, известный русский философ и публицист Василий Розанов писал: *«Город этот теперь назначен быть университетским. В самом деле – это столица Нижней Волги. Едва мы сошли на берег, как впечатления именно столицы пахнули на нас. Чистота и широта улиц, прекраснейшие здания, общая оживлённость, роскошнейший городской сад, полный интеллигентного люда – всё это несравнимо не только с другими приволжскими городами, но и с такими огромными средоточиями волжской жизни, как Нижний Новгород и Казань»*.

«Звёздным» это время в полной мере стало и для архитектуры губернии и её центра. Исключительная ценность архитектурного наследия того периода состоит, в частности, в его стилиевой многослойности, в обилии и разнообразии творческих индивидуальностей. Рассмотрим основные линии, по которым развивалось наше градостроительство тех десятилетий, с долей условности обозначив их следующим образом: классика (неоклассицизм), русский стиль, модерн (стиль модерн), столичный стиль, готика (неоготика).

Первое из этих направлений продолжило в новых исторических условиях тенденции, составлявшие магистраль архитектурного твор-

чества XIX века. Подобную преемственность наглядно иллюстрирует здание **Саратовского отделения Государственного банка России**.

В 1808–1810 годах на углу нынешних улиц Советской и Радищева был построен большой дом. Его владелец долгое время жил в Петербурге, восхищался тамошним Елагиным дворцом, сооружённым в 1780-е, и по его заказу саратовский архитектор Василий Суранов проектировал если не нечто подобное, то хотя бы с отголосками столичного образца. Действительно, сложился фешенебельный каменный дворец, располагавший тридцатью помещениями и бальным залом. Он считался одним из самых красивых в городе и ввиду своей презентабельности после смерти владельца был приобретён для размещения департамента горных и соляных дел.

В 1884-м здание было перестроено под нужды открывшегося в Саратове отделения Государственного банка России. Автор реконструкции Михаил Грудистов расширил его, отказался от ряда прежних архитектурных деталей, существенно преобразив облик сооружения. В 1904–1908 годах к нему присоединён прилегающий корпус (архитектор Александр Клементьев), который в 1928-м был надстроен (архитектор Н. Усов).

Таким образом, окончательный облик здания складывался на протяжении более чем столетия, а если учесть влияние прообраза (Елагин дворец) и всякого рода обновления самых последних лет, то едва ли не два века. Ныне эта чрезвычайно представительная трёхэтажная постройка с выразительным лепным декором и роскошными интерьерами зримо напоминает об эталонах петербургской дворцовой классики, что подчёркнуто характерной цветовой гаммой жёлтого с белым.

В первые десятилетия XX столетия в силу происходивших качественных перемен классика как стиль преобразалась в неоклассику или неоклассицизм. В этом отношении показательны два сооружения, появившиеся практически в одно время: **Городской общественный банк** (1913, архитектор Пётр Зыбин) и **Гимназия Куфельд** (1914, архитектор Семён Каллистратов).

Первое из них соответствовало назначению своим монументально-респектабельным видом. Его классичность наглядно предстаёт в строгости форм (фронтально-симметричная композиция), что подчёркнуто благородно-холодной окраской в тёмно-серые тона. При всём том в эстетике здания заложена несомненная притягательность. Обращает на себя внимание «перспектива» по его вертикали, создаваемая постепенным уменьшением площади оконных проёмов от первого к третьему этажу. Очень оригинально подана центральная часть фасада: порталная лоджия с двумя колоннами и глубокой нишей фронтона, увенчанная полукружьем большой арки, под которой находится скульптурная группа.

Эта свобода архитектурной фантазии шла, конечно же, от процветавшего в те годы стиля модерн, воздействие которого хорошо ощутимо и в сдержанном, но выразительном лепном декоре. Позднее такого рода воздействие было усилено тем, что скульптуры в арочных нишах по бокам портика заменили на светильники в виде изысканных

подсвечников. И правомерно, что это одно из самых красивых зданий города теперь занимает Дом творчества юных.

Гимназия Куфельд фигурирует иногда и как **Дом общества взаимного от огня страхования**, для которого первоначально предназначалось это здание. А ныне здесь размещаются выставочные залы и административные помещения художественного музея имени А.Н. Радищева. Можно только поражаться тому, что частная женская гимназия, названная по немецкой фамилии её устроительницы, сумела заполучить для себя постройку, столь исключительно капитальную по своему размаху. Её «императорское» обличье более всего определяется торжественно-праздничным «шествием» величественной колоннады: мощный шестиколонный портик выступает в окружении шестиколонных рядов по тем же второму и третьему этажам, что дополняется также шестиколонным портиком в боковой части здания.

Обновляемая классика во всевозможных её вариантах была представлена достаточно широко. Но, положим, в отличие от губернского центра, в уездных городах она выглядела, конечно же, скромнее по масштабу и декору. Возьмём для примера **железнодорожный вокзал** в Аткарске (1894). Его строил только что упоминаящийся Пётр Зыбин, который, можно сказать, специализировался на возведении вокзалов – он проектировал станционные сооружения в Саратове (старый вокзал), Ртищеве, Салтыковке и Курдюме.

То, что мы наблюдаем в Аткарске, весьма примечательно, начиная с окраски экстерьера в нежные салатные тона. И общий облик этого вокзала очень светлый, приветливый, радующий глаз путешественника. По всему периметру здание украшено пилястрами, поднимающимися на оба этажа, что создаёт впечатление лёгкости и стройности. Это впечатление поддерживают находящиеся в центре главного фасада три ризалита с фигурными башенками над ними.

Оттолкнёмся от описания архитектуры того же Аткарска, переходя к обзору следующего направления в зодчестве рубежа XX века, которое условно можно обозначить как русский стиль. Условно, поскольку с тех пор, как в российское зодчество стали активно проникать западноевропейские влияния (начиная с конца XVII века), национально-русское неоднократно заявляло о себе, вновь и вновь утверждая свою идентифицированность. Очередная волна подобных устремлений возникла как раз в конце XIX столетия, и в дальнейшем будет иметься в виду стилевой пласт именно этого времени – его иногда именуют неорусским стилем.

Возвращаясь к «уездному» варианту такого стиля, находим в Аткарске рубежа XX века целый ряд зданий, выдержанных в данной манере, в том числе нынешние школы № 3 и № 9, а также школа-интернат. Самым показательным сооружением подобного рода стала **Городская управа** (1902), где теперь по праву преемственности находится администрация Аткарска (мэрия). В облике здания впечатляют затейливая узорная кладка тёмно-красного кирпича и большие

узорчатые окна с наличниками, близкими как церковным кокошникам, так и оконным навершиям боярских палат. Особой приметой этой постройки является массивнейшее завершение верхнего этажа – своей грузной окладистостью оно напоминает нечто былинно-богатырское.

Как это было свойственно «новому русскому стилю», обращает на себя внимание полная свобода композиции, что нагляднее всего проявляется в оригинальной по форме нарядной чешуйчатой крыше, которой вторит высокое пирамидальное покрытие в боковой части здания. Эта свобода сказывается и в привнесении готических элементов (остроконечные башенки по углам сооружения).

Точкой отсчёта *русского стиля* рубежа XX века в общероссийском масштабе является здание Исторического музея в Москве (1881, архитектор Владимир Шервуд). Наиболее ранним откликом на эту новацию стал в Саратове построенный в конце 1880-х годов **дом Горина**. Он был и одним из первых получивших тогда распространение так называемых доходных домов, то есть многоквартирных сооружений, предназначенных для сдачи площадей внаём для магазинов, контор и жилья. Вот и здесь сдавалось несколько десятков квартир для семей среднего достатка.

В архитектурном отношении дом Горина являл собой уже вполне законченный образец русского стиля. Входившие в моду тех лет тёмно-красный кирпич и искусная, узорная кладка из него с затейливым орнаментом, нарядные карнизы и кокошники, как у старинных боярских палат, россыпь каменных деталей, в том числе напоминающих о знаменитых зубцах кремлёвских стен в Москве, балконы с причудливым рисунком литья перилцев, шатровые башенки крыши, в которых можно было почувствовать и готические веяния – таким складывался романтический декоративизм с подчёркнуто национальным уклоном.

Самым значительным из гражданских сооружений, возведённых в русском стиле, стало здание **Народной аудитории** (1899). Главной побудительной причиной его строительства явилось то, что в городе существовала одна из старейших в России библиотек, открытая ещё в 1831 году. Пристанище себе она находила сначала в мужской гимназии, затем в Доме Дворянского собрания и в здании Городской думы.

К началу 1890-х годов в ней насчитывалось более 13000 томов – книг и журналов, так что библиотека остро нуждалась в собственном помещении для размещения своих фондов и для обеспечения нормальной работы сотрудников и читателей. Кроме того, в Саратове давно уже назрела необходимость иметь здание, где можно было бы проводить разного рода общественные и просветительские мероприятия. Так родилась идея, оформившаяся под названием *Народная аудитория*.

Городская дума объявила конкурс на разработку соответствующего проекта, и к реализации было принято то, что предложил петербургский архитектор Николай Проскурин. Это было во всех отношениях удобно спланированное здание, и оно, в частности, строилось сразу с расчётом на электрическое освещение, которое тогда только вводилось в нашей губернии. Внушительные масштабы сооружения

и его торжественно-приподнятый облик отвечали благородному предназначению служить просвещению.

Строгости и представительности общих очертаний сопутствовала их несомненная оригинальность: сложно сгруппированная композиция, основанная на эффектном сопряжении ломаных линий, с выделенной центральной частью из трёх высоко поднятых объёмов, а боковые фасады украшены остроугольными фронтонами. Впечатляюще красив и декор: тёмно-красное, «отороченное» белым окладом окон, и широкие орнаментальные ленты между первым и вторым этажами, а сами окна, очень крупные, разнообразные по форме и величине, дают помещениям обилие света.

Поначалу это здание действительно использовалось как Народная аудитория, здесь проводились всевозможные просветительские и благотворительные акции и полноправно разместилась городская библиотека, а с 1906 года действовал Народный университет, где читались самые разнообразные лекции. С 1913-го и до конца 1990-х в главном зале работал кинотеатр. Ныне все помещения целиком принадлежат Областной научной универсальной библиотеке, одной из лучших в стране.

В русле этого стиля работал в этот период Алексей Салько. Биржа, устроенная в 1890 году на Театральной площади по первоначальному проекту Франциска Шустера, выглядела довольно невзрачно, словно акцентируя свою утилитарную функцию. Полтора десятилетия спустя, уже имея в виду находящуюся с другой стороны Народную аудиторию, городской архитектор значительно расширил объём сооружения и вдохнул в него ту весомость, которая соответствовала облику учреждения, так много определявшего в деловой жизни процветающего торгово-промышленного центра Поволжья.

С народной аудиторией его сближает декорирование белым по тёмно-красному, причём удельный вес белого здесь увеличен. А присущая обоим зданиям величавая торжественность в экстерьере биржи концентрируется в торжественных порталах, обрамлённых пилястрами во всю её высоту. Возможно, вполне логичным было передать столь капитальную постройку во владение Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина.

Второе из созданий Салько подобного рода – гостиница «Московская». Она появилась четырьмя годами раньше (1901), в известной мере предвосхищая направленность будущей реконструкции биржи. Помимо массы достоинств этого добротнейшего сооружения (включая изобретательную узорную кладку опять-таки тёмно-красного кирпича), срез его угла, подчёркнутый огромным витринным окном внизу и большой башней наверху, как бы выполняет функцию градостроительного ориентира. Он направляет наш взгляд по диагонали на центральную площадь Саратова. И тогда мы со всей определённою осознаём целостную законченность её ансамбля: по левую сторону – Радищевский музей и театр оперы и балета, по правую – биржа и Народная аудитория.

«Экзотическую» этнику русского стиля в Саратове наиболее ярко представляют больница Поздеевой (1896–1901) и церковь «Утоли моя печали» (1903–1906).

Больница Поздеевой (официальное наименование «Детская больница имени Д. Поздеевой») была первой детской больницей в Саратове, и появилась она в результате высокого акта благотворительности, очень характерного для нашего города тех времён. По заве-

щанию купца Ивана Поздеева её построила его вдова, что обошлось в 25000 рублей (такая же сумма была заложена и на последующее содержание больницы).

Приступая к работе над заказом, архитектор **Владимир Владыкин** специально ездил в Москву, чтобы ознакомиться с медицинскими учреждениями столицы. В результате эта обитель здоровья была спроектирована по новейшим стандартам тех лет и отвечала всем требованиям врачебной практики. Впоследствии приобретённый опыт пригодился архитектору: два года спустя он построил в Саратове ещё одну лечебницу – и опять-таки на пожертвования состоятельных граждан (то были братья И. и В. Кузнецовы).

Отвечая задаче создания учреждения для детей, и тем более – больных детей, Владыкин предложил поистине блистательное решение. Опираясь на мотивы и формы старорусского зодчества, он сотворил волшебный терем, который справедливо сравнивают с изысканной шкатулкой. Затейливая игра деталей кладки фигурным кирпичом и использование изразцов плитки с орнаментальным рисунком складываются в чудесную вязь кружевных узоров.

Центральным мотивом становятся рельефно выдвинутые наличники-треугольники – ими во всевозможных вариациях усеяна вся верхняя часть здания, от линии карниза до наверший остроконечных башенок, увенчанных стрелами шпилей. И внутри сооружение было очень нарядным: высокие и светлые палаты, широкие коридоры, мозаичные полы, красивая мебель. Снаружи его огораживала ажурная металлическая решётка искусной работы.

Пожалуй, ещё более колоритна другая каменная сказка – **храм «Утоли моя печали»** (церковь-часовня Во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали», первоначальное название этого храма – «В скорбях и печалях утешение»). Согласно преданию, храмовая икона «В скорбях и печалех утешение» является точной копией с чудотворного афонского первообраза. Создателем этой диковинной фантазии был **Пётр Митрофанович Зыбин** (1857–1918), который выделился своими архитектурными работами в самом начале XX века. Среди них – его собственный дом, особняк Бореля, глазная лечебница, а также Городской общественный банк. Однако наибольшую известность приобрёл именно храм «Утоли моя печали».

Бытует мнение, что эта церковь представляет собой уменьшенную в два с половиной раза и слегка отличную от оригинала копию Покровского собора на Красной площади в Москве. Внешне это так, но, по сути, перед нами свободный, искуснейший и очень артистичный парафраз, обладающий самостоятельной художественной ценностью. Отталкиваясь от знаменитого прототипа, Зыбин создал вольную фантазию по характерным мотивам русского храмового зодчества эпохи барокко в его сугубо национальной ипостаси и подал его характерные особенности в сублимированном виде, как некую кладёз архитектурных чудес.

Здесь и большой шатёр, окружённый многочисленными витыми куполочками, и башенки боковых приделов с опять-таки шатровыми «панцирями», и ряды бесчисленных кокошников, варьиремых по раз-

мерам, и заведомая лубочность пёстрой изукрашенности – но лубочность как особый знак национального своеобычия и потому достойная высокой оценки самого взыскательного ценителя.

И как это всё «складно и ладно» скроено! Автор проекта отказался от сложной конфигурации храма Василия Блаженного, добиваясь предельной стройности композиции построением строго симметричного, пирамидального объёма, возносящегося ввысь. В итоге складывается необычайно лёгкий и светлый лик этой церквушки, в силу своей исключительной живописности предстающей как великолепная игрушка чародея.

С 1890-х годов параллельно русскому стилю в Саратове начинает развиваться *стиль модерн* (или просто *модерн*), который своего высшего цветения достигает в 1900-е и начале 1910-х. Этот стиль выступил с программой кардинального обновления архитектурного языка, и его негласным девизом была неповторимость, даже уникальность каждой постройки. Саратовский модерн тяготел преимущественно к камерности, «лиризму» очертаний, и потому более чем где-либо его безусловно главным «жанром» выступал особняк.

В постройках подобного типа совершенно очевидны такие свойства архитектурного модерна, как свободное сочленение контрастных объёмов, подчёркнутая асимметричность и «текучесть» форм, многофасадная композиция, богатство и разнообразие пластических элементов. На передний план выдвигается изысканно вычерченная графика оконных переплётов, навесов, решёток, выступающих карнизов крыш, что сопровождается сгущенной орнаментальностью декора.

Как никогда, особое внимание уделяется разработке интерьеров: ломаный рисунок лестничных маршей, оригинальность конфигурации каминов, светильников и остального убранства (вплоть до дверных ручек) – всё дышит своеобразием, индивидуальным почерком. Снаружи это дополняется прихотливыми узорами металлических ворот и оград.

Для примера приведём несколько совершенно разноплановых построек, что наглядно проиллюстрирует неповторимо индивидуальный характер лучших проектов саратовского модерна.

Обособняк Зыбина (1900) нередко фигурирует под названием *собственный дом П. Зыбина*. Построенное раньше храма «Утоли моя печали», это здание также представляло собой некоторый род каменной сказки-игрушки.

В отличие от концентрированной национально-русской характерности рассмотренной выше церкви-часовни, особняк скорее созвучен нашим представлениям о литературном наследии братьев Гримм и, соответственно, – образам немецкой архитектуры: таковы геральдический башенный фронтон слева и шатровое навершие башни справа, напоминающее о старинных замках.

Впечатление сказочности подкрепляют великолепная отделка в цветовой гамме белоснежного с красным, яркие изразцовые вставки с растительными мотивами, скульптурные головы львов и, наконец,

такой забавный каприз, как лоджия, контур которой изогнут наподобие замочной скважины.

По своему функциональному назначению **особняк Сатова** был доходным домом. Первоначальная постройка 1870-х годов претерпела в самом начале XX века коренную реконструкцию в духе декоративного модерна. Купеческие хоромы второго этажа были переделаны в комфортабельные апартаменты, которые купец Ф. Сатов сдавал внаём, а помещения первого этажа – под магазин, о чём свидетельствуют крупные окна-витрины.

Реконструкцию предположительно провёл всё тот же Пётр Зыбин. Трудно представить у кого-либо из других саратовских архитекторов столь развитой дар фантазийности. Это касается и совершенно свободной, очень оригинальной планировки фасадов с причудливостью их форм, основанных на извилистых линиях, с замысловатыми эркерами, которые увенчаны башенками со шпильями и флюгерами, с затейливыми переплётками резных оконных рам.

Но особенно и словно бы в противовес деловой адресации сооружения на его поверхности разворачивается волшебный мир скульптурных рельефов и майоликовых вставок. Ничем не стесняемая игра воображения живописует мифические существа и пейзажи: вязь орнаментов из листьев, венков и водорослей, русалки, огромные пауки, змеи, лебеди, фантастические рыбы, медузы и морское чудовище, охраняющее балкон, – всё это придаёт зданию таинственный вид.

Другого рода акцент на таинственном находим в **особняке Скворцова** (1906), который воспринимается как своего рода дом-сфинкс. Он принадлежал преуспевающему адвокату, присяжному поверенному, который слыл большим эстетом. И облик строения как бы вторит неординарной личности заказчика. Строение выдержано в нормах так называемого рационального модерна, строгое и изысканное по конструкции. Строгость – в характере кладки и в больших уравновешенных плоскостях стен и окон. Изысканность – в оригинальных оконных решётках и в красоте использованного строительного материала (глазурованный кирпич и керамическая плитка благородного светло-жёлтого тона).

Неожиданным и интригующим является то, что в этом угловом доме фасадный угол резко выделен дополнительным третьим этажом, и на нём по грани угла размещён рельеф: египетская «голова» с изваяниями загадочных птиц. Лик маски побуждает насторожиться, поскольку взыскующий взор её прищуренных глаз направлен с высоты с гримасой презрения на суету снующей перед ней уличной толпы (знавшие семью А. Скворцова утверждали, что это скульптурный портрет супруги владельца дома – В. Скворцовой). Почти аналогичная «голова» размещена над массивной резной дубовой парадной дверью входного портала.

Своего рода гимном асимметрии как важнейшей установки архитектурного модерна можно считать **особняк Шмидта** (1910–1912). И. Шмидт принадлежал к могущественной саратовской династии мукомолов-миллионеров и мог позволить себе для выполнения своего заказа пригласить известного московского архитектора К. Дулина,

не стесняя его в расходах по возведению городской усадьбы. И проект был выполнен не только с размахом, но и с дерзновенной смелостью.

Компоновка разновеликих объёмов, у каждого из которых своё индивидуальное решение фасада, основана на абсолютно свободном сочленении. Их прихотливо-динамичную игру венчают пять контрастных видов фронтонов и крыш. И если по горизонтали угол здания, как его пространственная ось, выделен окаймляющей его плавной дугой, то фактический центр сдвинут на самый край постройки, в её правый «придел» – он поднят в высоту и отмечен полусферическим куполом.

И поразительно то, что при всей кажущейся хаотичности композиционного плана в конечном счёте достигается впечатление архитектурной целостности и единства, и при полной свободе обращения с каменными массами здание внушает чувство художественной меры и безупречного вкуса. Во многом это достигается благодаря тому, что в декоративное оформление активно вовлекаются ресурсы неоклассицизма (рустованный цоколь, аттики, пилястры, лепнина и скульптуры на античные темы).

Отметив столь примечательный проект московского автора, можем перейти к работам выдающегося архитектора, крупнейшего представителя стиля модерн **Фёдора (Франца) Осиповича Шехтеля** (1859–1926). Он родился в семье немецких колонистов, переехавших в Россию из Баварии в XVIII веке и осевших в Саратове. Это была состоятельная семья, её представителям в нашем городе принадлежали ткацкая фабрика и крахмальный завод, несколько магазинов и домов, их магазины были также в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Красноярске. Детство и отрочество Фёдора прошло в Саратове, здесь он окончил католическую гимназию, а затем учился в Первой мужской гимназии.

Проектировать начал с 1882 года, в 1900-е стал признанным мастером московской школы. В родном городе к его постройкам причисляют **особняк Константина Рейнеке** (1912–1914). Основным доводом в пользу авторства Шехтеля являются явные черты сходства с известнейшим московским шедевром – особняком Рябушинского.

В особняке Рейнеке, как в призме, сошлось всё существенное для стиля модерн. Абсолют асимметрии и свободы пространственного построения доведён до такой степени, что по мере обхода здания буквально с каждым шагом открываются всё новые ракурсы, настолько сложна и изменчива его конфигурация, насыщенная множеством уступов и эркеров.

Динамичную игру пластических объёмов дополняет артистичная проработка фасадов, создающая настоящий фейерверк архитектурных декораций с их прихотливыми контрастами цвета и фактуры. Для этого используется всё мыслимое богатство материалов: глазурованный лицевой кирпич, формованный бетон, керамическая и металличе-

ская плитки, поливные изразцы, лепной орнамент, тонированное стекло, особым образом выделанная черепица и т.д.

Над всем бесчисленным изобилием декоративных элементов царит большое многоцветное майоликовое панно уличного фасада с изображением кружащихся танцовщиц в голубых платьях, выполненное по картине австрийского художника Франца фон Штука (1898). Изысканности великолепного убранства усадьбы присущ подлинный аристократизм, отличающий лучшие творения модерна.

Можно только догадываться, во сколько обошёлся столь драгоценный наряд. Но очевидно, такое архитектурное пиршество было по карману мукомолу-миллионеру К. Рейнеке. И можно считать справедливым, что ныне подобное сокровище отдано под госпиталь ветеранов войн.

Об архитектуре Саратова вообще и рубежа XX века в особенности необходимо сказать следующее. На поверхностный взгляд она может показаться достаточно скромной по числу первоклассных сооружений. Но если всмотреться в городскую застройку давних лет более внимательно, то окажется, что губернский центр очень богат всякого рода красотоми, чаще всего относящимися по времени к эпохе стиля модерн.

Так всмотрелись в него Сергей Катков и Владимир Белан, заручившиеся поддержкой целой команды фотографов и издавшие к 400-летию города большой альбом «Мелодия Саратова» (Саратов, 1995). В их поэтической интерпретации наш город действительно предстаёт настоящей мелодией.

И прежде всего это касается восхитительных деталей архитектурного декора: церковные шатры и главки, арочные проёмы, окна с наличниками, скульптура, настенная пластика, каменные узоры, балконы, решётки, ворота, металлические ограды, светильники, фонари. Не менее впечатляющая картина предстаёт перед читателем, когда он перелистывает страницы опубликованной в 2007 году книги «Модерн. Саратов».

Переходя к тому направлению саратовской архитектуры, которому условно можно дать определение *столичный стиль*, следует сделать отступление, чтобы пояснить правомерность подобного термина. Как уже отмечалось, к концу XIX века Саратов стал крупнейшим промышленным, торговым и культурным центром Поволжья. В том числе достигло своего пика мукомольное производство. Наш город стал ведущим производителем муки во всей стране. Поэтому не случайно в обзоре саратовских особняков только что упоминались имена И. Шмидта и К. Рейнеке – ведущих магнатов мукомольной промышленности.

И уже в 1893 году, когда в честь 300-летия основания Саратова издаётся сборник «Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы», в нём можно было встретить свидетельства качественных сдвигов. Ещё в конце XVIII века то была «...кре-

постца, рыбий городок, местечко», а ныне, столетие спустя, «Саратов со своим 120-тысячным населением, около 8 тысяч учащихся в 69 школах, примерно устроенных, 600 тысячами годового бюджета, 138 фабриками и заводами, 16 933 зданиями, сравнительно развитую публичную прессою (9 изданий, в том числе пять газет), со своим музеем, пассажем, частью асфальтовыми тротуарами на главных улицах, водопроводом, железною и конно-железною дорогами, оперным и драматическим театрами, обширною библиотекой и светлою публичною читальною залю – принимает по местному общественному сознанию столичный облик».

Соответствующий этому определению стиль наиболее интенсивно развивался в начале XX века. И перечень знаковых зданий естественно начать с мэрии. Причём не только с точки зрения её значимости как органа городского самоуправления.

Дело в том, что исходный остов её здания был отстроен одним саратовским купцом ещё в 1867 году и использовался всего-навсего в качестве доходного дома. В 1911-м хозяином сооружения стал выходец из поволжских немцев, и здесь разместился его торговый дом «Андрей Бендер и сыновья». В 1913-м он с помощью архитектора Владимира Карпенко провёл капитальную реконструкцию. На общей волне «столичности» ничем не примечательная постройка в стиле позднего классицизма преобразилась к 1914 году в чрезвычайно респектабельное сооружение. Его фасады приобрели впечатляющий лоск, в том числе благодаря фигурным аттикам и контрасту форматов окон на каждом из трёх этажей.

Особую элегантность зданию сообщали многочисленные скульптуры и барельефы, выполненные по эскизам Николая Волконского. Среди них выделяется горделивая фигура льва на обмотанном сарпинкой земном шаре. Она появилась по личному настоянию хозяина и призвана была олицетворять власть и могущество финансовой империи Бендера, фирма которого производила «всемирно известную», практичную и дешёвую сарпинскую ткань.

Так уж сложилось, что столь импозантное сооружение своей представительностью напоминало облик большой официальной резиденции. Это обстоятельство и то, что здание находится в самом центре города, побудило власти приобрести его для размещения мэрии. Сейчас его по праву преемственности занимает администрация Саратова.

Теперь о сооружениях, которые отличаются особым размахом и которые были воздвигнуты на ключевом для «столичного стиля» этапе – в начале XX века.

С некоторых пор общественность города стала ратовать за открытие **Саратовского университета**. На этот счёт было получено высочайшее повеление, и в 1909 году был основан пятый в нынешних границах России Императорский Николаевский университет. В том же году по приглашению ректора в Саратов приехал Карл Мюфке, который был архитектором-строителем Казанского университета и имел большой опыт.

Он основательно корректировал проекты петербургского архитектора Льва Шишко, по которым в 1910-м началось строительство I, II и III корпусов, и неустанно разрабатывал контуры будущего Университетского городка. В 1914 году университет смог переехать из временных помещений в первые четыре корпуса. Параллельно с осуществлением своего грандиозного проекта Мюфке вплоть до 1928 года создавал ансамбль Клинического городка.

На территории самого университета после смерти выдающегося основоположника были построены V корпус (1952, архитектор Н. Усов), корпус Научной библиотеки (1957, архитектор Ю. Истомин) и многое другое, включая храм Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия (2003–2014), заменивший ранее утраченную часовню.

Единое учреждение, которое в прежние времена находилось в гигантском четырёхугольнике, образованном улицами Московская, Астраханская, Большая Казачья и Университетская, теперь поделено между двумя вузами – Саратовским государственным университетом имени Н.Г. Чернышевского и Саратовским медицинским университетом имени В.И. Разумовского (по имени первого ректора университета).

Создавая Университетский городок, К. Мюфке ставил перед собой задачу формировать архитектурный комплекс *«в классическом стиле в оригинальной современной трактовке его»*. Эстетические веяния нового времени здесь ощутимы, однако безусловно превалирует именно классика, больше всего отсылающая к дворцовым шедеврам Петербурга. Причём это высокая классика, что поддержано использованием ордерной системы.

Торжественная весомость архитектуры и её строгая красота призваны напомнить об *академическом* статусе учреждения («храм

науки»). Тот же дух царит в просторных аудиториях и огромных лекционных залах.

Наконец, Университетский городок впечатляет и как целостный ансамбль. Даже с учётом названных выше позднейших достроек он сохраняет изначально задуманное единство с выдержанными от начала до конца критериями фундаментальности и грандиозности, что базируется в том числе и на высоком качестве исполнения.

Из гражданских сооружений исключительной масштабностью выделилось здание **Управления Приволжской железной дороги** (это окончательно установившееся название, которому первоначально предшествовала аббревиатура РУЖД – *Рязано-Уральская железная дорога*). То была самая крупная и, в сущности, последняя работа Алексея Салько – прекрасный финал его долгой творческой эволюции.

Эта капитальнейшая постройка до сих пор остаётся самой большой в Саратове. Её мощный пятиэтажный массив занимает целый квартал и в плане представляет огромный квадрат с внутренним двором, вызывая в своей монолитности отдалённые ассоциации с испанским Эскориалом.

Сдержанность официального внешнего облика и его деловая представительность не исключают тщательно проработанной эстетической составляющей. Своеобразие здания начинается с того, что его углы срезаны в плане, и их значимость подчёркнута поднятыми над ними башнями, скорее напоминающими скульптурные формы. Из классического «репертуара» используются ризолиты, аттики, а также пилястры и колонны коринфского ордера.

Последний этаж имеет богато декорированный фриз и сильно вынесенный профилированный карниз, что венчается парапетом с балясинами и тумбами, чередующимися в ритме окон. Широкие плоскости фасадов тонко изукрашены фигурной кирпичной кладкой. В оформлении окон применяется лепнина растительного орнамента.

Свою лепту вносит красочное решение фасадов, построенное на контрасте красного цвета стен и белого в декоре. На одной из угловых башен (на пересечении Музейной площади и Московской улицы) установлены часы с боем – их называют саратовскими курантами. Остаётся добавить, что интерьеры отличаются большой вместительностью, удобством и целесообразностью. Они обладали по тем временам высокими инженерными и техническими достоинствами, что позволяет этому сооружению до сих пор с успехом служить по прямому назначению.

Определённую параллель зданию РУЖД составил **Почтамт**, построенный двумя годами позже (1914–1916) по проекту петербургских архитекторов М. Кобелева и П. Колпакова, состоявших на службе в Главном управлении почт и телеграфов России. Новый комплекс был оснащён по последнему слову техники, что явилось для того времени событием грандиозным. Общий облик сооружения настолько соответствовал своему функциональному назначению и был настолько

добротой отделан, что его проект считался одним из лучших в Европе, а фотографии фасада Саратовского почтамта печатались на почтовых конвертах.

Действительно, он выглядит как чрезвычайно представительное здание-монумент, всего в три этажа, но каждый очень большой высоты. Его строгий вид официального учреждения подчеркнут рациональной планировкой, и вместе с тем даже скупого декора, использованного здесь, оказывается достаточно, чтобы избежать впечатления сухости и холодности казённой постройки.

Эту задачу выполняют вынесенные на главный фасад три портика (центральный четырёхколонный в окружении двухколонных), внушительные розетки над большими оконными переплётами, цепь зубчатых башен и башенок над карнизом и красивая потолочная лепнина в залах почтового ведомства.

И, наконец, совершенно особая статья «столичной» архитектуры Саратова – **Крытый рынок** (1914–1916, то есть те же годы, что и Почтамт). **Василий Люкшин** получил от Городской думы заказ на его строительство в 1907 году. Три года ушло на подготовительный этап, когда вместе с представителем Думы архитектор объехал Одессу, Ригу, Петербург и Москву, где детально изучал рыночные сооружения.

В 1911–1912 годах он непосредственно работал над проектом, после широкого обсуждения которого в 1914-м началось строительство. По его окончании здание сразу же было воспринято как шедевр архитектуры подобного рода, и, оценивая его достоинства, пресса пришла к единодушному мнению: *«Нигде в России нет более грандиозного и красивого рынка»*.

Как и Почтамт, оно возводилось по последнему слову инженерной мысли своего времени, и даже опережая её: каркасная система, металлические формы, бетонные конструкции, обширные стеклянные плоскости, а колоссальный по площади главный торговый зал не имеет ни одной внутренней опоры, перекрыт стальными фермами и заполнен естественным светом, проникающим через крышу-фонарь.

Новизна архитектоники Крытого рынка позволяет говорить о симптомах раннего конструктивизма, который заявляет о себе в установке на простоту и целесообразность, в чёткой очерченности объёмов, когда даже господство симметричности воспринимается здесь не как дань классике, а как принцип безусловной упорядоченности.

Вместе с тем обилие богатого декора и его эстетика говорят о ещё актуальной влиятельности стиля модерн: маскароны, атланты, орнаментальные рельефы, металлические решётки, светильники. На принадлежность торговому делу указывают большие витринные окна различного профиля и соответствующая эмблематика – обозначающая предметы продаж (растительные и животные мотивы). Обращают на себя внимание красота верхнего покрытия, центрированного огромным куполом, и под его плафоном – выразительная, художественно поданная графика сетки геометрических линий стальных ферм.

Приступая к обсуждению готики (неоготики) как важнейшей стилевой доминанты саратовской архитектуры, сделаем необходимое отступление, поясняющее её истоки и закономерность её возникновения.

В 1762 году Екатерина II подписала манифест «О позволении иностранцам выходить и селиться в России», призывавший обживаться в *«наивыгоднейших к обитанию рода человеческого полезнейших местах империи, до сего праздно остающихся»*.

С 1763 по 1772 в Россию прибыло более 30 тысяч переселенцев, из которых 26 тысяч были направлены на проживание в район Саратова. Ещё около 20 тысяч переселились на Волгу к концу 1810-х годов, а в общей сложности до середины XIX века сюда переместилось почти 100 тысяч немцев. В основном это были выходцы из разных земель Германии, преимущественно из Вестфалии, Пфальца, Баварии, Саксонии и Швабии.

Привлекая немцев в Россию, Екатерина II одной из своих целей имела дать пример русскому населению – пример хозяйственной рачительности, деловитости и предприимчивости, что и было с успехом претворено в жизнь. К 1914 году в Поволжье насчитывалось более 200 колоний с населением свыше 400 тысяч человек. Основу этой диаспоры составляло зажиточное крестьянство. По благоустройству и благосостоянию их поселения заметно превосходили русские.

Касалось это и культуры. Грамотность немецких детей была самой высокой в России, чему способствовало и процветание церкви. К концу XVIII столетия в колониях Поволжья насчитывалось 59 лютеранских, 33 католических и 23 реформатских церкви и молитвенных

дома и 105 школ, устроенных по подобию распространённых в немецких княжествах.

В 1856 году в Саратове открывается римско-католическая семинария, где готовили патеров из среды поволжских немцев, в следующем году для улучшения школьного дела было открыто Екатериненштадтское центральное училище (Екатериненштадт, первоначально – Баронск, в советское время – Марксштадт, ныне – город Маркс), в середине XIX века в колониях Поволжья насчитывалось 120 школ, а по сведениям 1909 года, в 133 немецких сёлах было около 350 школ.

Субэтнос немцев Поволжья складывался и развивался на протяжении почти двух столетий, сохраняя свои вероисповедание, жизненный уклад, быт, язык в различных его диалектах, обычаи, фольклор, одежду, характер построек. Любопытное свидетельство на этот счёт находим в одном из изданий начала XX века: *«Немцы-колонисты живут замкнутой жизнью, строго придерживаясь своей лютеранской и католической религии, обычаев и нравов своей страны, почти не поддаваясь влиянию склада жизни России, сохраняя родной язык и едва владея русским. Браков с русскими не бывает, а во всём складе жизни и умственном кругозоре проглядывает влечение к родному фатерланду»* («Спутник по реке Волге и её притокам на 1907 год». – Саратов, 1907).

Наиболее густые расселения немецких колонистов были в Саратовской губернии, а самая большая диаспора немцев находилась именно в Саратове: к началу XX века их проживало здесь свыше 5 тысяч. Основными занятиями были ремесло и торговля. Поскольку главным направлением сельскохозяйственной деятельности в регионе стало производство пшеницы, соответствующим образом развивалось и мукомольное дело. К 1890-м годам немцы-мукомолы взяли под свой контроль не только производство, но и продажу муки в России; в числе крупнейших предпринимателей – династия Шмидтов, предки которых были в числе первых колонистов Поволжья.

Среди богатейших граждан города числилось купеческое семейство Шехтелей, во владении которых были магазины, доходные жилые дома, гостиница, ткацкая фабрика, крахмальный завод, увеселительный сад с летним театром. В Саратове сохранились три здания, принадлежавших этому семейству, в том числе «Номера Шехтель» – одна из лучших саратовских гостиниц XIX столетия. В одном из зданий находился зал, где с 1859 года давались театральные представления, в которых участвовали актёры Городского театра и многие приезжие артисты. В этом зале в 1872 году дебютировали будущие основатели русского национального цирка братья Никитины (Аким, Пётр и Дмитрий). В середине XIX века династию Шехтелей представляли братья Антон, Иван, Алоизий, Франц и Осип. Последний из них был отцом будущего знаменитого архитектора Фёдора (Франца) Шехтеля – одного из создателей московского стиля модерн.

Можно напомнить также, что архитекторы немецкого происхождения осуществили в Саратове ряд проектов, близких общеевропейским стандартам. Среди них – Городской театр (1865, Карл Тиден совместно с Алексеем Салько), со времени его создания – Хлебная

или Базарная площадь стала именоваться Театральной, художественный музей имени Радищева (1883–1885, Иван Штрот), первоначальное здание консерватории (1902, Александр Ягн), университет (начиная с 1909, Карл Мюфке).

Переместимся из Саратова на противоположный берег Волги, где прямо напротив губернского центра исстари находилась Покровская слобода, получившая со временем статус города.

В сельской местности немецкие жилые и хозяйственные строения резко отличались от русских, выделяясь не только внешними очертаниями, но и своей добротностью, ухоженностью. Особенно этот контраст был очевиден ввиду того, что в колониях воздвигали большие каменные храмы, весьма примечательные в архитектурном отношении. Все они отличались фундаментальностью постройки, добротностью отделки и «немецким духом», который находил себя в различных вариантах готики – от умеренно-сглаженной по очертаниям или, наоборот, с предельно заострёнными чертами.

В Саратове немецкая застройка, естественно, носила подчеркнутую городскую облик, ориентируясь на образцы европейской столичной архитектуры. На одной из центральных улиц города – Губернаторской (ныне имени Радищева) – размещались контора опекунов иностранных поселенцев и Немецкая слобода, которая существовала здесь с середины 1760-х годов. Со временем на месте Немецкой слободы возникла Немецкая улица (в советское время – проспект имени Кирова), ставшая самой красивой и респектабельной в городе. Её украшением служили находившиеся поблизости друг от друга два величественных храма – католический кафедральный собор и лютеранская кирха.

Говоря о первом из них, напомним, что Саратов был не только центром немцев Поволжья, но и одним из самых больших центров католичества в Российской империи. Первая католическая церковь построена в 1805 году в Немецкой слободе, и, когда город стал центром епархии, здесь была основана семинария, а церковь получила статус собора.

Однако деревянная постройка мало походила на кафедральный собор, поэтому к 1881-му построили каменный **собор Святого Климента** (архитектор М. Грудистов), с двумя высокими колокольнями, с богатой отделкой интерьера, с росписями и витражами. В 1935 году его закрыли и в результате радикальной перестройки (архитектор К. Невский) приспособили под детский кинотеатр «Пионер».

Двумя годами раньше на месте сгоревшей деревянной **евангелическо-лютеранской церкви Святой Марии** был возведён новый каменный храм с тем же названием – в виде пирамиды с высоким остроконечным шатром (архитектор К. Тиден). Приход Святой Марии был одним из самых многочисленных в России. Церковь находилась рядом с католическим собором, на той же Немецкой улице, и её постигла аналогичная участь: закрыли в том же 1935 году, затем снесли,

построив здесь позже корпус нынешнего Аграрного университета.

Католический собор и лютеранская кирха концентрировали в себе характерные черты германских архитектурных традиций. Они знаменовали тот факт, что немецкая готика стала важнейшим стилиобразующим компонентом архитектуры Саратова, и не случайно эмблемой города является здание консерватории. Оно возводилось на Немецкой улице и было ориентировано именно на эти два сооружения, находившиеся тогда рядом.

Итак, **консерватория**. Отчасти подтекст эпопеи битвы за её открытие в Саратове состоял в том, что за честь быть первым консерваторским городом Российской империи после двух столиц в те же годы боролись Киев и Одесса. Одним из «вещественных» аргумен-

тов в пользу нашего города служило наличие превосходного здания. Таковым оно стало именно к 1912 году.

Ещё к концу 1880-х годов в связи с быстрым ростом контингента музыкальных классов встал вопрос о собственном здании для них. В 1889-м в центре города, на углу Никольской и Немецкой улиц (ныне улица Радищева и проспект Кирова), предполагалось выделить для этого соответствующий участок земли. Однако долгое время дело не продвигалось.

В 1897 году, уже в бытность музыкального училища, дирекция Саратовского отделения РМО вновь возбудила ходатайство об отводе участка для строительства здания в том же месте. Благодаря содействию губернатора Михаила Галкина-Врасского этот участок в 1898-м был отдан Городской думой в пользование местного отделения РМО, а в 1901-м стал его собственностью.

Стараниями директора музыкального училища Станислава Экснера к осени 1902 года по проекту петербургского архитектора **Александра Ягна** было возведено новое трёхэтажное здание. Расходы по строительству (193 тысячи рублей) взял на себя князь **Пётр Волконский** – музыкант-любитель, который иногда принимал участие в концертах музыкальных классов и музыкального училища.

Из-за нехватки средств Ягн вынужден был упростить исходный проект, особенно по части оформления фасадов. Излишне деловой и весьма мрачный внешний облик сооружения не удовлетворил ни самого архитектора, ни горожан, которые прозвали его «элеватором». Однако внутреннее обустройство здания (в том числе отделка помещений) не вызывало никаких претензий.

Особенно выделялся Большой зал (общей вместимостью до тысячи человек), который остаётся в числе лучших в стране по красоте интерьера и по своим акустическим качествам. Знаменитая польская клавесинистка Ванда Ландовска отзывалась о нём в начале XX века в одном из парижских журналов следующим образом: *«Саратовское музыкальное училище имеет собственный концертный зал, построенный с большим вкусом и обладающий совершенной акустикой, какой, пожалуй, не найти и в Париже»*. В 1984 году его украсил орган немецкой фирмы «Зауэр».

Кроме того, надо признать, что в проекте Ягна были потенциально заложены элементы будущей готики. Поэтому, к примеру, имевшиеся на здании балконы, украшенные металлической резьбой, вошли в новую композицию без изменений.

В преддверии открытия консерватории С. Экснер начинает хлопоты о капитальной реконструкции здания, что было поручено главному архитектору города **Семёну Каллистратову**, и среди его саратовских проектов это был самый замечательный. В течение 1910–1912 годов был перестроен фасад, а для занятий оперного класса надстроен IV этаж (ныне там располагается Малый зал, идеально приспособленный для исполнения камерной музыки).

Как уже отмечалось, коренное преобразование фасада Каллистратов осуществлял в композиционном ансамбле с величественными сооружениями католического собора и лютеранской кирхи. Свою роль, очевидно, сыграло и то обстоятельство, что образование инженера-строителя он получил в университете Лозанны (Швейцария).

Отсюда шло декоративное решение в духе романтического модерна с использованием элементов южно-немецкой готики: возносящиеся ввысь башни с остроугольными шатровыми покрытиями, полукруглые эркеры, сложнопрофилированные пилоны, узкие стрельчатые оконные проёмы, закрытые балкончики, а также башенки-пинакли, шпили и флюгеры, металлические коньковые решётки на крыше – всё это обеспечивало живописное расчленение былого массивного объёма и вертикализм архитектурной композиции. Неоготическое убранство активно дополняли скульптуры и рельефы с причудливыми изображениями сов, грифонов, поющих химер, а также большое круглое окно-роза.

После этой реконструкции здание консерватории стало главным архитектурным украшением города, его символом и «визитной карточкой». И следует признать, что столь оригинальным обликом не располагает ни один другой художественный вуз страны. В 1982 году к основному зданию был пристроен четырёхэтажный корпус с Театральным залом.

На смену блистательному взлёту саратовской архитектуры конца XIX–начала XX века в послереволюционный период приходит длительная полоса градостроительного безвременья. И только в 1950-е годы на слабо выраженной волне «реанимации» классических форм появляется несколько примечательных построек.

Прежде всего следует назвать корпус **Научной библиотеки** (1957, архитектор Ю. Истомин), который корректно вписался в ряд сооружений Университетского городка, возведённых ещё под наблюдением К. Мюфке. Кстати, это единственное в стране здание, построенное после Великой Отечественной войны специально для библиотеки. И для этого были причины.

Основанная в 1909 году вместе с университетом, она является самой крупной научной библиотекой Среднего и Нижнего Поволжья. Её фонды насчитывают более трёх миллионов книг и периодических журналов. Вот почему её нынешнее наименование – Саратовская зональная научная библиотека имени В.А. Артисевич.

В архитектурном отношении, поддерживая традиционный монументализм основных зданий университета, здание библиотеки вносит оригинальный штрих в общую панораму Университетского городка полуротондой углового фасада, опоясанного колоннадой. Позднее на другом углу университетского квартала по той же Московской улице был выстроен административный корпус почти аналогичной конфигурации.

Обращает на себя внимание тот любопытный факт, что годом позже Научной библиотеки была построена **Бальнеологическая лечебница**, где форма полуротонды также использована в качестве основного конструктивного элемента. О заимствовании идеи не может быть и речи, так как проект Э. Петрушко был подготовлен ещё в 1954 году. И в данном случае применение этой формы более мотивировано, поскольку здравница находится на берегу Волги, а ротонды с давних пор традиционно являются принадлежностью городских набережных.

Здесь полуротонда увенчана великолепным куполом с нарядной «чешуёй» черепицы. Мало того, к полукружью колоннады парадного входа ведут два лестничных марша с красивыми балюстрадами. Наконец, общее своеобразие постройки усиливается её изгибом по периметру в обе стороны от центра.

Белоснежная облицовка – ещё одно слагаемое того отрадного впечатления, которое производит это здание как своего рода эстетический эквивалент высококачественной сероводородной воды, бьющей из источника на глубине 228 метров и не уступающей по своим оздоровительным свойствам кавказским и черноморским аналогам типа знаменитой «Мацесты».

В двух только что названных сооружениях ощутимы веяния того стиля послевоенной классики, который нередко именуют «сталинским ампиром». Его черты можно отметить в так называемых жилых домах повышенной комфортности, построенных в 1950-е годы на набережной, но особенно показательно в этом отношении здание, находящееся по диагонали к консерватории (проспект имени Кирова, 6/8).

Здесь представлена почти вся характерная атрибутика послевоенного ампира: большие полукруглые эркеры с колоннами, по всему периметру крыши башенки и балюстрады, декоративные балкончики, лепной орнамент, классицизированная пластика украшений и т. д.

К архитектурному оформлению подобного типа зачастую относятся с изрядным скепсисом, однако в целом таким сооружениям трудно отказать в определённой импозантности, размахе и в том, что по выполнению это было по-настоящему капитально и в высшей степени добротно. И ценность такого рода элитных зданий возрастает, если принять в расчёт «потоп» безликого стандартного домостроения эпохи Хрущёва и Брежнева.

С 1960-х годов наметилась перспектива разработки актуально-современных ресурсов архитектурной выразительности. Именно только наметилась, поскольку процесс протекал весьма инертно, с большим торможением.

Первой заметной вехой на этом пути было строительство **автодорожного моста**, наконец-то соединившего Саратов с Энгельсом, находящимся напротив, на другом берегу Волги, вторым по величине городом области. Введённый в эксплуатацию в 1965 году, он был самым протяжённым в Европе (общая длина почти три километра). Разумеется, это в первую очередь инженерное сооружение, для которого важны технические параметры – допустим, отмечающие его ширину (15 метров), количество опор (около сорока так называемых «быков») или материалы (металлические и железобетонные конструкции).

Однако создателям моста (инженеры В. Иодзевич и В. Иванов, архитектор Б. Надежин), помимо обеспечения необходимых производственных показателей, удалось придать проекту и определённый художественный эффект. Способны произвести впечатление мощные «быки» и могучая линейная графика стальных форм, однако главную эстетическую ценность составляют плавные извивы ленты моста.

Конечно, нетрудно понять, что появились они из необходимости обеспечить условия для прохождения больших судов, но в результате вместо ровной эстакады возникла притягательная для глаз волнистая линия. Особенно захватывающим зрелище становится при взгляде сверху и ярком ночном освещении.

Этот мост-красавец, ставший одним из символов Саратова, был в известном смысле и мостом в современность. После его возведения в архитектуре города всё чаще начали появляться свидетельства того, что мы живём в XX столетии. Одно из таких свидетельств – **гостиница «Словакия»** (архитектор Л. Дорошенко). Впервые и опять-таки на волжском берегу на целых 15 этажей взметнулось высотное сооружение. Оно выполнено предельно рационально: вертикаль огромного параллелепипеда поставлена на подиум другого параллелепипеда, протянувшегося по горизонтали.

Многое в нынешнем облике Саратова определяют офисные здания, торгово-зрелищные центры и гостиничные комплексы. Они нахо-

дятся на самой передней линии по части внедрения новых строительных технологий и широкого использования нетрадиционных материалов (металл, пластик и, особенно, цветное стекло). Ярко преподносимые современные идеи, изобретательность оформления (включая даже приёмы архитектуры хай-тек) нацелены на создание броских фасадов и элегантных интерьеров – всё это нередко с претензией на уникальность и с установкой на элитарные амбиции.

Различные аспекты подобного направления выразительно иллюстрируют бизнес-центр «Парус», административно-торговый комплекс «Ковчег», торгово-развлекательная корпорация «Триумф-Молл», гостиница «Жемчужина», а также новое здание ТЮЗа.

С 1990-х годов вновь обнаружил себя «немецкий акцент». Новейшая застройка в ряде случаев согласуется с готическим силуэтом главной эмблемы Саратова, каковой является здание консерватории. Более всего эта генетическая память прошлого «всплывает» в характерных острых шпилях (см., к примеру, построенные в духе романтических западноевропейских замков жилой дом в районе Городского парка и гостиница «Золотой дублон» в Энгельсе).

И, напротив, как это ни парадоксально, возрождение католического зодчества только самым косвенным образом апеллирует к связям с неоготикой. И если архитектура католического костёла (церковь Христа Царя) в Марксе (1990–1993) хотя бы частично соотносится с традицией возносящегося ввысь башенного объёма, то католический собор (собор Святых Апостолов Петра и Павла) в Саратове (1997–2000, архитекторы А. Мушта и В. Левинсон) скорее ориентирован на авангардную капеллу Нотр-Дам-дю-О, построенную в Роншане (Франция) знаменитым Ле Корбюзье.

Анализируя состояние саратовского градостроения самого последнего времени, можно прийти к выводу, что художественно наиболее ценное в его потенциале, вероятнее всего, будет разворачиваться в русле *модернизированной классики*. Подразумевается свободное преобразование разного рода классических форм (в том числе в их сочетании с отдельными элементами неоготики) с активным подключением современных ресурсов архитектурной выразительности. При этом первостепенная задача заключается в необходимости добиваться безусловной органики во взаимодействии столь различных стилиевых компонентов под эгидой высокого вкуса, меры, ясности и красоты.

Именно в этом видится магистральная перспектива сохранения индивидуального архитектурного лица Саратова в потоке устрашающе нивелирующей глобализации наших дней. И уже сегодня можно назвать отдельные образцы успешно реализуемых принципов модернизированной классики. Это, к примеру, бизнес-центр «Атлант», которому предшествовала превосходно осуществлённая реконструкция большого офисного здания на той же улице Вавилова (на углу с улицей Рахова) и особняка дворцового типа по улице Некрасова, 48.

Другая современная классика развивается по линии храмового зодчества. Как известно, облик почти любого русского города прежде всего олицетворяли церковные сооружения. В годы Советской власти

жизнь этой традиции была не только приостановлена, но и зачастую под корень разрушена повсеместным уничтожением церквей.

Так, до 1918 года в Саратовской епархии действовали: 891 храм, 15 монастырей, скит, пустынь, а к 1934-му не осталось ни одной действующей церкви. Все они были снесены или приспособлены под хозяйственные нужды. В разгар Великой Отечественной войны из потребностей пробуждения патриотического духа в 1942 году верующим вернули Троицкий собор, а в 1948-м и Духосошестввенский. И только с конца 1980-х в городе стали открываться другие церкви в nascоро отремонтированных дореволюционных зданиях.

А немного погодя повела свой отсчёт возрождённая традиция возведения новых храмов. И здесь самое время сказать похвальное слово в адрес архитекторов, живущих рядом с нами. Они находят драгоценную «золотую середину» между исконным и нынешним в интерпретации храмового образа. Наши современники с завидным чувством меры, очень корректно, но тем не менее весьма инициативно претворяют традиционные формы, ни в коем случае не становясь их копиями.

Художественная плодотворность их проектов говорит сама за себя, и остаётся назвать хотя бы несколько образцов, которые с полным правом можно отнести к сегодняшней классике церковного зодчества: храм Во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших (2000–2001, архитектор В. Бочков) и Княже-Владимирский храм (2005–2010, архитектор В. Пахомов) в Саратове, храм Во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (2000) в Балашове и храм В честь Рождества Христова (2004–2006) в селе Рыбушка Саратовского района.

**Игорь
ШВЕДОВ**

НАДЛОМЛЕННАЯ ВЕТКА

ТЫ ФОТОГРАФИИ РВАЛА

Ты не хотела, не могла,
Чтоб даже так мы вместе были,
А слёзы ярости душили...
Ты фотографии рвала.

Безумная! При чём они –
Моментов светлых отпечатки?
О, если б так же без остатка
Порвать все чувства мы могли!

Порезать память на клочки,
А душу вымести, как коврик,
Чужой судьбы покинув дворик,
Швырнув бывшее, как ключи.

Мы слишком преданы тому,
Что наших бед причиной стало,
Но то, что нас соединяло,
Не уничтожить никому.

НЕСБЫТОЧНОСТЬ

Я бредил именем твоим,
В ладони собирая звуки,
Губами прикасался к ним,
Как будто это – милой руки.

И, ощущая пустоту,
Я знал: тебя со мной не будет.
Я потерял навеки ту,
О ком душа не позабудет,

-
- Игорь Вячеславович Шведов родился и живёт в Саратове. Член поэтического клуба «Диалог». Автор двух поэтических книг. Публиковался в журнале «Возрождение», в других периодических изданиях. Лауреат областных поэтических конкурсов «Турнир поэтов» (2007), «Душа хранит» (2010).

Чьё имя – первая тоска,
Смятенье, страсть и боль разлуки,
Любовь, что, свистнув у виска,
Промазав, причинила муки.

И всё ж, несбыточность, прощай!
Мне толща лет – бронезилетом.
Ты не убьёшь меня, но знай:
Не раз я сожалел об этом.

САМАЯ НЕЖНАЯ

Пусть беда стреляет метко,
Жизнь прекрасна, ведь весной
И надломленная ветка
Покрывается листвой.

Разметает время-ветер
Белый пепел лет и зим...
Лишь однажды счастье встретил...
Оказалось, счастье – дым.

Так осталось и поныне,
Но душа не отцвела.
Нёс твоё по жизни имя,
Мимо жизнь меня несла.

Знать, держал тебя не цепко,
И удача подвела,
А надломленная ветка
Самой нежною была.

Досказать осталось малость:
Подари же сердцу май
На то время, что осталось...
Или вовсе доломай!

МАРШРУТКА

Нарушая часто правила движенья,
Мчит маршрутка под приглядом светофоров.
Снова города живого отраженье
Воплотил её проворный, юркий норов.

Пусть внутри не как в салоне лимузина
(Экстра-класс доступен только единицам),
Но зато, как за прилавком магазина,
Предлагает жизнь на выбор встречных лица.

И водитель остановит, где попросят.
Вроде мелочь, а душа поёт баяном.
Где ж маршрутка, что любовь и счастье возит?
Почему сажусь в другую постоянно?

**Александр
ТРИАНДАФИЛИДИ**

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

**Франческо ПЕТРАРКА
(1304–1374)**

СОНЕТ ССКСVIII

Краса и Добродетель, две врагини,
Соединились и, живя в ладу,
Не подпускали злобную вражду
В благой приют её души-святыни.

Но Смерть разъединила их, и ныне
Одна вошла в блаженных череду,
Другая в землю; миру на беду,
Погасли эти очи при кончине.

Тот нежный лик, те речи, ясный взор
На небо вознеслись. Мне сердце гложет
Печаль, и я слезами исхожу.

Туда бы мне, но медлю до сих пор,
Здесь имени светлейшему, быть может,
Ещё пером усталым послужу.

-
- Александр Николаевич Триандафилиди родился в 1981 году в Ростове-на-Дону. В 2004-м с отличием окончил Ростовский строительный университет. В 1997 году начал писать стихи, впоследствии издал два сборника стихотворений. Изучая итальянский язык, в 1999 году задумал полный перевод поэмы «Неистовый Роланд» Лудовико Ариосто. С итальянского также переводил стихи многих поэтов, в том числе Гвиницелли, Петрарку, Боккаччо, Саннадзаро, Пульчи, Лоренцо Медичи, Пасколи, Кардуччи и др. В сотрудничестве с профессором Н.В. Забабуровой перевёл два стихотворных романа классика французского Средневековья Кретьена де Труа: «Ланселот, или Рыцарь Телеги», «Персеваль, или Повесть о Граале». В различные издания включены его переводы с французского – из Мориса Роллина, Поля Верлена, Артюра Рембо, Тристана Корбьера, а также Леконта де Лиля. В 2013-м в Москве выпустил книгу переводов «Лоренцо Медичи и поэты его круга». В 2014-м издательством «Эксмо» опубликованы переводы стихотворений и поэмы «Хармид» Оскара Уайльда. Член Союза российских писателей. Живёт в Ростове-на-Дону.

Эрмес ди Колоредо (1622–1692)

ОКТАВЫ

Ах, Николт, терпеть уж мне невмочь,
Вконец любовь к тиранке доняла,
С ней сердцем остаюсь, а ноги – прочь
От сей изменницы, исчадья зла;
Ведь лжи она и вероломства дочь,
Ей мир припомнит гнусные дела
И станет изумляться вновь и вновь:
Непостоянством предана любовь.

Как я страдал, как звал и как стонал,
То знают Бог, она – и сердце тож;
Грудь у неё хладней и твёрже скал,
Ни капли состраданья не найдёшь.
Покуда, зная, не грянет мой финал,
Всё будет в ней отказ, презренья сплошь.
И чем же муки те смогу унять я,
Когда не брошусь гибели в объятья?

О Боже, только бы увидела она
Того, кто так страдает от любви,
Ту боль мою, какой душа полна
От строгости её безмерной, – и
Смягчилась бы, и стала бы нежна,
И изменила б участи мои;
А коли жалость в ней не заронить,
Природа заказала ей любить.

И всё-таки мой разум вопиет:
Зачем встречать презренья как подачки?
Зачем страдать дни, ночи напролёт
И пребывать в рабах у злой горячки?
Нет, нет, беги, судьба тебе пошлёт
Остуду этой горестной горячке;
Что мило Даме, уж пора бы знать:
Любовника терзать, а не терять.

Ну, ну же, сердце, убежим скорее
Под небеса чужие умереть,
Не снизойдут к нам звёзды с эмпиреев,
Не внемлют песням, сколь их нам ни петь.
А вас, Элиза, попросить я смею:
Меня облагодетельствуйте впредь –
Скончаться дайте подле ваших ног,
Чтоб, умирая, рай вкусить я мог.

Жестокая, хоть по какой вине,
Скажите, я на кару осуждён,

Ведь кара это, коль судьбиной мне
 До смерти уготован плач и стон?
 Ах, потому презрен я ей вполне,
 Что, на беду, до боли я влюблён;
 То знаю и глаголю про себя,
 Что сам себя я потерял, любя.

Я потерял себя, потерял сам,
 Её любовью обделён и сир,
 Но мука в том, что чужд я небесам,
 Хотя греха на мне не видел мир.
 Будь справедлив, Амор! Не по грехам
 Невинному воздал ты, злой кумир,
 И знай: коль этих не излечишь ран,
 То ты не бог любви, а бог-тиран.

(перевод с фриульского диалекта)

Филиппо Чекет 1872–1912

– Зуб мудрости всю ночь казнил меня.
 Какая боль, алтарная Мадонна!
 Во рту моём как будто головня
 Из тех, что в очаге трещат бессонно.

– Ну-ну, не куксись, словно ребяшня!
 Не хочешь слушать моего резона,
 Тебе твержу я, как и вся родня:
 Сходи к монаху – вырвет, в чём препона?

– Что, вырвать зуб? Чертовка, надоела,
 Без сердца ты... Ответь же: знаешь ли,
 Как в эту ночь моё страдало тело?

Как у Христа, кого на крест взвели!
 Как на кресте! Хорошенькое дело:
 Мол, вырви зуб! Себе ты удали.

Джованни Пасколи (1855–1912)

ТОПОТ

Стук галопа чаще, чаще.
 Это значит,
 Кто-то с быстротой, дрожащий,
 В поле скачет.

Дол пустынен, нет границы,
Сушь да гладь, да запустенье.
Как стрела скользнули птицы,
Все в смятенье,

Не иначе. Улетают
От распада повсеместно.
Где он – этого не знают
Ни земля, ни свод небесный.

Стук галопа резче, резче.
Стонет твердь.
Это мчится издалече
Смерть! Смерть! Смерть!

ПРАЗДНИЧНЫЙ ЗАКАТ

Гладишь, матушка моя,
Ты сорочку, что из льна?
На самшите средь белья,
Вижу, не висит она.
Очи дланью прикрываешь...
Завтра будет – аль не знаешь?
Динь-дон-дан, динь-дон-дан.

Слышен говор белых сёл,
Песни в розовой дали;
Горы тёмные и дол
Внемлют празднику земли.
Ты же уши затыкаешь...
Завтра праздник – аль не знаешь?
Динь-дон-дан, динь-дон-дан.

Помню о минутах тех:
Вечер... церковь... Как давно!
Холоден ребёнок – снег,
Бел ребёнок – полотно.
Были колокола речи
(Не казалось, что далече?)
Динь-дон-дан, динь-дон-дан.

Как сейчас, был песни глас
В славу ангела. Гляди:
В небе ангелок сейчас.
Так хотела ты к груди
Всех прижать нас в колыбели...
Звоны колокола пели:
Динь-дон-дан, динь-дон-дан.

**Александр
ДИВЕЕВ**

ПАЛОМНИК

ЗИМНЕЕ УТРО

Солнечно ли, пасмурно иль вьюга –
Всё равно в семье заведено:
По утрам, похлопотав, супруга
Открывает в зимний мир окно.

На рябине ждут уже синицы.
Воробьи – на сушке бельевой.
Сытный корм зимой им только снится,
Впроголодь летают день-деньской.

И отлив становится кормушкой.
Отдыхает авитаминоз:
Семена подсолнечника, крошки,
Сало, рис, пшеница и овёс.

Не замедлит «скатерть-самобранка».
В дверь стучатся. За порогом, глядь,
Снегирихой юная цыганка
Просит тихо что-нибудь подать.

Хлеба, сала, денег – всё дал в меру.
Посулила отдых на Бали.
Я-то думал, что пенсионеру
Пенсию «в кормушке» принесли.

Воробьи вытягивают шейки,
Глядя с удивлением в окно.
Улетели. Я читаю «...Швейка»,
Только отчего-то не смешно...

-
- Александр Алексеевич Дивеев родился в 1951 году в деревне Ундольщино Кистендейского (ныне Ртищевского) района Саратовской области. Окончил Саратовский экономический институт. Публиковался в журналах «Волга–XXI век», «Природа и человек. XXI век» (Москва), «Странник» (Саранск), альманахах «Стрежень» (Тольятти), «Литературный Саратов», в коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Звезда Антарес», «Плещаница Души», «На кресте любви». Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2014». Живёт в г. Ртищево.

СЧАСТЬЕ СНЕЖНОЕ

Любовь пришла ко мне зимою серою –
Удобней так, наверное, судьбе.
Катал ногами шар земной усердно я,
Чтоб счастье снежное слепить себе.

Но миром был, как странник, очарован я,
И посох стал мне сказочным крылом,
Казалась сердцем белым мне черёмуха
Весною в палисаднике твоём.

Любил я Музу в скромном платье ситцевом –
Любимицу романтики, дорог.
И не был отчий край ещё столицею
Моих усталых и прогорклых строк...

Там изб теперь десятка три, не более,
А жителей... Вот это – да, вопрос:
Тётъ Надей – две, супруги Тоня с Колею,
Мальчиш-Плохиш и старенький завхоз.

Ответят ли раздумий ночи длинные,
Что даст мне Боже горше и больней,
Чем огородов залежи целинные,
А в избах дух не родичей – бомжей.

Горит полынь, блестит слезами-росами,
Как светом звёзд погасших, небосвод.
Родимый край... Без паруса, под грозами
Как утлый чёлн в небытие плывёт...

ЧЕРНОБЫЛЬНИК*

*Вот моя деревня;
Вот мой дом родной...*

Иван Суриков

...И на Марсе будут яблони цвести.

Е. Долматовский

Спит в степи забытая деревня.
Синь над ней мнут облаков стада.
Там в садах засохшие деревья,
И везде полынь да лебеда.

* Чернобыльник – полынь обыкновенная.

Заросли тропинки и дороги.
А среди померкших очагов
Бродит дух попенного налога
И его сородичей – пеньков.

Там теперь мой старый добрый садик
Не в цвету весною, а во мгле.
И на Марсе яблони посадят,
Но зачем их гробить на Земле?!

Остров нежилой средь моря пашен.
Не открытье ждёт его – покой.
И никто отсюда не помашет
Осенью журавушкам рукой.

Эти «перегибы-недогибы»
Затянули – не вздохнуть – ремень.
С головы гниёт, вестимо, рыба,
А держава – с бедных деревень.

Дом над прудом... Садик... Не забыл их.
Вновь добрался до родимых мест.
Тишина окрест и чернобыльник –
Мой Чернобыль, боль моя и крест.

КУЛЁМА

Фотографий на стенке немало:
Мать, отец, муж, невестка, сынок...
И все видели: снова упала,
О родимый споткнувшись порог.

Для неё не осталось опоры.
Всё зовут за собой облака.
Сердцем чувствует старая: скоро
Сын приедет за ней. А пока...

Не сидится без дела кулёме
(Так, себя упрекая, зовёт).
Посшибала* траву возле дома,
Дескать, тут ещё кто-то живёт.

Телефон... Сразу сбилось дыханье.
«Не дозвонишься? Как до Кремлю!
Как я тут? Да всё отдыхаю,
Телевизор смотрю да дремлю...»

* Посшибала – скосила кое-как.

Затуманилось сердце надеждой,
Что не скоро уедет, хоть впрок
Припасла чёрный узел с одеждой
И землицы родной узелок...

За чужие ль грехи или просто,
Что душою уж больно светла –
Бабка мимо родного погоста
На чужбину свой крест пронесла...

ГАРМОНЬ

Владимиру Аксёнову

Из дальних лет – привет от Шурки.
Ещё забыть ты не успел,
Как души рвал он всем на «Шуйке»,
Как ты плясал и как ты пел!

Как в час вечерний, спозаранку ль
Сходились, чарки пригубя.
И что там скромные гулянки!
Ведь свадьбы брали на себя!

Ты, я, гармонь – три друга вместе.
И что творилось в час такой!
Жених порой бросал невесту
И в омут пляски – за тобой.

Когда в букетах никли розы
И выпекались плясуны,
Пел «Тополя...» ты. Все берёзы
В них были после влюблены.

До снегириной рвали зорьки
Мы несозревшую росу.
И под романсы Ночки, Зорьки
Жевали сено на базу.

Когда гармонь к груди щемяще
Мехами старыми прильнёт –
В подойник памяти звенящей
Грусть каплей лишней упадёт.

ПАЛОМНИК

Ветром столетий минувших повеяло.
Ёкнуло сердце. Душой встрепенулся.
То ли я просто приехал в Дивеево,
То ли на родину предков вернулся?

Сколько дорог и тропинок мной пройдено!
Всё же привёл в край заветный Спаситель...
Здравствуй, Четвёртый Удел Богородицы, –
Дум моих светлых святая обитель!

Очарованьем величья неброского
Всей своей сущностью я наслаждался:
К раке с мощами святого Саровского
С благоговением я приложился.

Там, где ступала Царица Небесная –
Лица паломников светлы и кротки.
Тихо прошёл вдоль Канавки чудесной я,
Перебирая с молитвою чётки.

Храмы... Соборы... Наклонная звонница...
Сколько Небесного, дивного сколько!
Чудо закончилось. А за околицей
Старый автобус сломался надолго.

Кто-то шутил: «Собрались, видно, грешники».
Сникли улыбки. Уж стало смеркаться.
Мне же казалось: из времени прежнего
Кто-то со мной не хотел расставаться...

Село Дивеево, Свято-Троицкий
Серафимо-Дивеевский монастырь,
Нижегородская область

*Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет замечательного поэта –
Александра Алексеевича Дивеева
с наступающим юбилеем!*

**Виктор
САЗЫКИН**

МАСТЕР И УЧЕНИЦА

(Рассказ-притча)

Памяти Юрия Поликарповича КУЗНЕЦОВА

Кому красное словцо, кому присказка.

Однажды к знаменитому Мастеру, чьё имя было у всех на устах, пришла несказанной красоты девушка. Она долго и настойчиво добивалась этой встречи. Но привратники не пускали её – одни из ревности, другие из корысти, третьи, видя красоту девушки, домогались тайной любви. Однако напрасно. И вот наконец отступили.

«Что ты хочешь, душа моя?» – сказал Мастер ласково, но видом был строг и величествен, и она затрепетала. «Я хочу быть вашей ученицей», – ответила девушка робко. «Но что красавица даст мне взамен?» – спросил именитый Мастер с улыбкой. «Свою любовь, Учитель», – стыдливо прошептала она, опустив долу виноградины очей. И была столь хороша, что взволнованно поцеловал он её и ответил: «Я возьму тебя, ибо цена любви высока». В груди у него шевельнулось забытое чувство, как печальная роза, которая давным-давно не цвела, так что Мастер уже и не ждал, хотя втайне надеялся: время наступит. И вот наступило – пришла!

Колыхнулась завеса сердца.

Славной, славной она была ученицей, и любовь её текла как мёд! Но спустя время Мастер прогнал красавицу (о, не допытывайтесь, почему – так бывает, бывает), мрачно сказал ей, что любящих и славных учениц у него предостаточно. И, бедная, ушла, ослеплённая слезами. Он же скорбел, потому что полюбил её. Но знал: желание её неутолимо – вернётся.

Так и есть! Через год негромко постучалась она в его занемевшие двери. «Что вам надо, женщина?» – строго спросил её Мастер, при этом оглядел и нарочито усмехнулся, потому что девичья прелесть уже поблёкла на лице красавицы. Но взглядом своим он проник в её душу и нашёл её несравненной!.. «Я по-прежнему хочу учиться у вас», – ответила она и всё ещё несмело, но... требовательней посмотрела ему в глаза. «И что принесли вы на этот раз?» «Вот

дителя, – еле слышно вымолвила она, – плод моей... и вашей любви». И женщина распеленала свёрток, который прижимала к груди. Ребёнок был хил, но прозорливому взгляду не стоило труда определить, что, возможно, от него пойдут сильные и прекрасные потомки, да и чертами лица – плохо это, хорошо ли – он походил на Мастера. «Что ж, оставайтесь», – услышала она. И многому ещё непрестанно училась, проявляла удивительные способности, порой превосходя себя. Но нечаянно увлеклась посторонним... И возгордилась при этом.

И с позором Мастер отлучил её.

И мучились оба в разлуке.

О, конечно, конечно, она возвратилась и смиренно просила взять обратно: «Если не ученицей, мой господин, ибо не достойна, то хотя бы служанкой». «А что получу я за это?» – сказал он пренебрежительно, на самом деле в сердце скрывая золото чувств своих. «Родители оставили мне наследство, – ответила она тихо. – Я и сама трудилась не покладая рук. Всё, что есть у меня, приношу к вашим стопам, лишь позвольте быть рядом». И она служила потом преданно долгие годы. И он неявственно учил её тайнам наук и искусств. И счастливы были оба.

Но однажды он сделал вид, что очень недоволен ею – и выпроводил вон. Души в ней не стало, когда говорил: «Ни любви, ни детей, ни сокровищ твоих мне не надо!» Повернулся и ушёл. И она искала его и не находила; звала – и не отзывался он, хотя сердце его разрывалось от жалости и любви. О, не спрашивайте ничего – так было нужно! Потому что... и счастьем можно отравиться.

Но слышали, слышали мы: вернулась!

Гордая, спокойная и прекрасная, как никогда!

«Что вам надо, сударыня?» – суров, но учтив был вопрос.

Почтительно глядела она на Мастера и молчала.

«А что принесли вы теперь?!» – еле сдерживая радость, воскликнул он.

И, поклонившись, с любовью, смирением и достоинством она ответила: «Последнее, что есть у меня, учитель, – *судьбу*».

«Так войди же, желанная моя!»

И упала завеса. И возликовало сердце Мастера. И тотчас дух его, дивен и светел, тихо и ясно, словно рассвет в окно, вошёл в её душу – и осиялись оба невечерним светом. И с той поры – как небо и земля, как ночь и день – едины и неслиянны, уже не учитель и не ученица.

Истинно, истинно, думалось божественными глаголами: много нас – званых, да мало избранных. И стало так грустно!.. Но грусть была сладка и пахуча, как настой позабытых трав.

Раю мой светлый, рай мой прекрасный!..

*Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет нашего постоянного автора –
Виктора Алексеевича Сазыкина
с наступающим юбилеем!*

Николай
ПЕРЕЯСЛОВ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ФОНЕ XXI ВЕКА

ЖИВАЯ КРОВЬ ПОЭЗИИ

В настоящее время в русской литературе назрел открытый разговор о проблемах поэтического творчества, о том, соответствуют ли слагаемые нынешними стихотворцами строки уровню «поэзии третьего тысячелетия» или же нет, что подталкивает нас к спорам о вреде и пользе равнения на западную литературу и помогает поэтам понять, чего им, собственно, недостаёт для победоносного прорыва к читательским душам и возвращения поэзии утраченного ныне ею звания «властительницы дум». Поговорить здесь действительно есть о чём, тем паче что и ответы на многие актуальные для развития поэзии вопросы уже намечены и даже частично проговорены в стихах самими создателями поэзии. К примеру, в таких, как следующие строки нижегородского поэта Валерия Шамшурина: *«Без Бога и любви в России пусто. / Не славой, а позором будут дни, / что низвели высокое искусство / до буффонад и пакостной мазни...»*

Основной бедой российской поэзии XXI века (а может быть, и её виной – не случайно же Евтушенко утверждал когда-то, что *«поэт в России – больше, чем поэт»*) считаю

-
- Николай Владимирович Переяслов родился в 1954 году. Поэт, критик, прозаик, эссеист, переводчик стихов национальных и зарубежных поэтов. Член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов, Международной Ассоциации писателей и публицистов. Секретарь правления Союза писателей России. Автор более 30 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов с национальных языков, а также огромного количества публикаций в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Татарстана, Казахстана, Туркменистана, Армении, Грузии, Эстонии, Болгарии, Германии, США, Китая. Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и многих других.

её почти полную идеологическую выхолощенность, причём не какую-то там цензурную, что говорило бы о наличии у поэтов неких опасных для нынешнего режима крамольных мыслей, а, так сказать, доморощенную, свидетельствующую об отсутствии у большинства тех, кто занимается поэтическим творчеством, даже малейших признаков какой бы то ни было самостоятельной политической, философской, религиозной, мировоззренческой или хотя бы эстетической платформы. А ведь Лев Николаевич Толстой говорил, что **идеал – это путеводная звезда, ведущая за собой художника, а за ним – и адресата его творчества**, так за чем же идти сегодняшнему читателю, если наше современное искусство (включая и поэзию) напрочь лишено даже малейшего мерцания?..

К сожалению, всё это является прямым следствием того, что никакой всеобъемлющей общенациональной идеи нет сегодня и у самого нашего государства, о чём неоднократно говорил в своих последних интервью классик отечественной драматургии Виктор Розов. Такое положение не может не сказываться на состоянии художественного творчества во всех жанрах искусства, поскольку из-за отсутствия большой национальной идеи художникам просто нечего озвучивать и не с чем спорить. В годы советской власти, говорил в своём интервью Виктору Кожемяко Сергей Бондарчук, у государства **«была великая идея – преобразование общества на началах справедливости, и художники в неё поверили. Для них это стало сильнейшим творческим стимулом...»** А вот в идею капитализма, похоже, сегодня никто, кроме Виктора Ерофеева и ряда близких ему по духу авторов, не поверил, поэтому за последние полтора десятилетия не появилось ни одного любимшегося, как когда-то «Семнадцать мгновений весны», фильма, ни одного захватившего всю страну, как «Вечный зов» Иванова, романа и ни одной подхваченной всем народом, как «День Победы», песни. Даже мультиков типа «Ну, погоди!» или «Крокодила Гены» и то не появилось.

Таковы культурные реалии страны, не имеющей государственной идеологии. Не важно даже, какой – прогрессивной или реакционной. Важно, чтобы у страны была своя **собственная**, ясно осознаваемая всеми программа её бытия в истории – «американская мечта», «русская идея», «моральный кодекс строителя коммунизма» и тому подобные фишки. Тогда поэзия или совпадает с ней и воспекает её в одах и гимнах, или противоборствует ей и разражается обличениями и сатирой. **Государство же без общенациональной идеи – это фикция**, и поэты в нём задыхаются, точно рыбы во внезапно высохшем озере.

Самый невиданный в истории как нашей страны, так и всего человечества пример востребованности поэзии государством совпадает с периодом реализации в СССР самой грандиозной из всех когда-либо рождавшихся в мире идей – построения счастливого, равноправного общества, вся полнота власти в котором принадлежит народу. (Следует ведь признать, что поэзия – это многовековая привилегия элиты: Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Фет и подавляющее боль-

шинство других дореволюционных поэтов были отнюдь не крестьянами и не пролетариями и писали свои стихи по большей части для людей своего же круга. Кардинальный переворот произошёл после 1917 года, когда элитой был объявлен весь народ и поэзия стала достоянием многих миллионов – отсюда переполненные поклонниками поэтического слова «Лужники» и хронический дефицит художественной литературы в шестидесятые-семидесятые годы.)

Суперидея, положенная в основу создания Советского государства, была настолько нова и фантастична для XX века, что потребовала для своего внедрения в народные массы объявления всеобщей мобилизации всех мало-мальски пишущих и рифмующих граждан. Необходимость её озвучивания подтолкнула руководство страны к таким действиям, как партийный призыв трудящихся в литературу и создание опекаемого и поддерживаемого государством Союза писателей СССР.

А теперь дошло до того, что в одном из своих интервью драматург Виктор Розов даже сказал (см. в книге В. Кожемяко «Лица века» – М.: ИТРК, 2002): в России происходит не что иное, как *убийство русского духа*. А ведь *«Утратить дух»* – как сказала однажды известная российская актриса Татьяна Дороница, – *значит утратить силу*. И, пытаясь вышибить из нашей литературы остатки русского духа, Запад ослабляет нас не меньше, чем когда заставлял в первые послеперестроечные годы распиливать наши стратегические ракеты и атомные подводные лодки. Я как-то слышал от писателя Владимира Личутина такое выражение: *«Подпусти в свою землю инородника – и он рассыплет её»*. То же самое, на мой взгляд, можно сказать и в отношении нашего искусства, нашей литературы и поэзии: это ведь тоже *земля*, только – *духовная*, и подпусти в неё инородные тенденции – и они рассыплют её на ничего не значащие осколки «текстов», убив самобытное и целостное искусство.

Поэзия, не заключающая в себе мощи национального духа, слаба и беспомощна, а кому и чем может помочь в нашем мире *слабый*? Вот отечественный читатель и отвернулся от не помогающих ему стихов. Увы, мы живём во времена, которые можно без всякой натяжки назвать меркантильными, ибо всё в них теперь измеряется понятиями «полезно–не полезно», «выгодно–не выгодно». В этом свете почти никакого значения не имеет версификаторское трюкачество, которым балуются многие соблазнённые лёгким успехом либеральные поэты. Единственным оправданием кажущейся бессодержательности стихотворения может служить подлинная красота его формы, поскольку *красота – это способ проявления Бога в нашем мире*, и таким образом, как сказал однажды известный псковский критик Валентин Курбатов, даже не упоминающее имя Господа стихотворение может быть *глубоко православным*.

Но вообще, новизна поэтической формы – это не более чем миф, ибо вся та революция в области рифм, ритмов и метафор, которую нам преподносили в своём творчестве Пастернак, Маяковский, Кручёных, Вознесенский, Вегин, Соснора и иже с ними, давным-давно уже опробована поэтами предшествующих эпох, начиная от Симео-

на Полоцкого, писавшего столь любезные сердцу Андрея Андреевича стихи-видеомы, и до украинских поэтов-новаторов начала XX века, предсказавших весь наш последующий модернизм. Да в стихах у одного только Иннокентия Анненского была заложена вся парадигма дальнейших формальных поисков! Так что всё уже неоднократно было, и одной только формой сегодня никого не тронешь, хотя сами по себе поиски её обновления и могут носить достаточно интересный характер.

Если проанализировать стихи самых любимых народом авторов, то станет очевидно, что главное из того, что люди всегда искали в поэзии, это:

а) необычность стихотворной формы, оригинальность стиля, яркость образов;

б) новый взгляд на ставший уже давно нам привычным мир, способность открывать и удивлять, необычность авторского взгляда на вещи;

в) созвучность содержания стихов мыслям читающего, близость мировоззрений читателя и автора;

г) узнаваемость воссоздаваемой поэтом реальности, боль за её несовершенство;

д) музыкальность и магия поэтической гармонии;

е) подсказки путей выхода из сложных душевных состояний, нравственная, духовная и эмоциональная подпитка;

ё) эхо Господних заповедей, напоминающее читателям о Боге и Его любви к человеку.

Зная всё это и зная сегодняшнюю поэзию, нельзя не задать самому себе один стучащийся в сознание вопрос: если всё это до сих пор имеется в стихах наших современных поэтов, то почему же тогда произошло столь заметное охлаждение к поэзии русских читателей? В чём всё-таки проявляется не замеченное нами изменение качества поэзии?

Ответ на это напрашивается сам собою: **другим** стало качество не столько поэзии, сколько самого народа. А народом на текущий момент востребована от поэзии, главным образом, не столько её ДУХОВНАЯ сила, сколько ПРАКТИЧЕСКАЯ польза, способная оказать хотя бы какую-то сиюминутную выгоду людям в быту, а именно – тосты, «поздравлялки», рекламные куплеты, тексты для эстрадных хитов и мюзиклов, и так далее.

Перед сегодняшней поэзией наступившего XXI века, на мой взгляд, открываются два основных пути, способных возратить нынешнему обществу её былую востребованность. Первый из них – это встать на путь обслуживания потребностей нового, всё отчетливее перерождающегося в полуамериканца-полуевропейца жителя России, предложив ему себя в качестве дополнения к необходимому набору товаров и услуг и войдя в его жизнь рекламными слоганами, политическими куплетами, юмористическими хохмами, праздничными поздравлениями и другими произведениями исключительно бытового назначения. Ну, а второй путь означает взять на себя роль народного духовника и водителя, вернуть нации потерянную идею и попытаться

ся помочь читателю поднять лицо от корыта с похлёбкой и вспомнить о Небе над головой.

Первый путь сулит его апологетам некие прижизненные дивиденды и даёт поэзии возможность остаться в повседневном обращении народа, став чем-то вроде разменной монеты в области культуры. Второй – обещает длительные гонения и испытания, которые, возможно, приведут нас к концу XXI века к духовному расцвету страны и торжеству поэтического слова.

В КОМПАНИИ С ИВАНОМ-ДУРАКОМ

О пророческих мотивах сказки В.М. Шукшина «До третьих петухов»

1

Если отбросить всякую идеологическую предвзятость и трезво посмотреть на искусство советской эпохи, то, думаю, нельзя не увидеть, что главной чертой, характеризовавшей собой метод социалистического реализма, была ответственность практически всякого художника (писателя, музыканта, живописца и т. п.) перед обществом. Воспевал ли он социалистические свершения в нашей стране или смотрел на историю СССР под критическим углом зрения, писал о труде, любви и подвигах или о тюрьме, пьянстве и преступлениях – он был равно ответственен за то, чтобы его произведения давали людям силу жить и преодолевать все выпадающие им по судьбе катастрофы, поднимали их над пороками и заблуждениями, подталкивали к творческому преобразению реальности, не давали погаснуть тлеющему в их сердцах огоньку надежды на светлое будущее.

Главная дифференциация, которая произошла на рубеже пятидесятых-шестидесятых годов и расколола русскую литературу (главным образом, прозу) на два принципиально отличимых лагеря, носила не столько политический, как многие думают, сколько, как мне кажется, мировоззренческий, этико-философский характер и разделила писателей не на «верноподданных режиму» и «диссидентов», а на представителей городской прозы и деревенщиков. При этом городская проза как бы приватизировала для себя такую составляющую литературы, как *ИДЕЯ*, из-за чего основным её признаком сделалась интеллектуальность, а деревенская – приняла на себя ответственность за *ДУШУ*, вследствие чего её главным показателем стала совесть.

Но приоритет идеи перед чувствами, холодно-рационалистическое преобразование жизни, опирающееся только на логические построения ума да на аналитические выкладки специалистов, – это особенности, присущие, прежде всего, западной цивилизации, а потому в городской прозе шестидесятых-семидесятых и, особенно, восьмидесятых-девяностых годов начали всё различимее и шире проступать

признаки ориентации на европейские и американские образцы литературы, лишаящие произведения апологетов этого направления подлинно русской глубины и самобытности. А вот душа с её болями, тревогами и метаниями, сложные взаимоотношения человека с судьбой, родной землёй и Богом – эти категории остались в ведении писателей-деревенщиков, спасающих менталитет народа от размывания чуждыми веяниями.

Народ – категория архаичная, несущая в себе культурный код многих предшествующих столетий, а то и тысячелетий. Писать для народа, с оглядкой на его суд, ощущая на себе его всепонимающий, насмешливо-ироничный и одновременно ждуще-доверчивый взгляд, невероятно тяжело и ответственно – всё равно как красоваться произнесением вычурных словес перед своими горбатящимися в поле родителями. Гораздо легче бросаться витиеватыми строчками, вскочив на перевёрнутую бочку где-нибудь в городской пивной. Чувствуя нутром, что народ не обманешь никакими «метаметафорами», ибо он смотрит в самую глубь вещей и явлений и оценивает слова в соответствии с наставлением апостола: *«От слов твоих оправдаешься, и от слов осудишься»* (Матф. 12:37), деревня и – соответственно – деревенская проза всегда пребывали у лидеров «идейной» литературы на положении нелюбимых падчериц. Её не любил основоположник соцреализма Горький. Не любил трибун революции Маяковский. Её терпеть не могут сегодняшние демократические писатели, поскольку она говорит о проблемах и нуждах народа, о его понимании того, как должны развиваться жизнь в стране и мировая история, а у них от одного только воспоминания об этом народе начинает портиться аппетит. Собственно, именно с уничижительного (если не сказать – презрительного) отношения современной литературы к самому заурядному персонажу, символизирующему собой низовые слои народа, и началось крушение Советского государства и его великой культуры. Произошло почти немыслимое в истории мировых культур явление: одна из лучших национальных литератур планеты демонстративно застыдилась своего собственного народа и, отвернувшись от него, показала тем самым, что ей «запало» общаться с мужиком в лаптях и армяке и что её больше привлекают разбитные журналисты и симпатичные авантюристы, молодые банкиры в смокингах и нагловатые ковбои в джинсах, а то и просто персонажи с отклонениями в психике и сексуальной ориентации. По их-то образу и подобию она и начала формировать себе новых литературных героев, а посредством их влияния на читательские массы – и новый народ. И первым эту зарождавшуюся губительную тенденцию разглядел и описал в своей замечательной сказке «До третьих петухов» Василий Макарович Шукшин.

2

Действие шукшинской истории начинается на полках одной из российских библиотек, сразу же настраивая читателя на литературоцентричный характер произведения, что и подтверждается всем

дальнейшим ходом разворачивающегося сказочного сюжета. Обитающим здесь персонажам отечественной классики, символизирующим собой русскую литературу и «прогрессивную» мысль, стало вдруг неприятно находиться в компании с Иваном-дураком, во все времена олицетворявшим собой образ русского народа, и они затеяли по этому поводу шумные дебаты, решая, как им дальше поступить в отношении ставшего вызывающим у них раздражение соседа.

«— В темне, в темне! — покрикивал некто канцелярского облика, лысый. — Продолжим. Кто ещё хочет сказать об Иване-дураке? <...> Сегодня мы должны принять решение. Кто?»

— Позвольте? — это спрашивала Бедная Лиза.

— Давай, Лиза, — сказал лысый. <...>

— Мне стыдно, — горячо продолжала Бедная Лиза, — что Иван-дурак находится вместе с нами. Сколько можно? До каких пор он будет позорить наши ряды?»

— Выгнать! — крикнули с места.

— Тихо! — строго сказал лысый конторский. — Что ты предлагаешь, Лиза?»

— Пускай достанет справку, что он умный, — сказала Лиза.

— Правильно!

— Пускай достанет! Или пускай убирается!..

<...>

— Мне тоже неловко рядом с дураком сидеть (это уж Обломов добавил). От него портянками пахнет...»

За Ивана-дурака заступаются только былинный Илья Муромец да казацкий атаман, то есть персонажи, вышедшие непосредственно из русского фольклора, сотворённые духовной энергией самого народа и максимально ему близкие, тогда как все прочие герои (Акакий Акакиевич, Ленский, Онегин, Обломов) без всякой зависимости от того, «положительные» они или «отрицательные», воротят от Ивана нос и требуют, чтобы он отправлялся к Мудрецу за справкой. И если, мол, он к третьим петухам не принесёт от него справку, подтверждающую, что он умный, то пускай тогда убирается от них на все четыре стороны, хоть и в букинистический магазин.

«— О-о, не крутенько ли? — усомнился кто-то.

— Не крутенько, — тоже жёстко сказал конторский. — Нисколько. Только так. Иван...»

— Аиньки! — откликнулся Иван. И встал.

— Иди.

Иван посмотрел на Илью.

— Иди, Ванька, — тихо сказал Илья. — Ничего не сделаешь. Надо идти. Вишь, какие они все... учёные...»

И, подчиняясь воле большинства, Иван отправляется за справкой.

Что же это за справка такая, ради которой он вынужден проститься со своей родной полкой в библиотеке и пуститься на ночь глядя в полное душевных испытаний, мучений и опасностей путешествие? На мой взгляд, эта мифическая бумажка, одно только наличие которой у Ивана уже как бы само собой способно ликвидиро-

вать не только присущую ему, так сказать, по определению глупость, но даже и поставленный ему в вину портяночный запах, символизирует собой не что иное, как приобщение к так называемым «общечеловеческим ценностям», о которых нам неустанно талдычат в течение последних полутора десятилетий все демократические средства массовой информации.

И вот он достиг кабинета Мудреца, который, фактически идя вслед за совершающимися помимо всякой его воли событиями, делает вид, что он «держит на контроле» каждое из мировых явлений. Иван вместе с Мудрецом попадает в самую что ни на есть святая святых этих счастливицков-умников. И что же он там видит?..

«Несмеяна тихо зверела от скуки. Сперва она лежала просто так... Лежала, лежала и взвыла.

– Повешусь! – заявила она.

Были тут ещё какие-то молодые люди, парни и девушки. Им тоже было скучно. Лежали в купальных костюмах под кварцевыми лампами – загорали. И всем было страшно скучно.

– Повешу-усь! – закричала Несмеяна. – Не могу больше!..»

Мудрец просит Ивана развеять изнывающую от вызванной бездуховным существованием тоски молодёжь, рассчитывая таким образом добиться благосклонности скучающей целыми днями Несмеяны. Иван пробует расшевелить поражённое душевной пустотой и апатией сборище с помощью традиционной народной культуры, однако ни ухарские частушки, ни весёлый перепляс на умирающую от скуки публику не действуют. *«Не прохонже»*, – как говорит Мудрец.

И тогда Иван пользуется их же оружием.

«Ответь мне, почему у тебя одно лишнее ребро?» – просто так, «от балды», спрашивает он Мудреца, и, заинтригованная таким патологическим нюансом, молодёжь лезет потрогать это не существующее на деле лишнее ребро руками; физиологический рефлекс старичка повергает окружающих буквально в неостановимую истерию хохота. Потому что физиология – это ведь и есть одна из самых главных «общечеловеческих ценностей», утверждаемых западной и всеми ориентированными на неё литературами.

...Ну а Иван тем временем «нашёл брюки старика, порывлся в кармане... И нашёл. Печать. И взял её.

– Вы пока тут занимайтесь, – сказал он, – а мне пора отправляться.

– Зачем же ты всю-то... печать-то? – жалко спросил Мудрец. – Давай, я тебе справку выдам.

– Я сам теперь буду выдавать справки. Всем подряд. – Иван пошёл к двери. – Прощайте...»

Такова сюжетная основа сказки, в которой нам открывается пророческое предвидение Шукшиным реализовавшейся уже в наши дни культурной катастрофы, выразившейся в кардинальной перемене

этических знаков «+» на «-» и понятий «добро» на «зло». Самое яркое её изображение дано в том эпизоде, когда ходивший за справкой Иван возвращается из своего странствия в библиотеку и подходит к захваченному чертями монастырю. *«На воротах стоял теперь чёрт-стражник. Монахи же облепили забор и смотрели, что делается в монастыре. И там-то как раз шёл развесёлый бесовский ход: черти шли процессией и пели с приплясом. И песня их далеко разносилась вокруг.*

Ивану стало жалко монахов. Но когда он подошёл ближе, он увидел: монахи стоят и подёргивают плечами в такт чёртовой музыки. И ногами тихонько пристукивают. Только несколько, в основном пожилые, сидели в горестных позах на земле и покачивали головами... Но вот диковина: хоть и грустно они покачивали, а всё же – в такт. Да и сам Иван постоял маленько и не заметил, как стал тоже подёргиваться и притопывать ногой, словно зуд его охватил...»

Как это ни печально, но набросанная несколькими штрихами картина до боли напоминает мне сегодняшнее состояние российского общества. Изгнанные американцами из космоса, из Мирового океана, с мировой политической арены и мировых рынков, мы палимся, словно загнипнотизированные, в экраны своих телевизоров, не замечая, как подёргиваемся и притопываем в такт чужой музыке, чужой философии, чужой психологии. «Ты в порядке?» – задаём мы нелепый вопрос упавшему на скользкой дороге товарищу. Хотя «непорядок» заключается уже в самом этом вопросе.

Но нарисованная далее Шукшиным картина ещё точнее описывает нашу сегодняшнюю действительность:

«Тут вышел из ворот монастыря изящный чёрт и обратился ко всем.

– Мужички, – сказал он, – есть халтура! Кто хочет заработать?

– Ну? А чего такое? – зашевелились монахи. – Чего надо-то?

– У вас там портреты висят... в несколько рядов...

– Иконы.

– А?

– Святые наши, какие портреты...

– Их надо переписать: они устарели.

Монахи опешили.

– И кого же заместо их писать? – тихо спросил самый старый монах.

– Нас.

Теперь уже все смолкли. И долго молчали.

– Гром небесный! – сказал старик монах. – Вот она, кара-то...»

В одном из своих «мгновений» Юрий Бондарев писал: *«Стыд – это угрызение душевного покоя и равновесия, которые являются свойствами красоты... Иногда я чувствую: что-то утрачено во мне, потеряло прежнюю остроту, интерес к жизни, к окружающему миру, в течение последних лет ставшему печальным, серым,*

лживым, жестоким, и меня не удивляет изуродованно-ироническое восприятие иными людьми истинных чудес: гениальных книг, величия живописи, колдовства закатного неба, шума первого майского дождя, шелеста осенних листьев, падающего снега...»

После перечитывания сказки Шукшина я бы сказал, что подмеченные Юрием Васильевичем метаморфозы объясняются очень просто. Всё дело в том, что наш сегодняшний мир, словно изображённый Шукшиным монастырь, захватили бесы, которые и тиражируют теперь повсюду свои собственные каноны красоты. На ТВ. На эстраде. В кино. В литературе. В жизни... «До третьих петухов» – это не просто сказка, в которой угадываются какие-то отдельные параллели с культурными реалиями наших дней, это удивительно точный символ того, во что превратились русская литература и культура сегодня: это захваченный чертями монастырь, в котором они переписывают иконы, заменяя лики святых праведников своими богомерзкими рожами.

4

Современная российская литература и в особенности её либеральное, откровенно прозападническое и коммерчески ориентированное крыло – это практически стопроцентно воплотившаяся в реальности метафора о захваченном чертями монастыре, только развёрнутая в масштабе всей страны и во много раз более печальная, чем картинка в сказке Василия Макаровича. Неслучайно ведь, размышляя над тем, что произошло с русской культурой за последние полтора десятилетия и, в частности, над тем, как смена нравственно-этических критериев повлияла на качество нашего сегодняшнего искусства, Виктор Сергеевич Розов во взятом у него газетой «Московская среда» (№ 31 за 20–26 августа 2003 года) по случаю его 90-летия интервью отмечал следующее: *«После революции как высыпало: Маяковский, Есенин, Цветаева... Несть числа талантам! А после нынешней контрреволюции я всё ждал: вот свободу дали, и все, кто стоял под гнётом того времени, себя проявят. Ни фиги! Одна только пискотня – всё плохо, плохо... Так ты сделай хорошо. Не могут. Хотя страна всё та же, люди вроде тоже... Но стоило измениться ориентиру ценностей – и всё пропало. И мы можем сколько угодно рассуждать, почему так мало интересных авторов, но всё сводится к одному: БЕЗ ИДЕАЛОВ НИЧЕГО ХОРОШЕГО СДЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНО. Идеалы – это духовность. Великие произведения культуры появляются, когда происходит игра человеческого духа. А не когда играют только на деньги, как это делают сейчас во всех сферах нашей жизни...»*

Если признать, что подобное «творчество» может НА РАВНЫХ стоять в одном ряду с такими стихами, как «Я вас любил», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Я убит подо Ржевом», «Ферапонтово» и аналогичными примерами высокой поэзии, то придётся смириться и с тем, что звания настоящей литературы заслуживают также и живописующие поедание героями дерьма романы Владими-

ра Сорокина, и пустышечные развлекательные детективчики Дарьи Донцовой, и «стебающиеся» над русским языком стишеньята Дмитрия Пригова, и притворяющиеся русской историей мертворождённые сочинения Бориса Акунина, и даже переполненные откровенно порнографическими сценками, матерщиной и описанием наркотических состояний опусы Баяна Ширянова. Секс, кровь, ложь и психически ненормальные герои стали для нашей сегодняшней литературы почти такими же обязательными признаками, как фраза «Ты в порядке?» для западного кино. Самое печальное во всём этом, что произведения как отмеченных нами выше, так и целого множества других похожих на них полным отсутствием стыда и какой бы то ни было нравственности сочинителей свободно находят сегодня своего довольно широкого читателя, показывая этим самым, что народ наш и поныне, словно откликающийся на лстивые зазывания усатой дочки Бабы Яги Иван-дурак, бездумно позволяет завлечь себя всякими пошлыми соблазнами, почти уже не видя разницы между настоящими святыми иконами и переписанными «за место их» бесовскими харями.

Придёт ли откуда-нибудь помощь?

Уходящего в своё странствие за справкой Ивана обещал оберегать на расстоянии Илья Муромец.

« – Иван, – заговорил Илья, – иди смело – я буду про тебя думать. Где тебя пристигнет беда... где тебя задумают погубить, я крикну: «Ванька, смотри!»

– Как узнаешь, шо его пристихла беда? – спросил казак.

– Я узнаю. Сердцем учую. А ты мой голос услышишь...»

В роли такого чуткого сердцем Ильи сегодня выступает другая часть современной русской литературы, представленная произведениями Владимира Крупина, Валентина Распутина, Олега Шестинского, Михаила Алексева, Василия Белова, Виктора Лихоносова, Семёна Шуртакова, Виктора Николаева, Ивана Никульшина и других православно мыслящих писателей. Именно эта литература взяла на себя труд и ответственность думать о народе, окликая его и предупреждая о том, где его может пристигнуть беда и где его задумал кто-нибудь погубить.

5

Главными качествами русской классической литературы всегда были её совесть и преемственность традиций. Творчество В. М. Шукшина как ничем другим характеризуется именно совестью, ранимостью и болью за других людей. Его чисто бытовой, казалось бы, рассказ «Обида» невозможно читать, не ощущая, как сердце содрогается от вонзающихся в него иголок. Поразительно, что мы не заметили в себе тех метастаз душевного очерствения и тех признаков уподобления нас самих попирающему святыни бесовскому сборищу, о каких он предупреждал нас в этом рассказе. «Ты в порядке?..» Да ничего подобного! Ни в каком я не в порядке, пока в мире есть место для такой боли!

Да, совершая своё вынужденное хождение «за три горя», Иван впадает по пути в разного рода соблазны, выказывая наличие целого сонма пороков, однако при этом он не лишён и главного для христианина качества – способности к осознанию тяжести совершённых им грехов и искреннему раскаянию в содеянном. И душа Ивана страдает. И оттого, что ему пришлось унижаться перед Змеем Горынычем, потешая его пением и плясками, и оттого, что ему пришлось пойти на сделку с чертями, помогая им овладеть православным монастырём, и оттого, что он не устоял перед приглашающей его к блуду дочкой Бабы Яги, что для него чуть было не завершилось трагедией. Хождение Ивана к Мудрецу за справкой – это не что иное, как метафорическое изображение сегодняшнего «врастания России в западную цивилизацию».

Настоящая русская литература всегда обладала определённой долей предвидения будущего, предупреждая читателей о поджидающих их впереди испытаниях и катастрофах. Обладала таким качеством и проза Василия Макаровича Шукшина, провидчески извещавшего нас о губительности отдаления литературы от духа своего народа и её преклонения перед западными «мудрецами». Ну, а то, что мы не смогли своевременно разглядеть в его сказке приближавшейся к нам уже почти вплотную реальности – это уже вина не его, а наша.

Нина
ШАТАЛИНА

Люди и инструменты

М. Берколайко. Инструменты: Роман. —
М.: Изд-во «Время», 2016. — 288 с.

Вышел четвёртый роман Марка Берколайко. Как и прежние свои романы («Гомер», «Партия» и «Фарватер»), автор новое своё произведение назвал одним словом — «Инструменты».

Новое произведение — новые люди и новые формы.

А начинается всё необычно: в повествование буквально врываются монологи и диалоги музыкальных инструментов. И первой начинает скрипка. Создателем её был легендарный мастер Якоб Штайнер из тирольского городка Абзам, на гербе которого изображён инструмент его работы. Скрипка своим «волшебным звучанием» сопровождает читателя по тернистым тропам романа, а в финале с её голосом сливается пение двух губных гармошек-близняшек — и под «буханье» большого барабана, похожее «на стук поверившего в себя сердца», звучит мелодия гениального «Романса» Георгия Свиридова.

В общем, у Марка Берколайко все инструменты — живые, все — полноправные персонажи. А почему бы и нет? Оживлял же в игре Иисус стайки голубей, вылепленных из глины Им и его маленькими сверстниками!

И невольно задумываешься над тем, какой же огромный духовный потенциал заложен был в Акте Творения, если возможно одухотворить предмет из вроде бы «неживой материи»...

Автор поочерёдно выводит «на сцену» героев романа и их инструменты, образы которых в конечном итоге сливаются в единое целое, подобно тому, как это произошло в фильме «Репетиция оркестра» гениального Федерико Феллини.

Язык произведения богатый и отточенный; этот язык и разносторонние познания автора позволяют музыку слышать, а состояние души героев романа чувствовать. Молниеносная, со «скоростью кинокамеры», **переключаемость** повествования

не только во времени, но и в пространстве позволяет читателю видеть пейзажи, людей, автомобили — и скромные грузовички, и роскошные белые «Линкольны», и поезда, и эшелоны... Недаром замечательный режиссёр-мультипликатор и сценарист Гарри Бардин отмечал умелый «кинематографический» монтаж текста в романах Марка Берколайко.

Особую значимость на фоне огромных пространств России приобретает железнодорожная станция Понурино, на которой Судьба сводит героев столь необычных, ярких и сложных, что невольно хочется спросить: «А есть ли сейчас такие в столицах наших?»

Первая часть романа — «Скрипка». Дивная скрипка, предпочитающая называть себя виолой. «Незаконнорождённая» скрипка, поскольку Якоб Штайнер клеймо своё — из-за погрешности звучания, слышной только ему самому и Господу — даровать ей отказался, и это вполне шекспировское проклятие рождения сделало Судьбу инструмента трагической и прекрасной.

А боготворимый ею Исполнитель, Валерий Никитич Перминов, отставной майор КГБ, о своей огромной музыкальной одарённости долгое время и не подозревал. Семья его родителей сложилась сразу — с одного взгляда, брошенного цыганкой на сталинского стипендиата историко-филологического факультета университета, идущего из учебного корпуса в общежитие. И какая-то волна внутренней независимости и неземной силы цыганки, пусть и занимающей в повествовании совсем немного места, расплывается по всему произведению, невидимым присутствием питая, освещая всё вокруг. Предвидение, пророчество...

И вот предсказанная ею совсем другая жизнь её сына началась неожиданно... Для меня этим новым в жизни Пер-

минова-младшего было даже не появление рыжеволосой крохи, копии его матери, цыганки Ружи, а «шум движения, вовлекшего в себя и Никитича, и поезд, и страну – и «вне него голос»: *«И будет всё – как будто бы под небом и не было меня»...* Что это? Откуда?» И пророчица Марина Цветаева, будто ждавшая своего часа в романе, строкой теперь уже из песни, исполненной трогательным голосом проводницы купейного вагона, вводит офицера КГБ в его новое существование.

«Какое же я имею право, – думал Никитич, – рассчитывать на какую-то вторую жизнь, если первую провожу в организации, с особым сладострастием уничтожавшей именно гениев?»

Для меня необыкновенно интересно было развитие образа Перминова ещё и тем, что герой – мой ровесник, и я могла как свидетель наблюдать и сравнивать свои впечатления от моих «двух жизней» с предвостановленными «двумя жизнями» страны, погружаясь в роман и забывая порой, что это книга, а не «полёты наяву».

Во второй части романа («Губные гармошки-близняшки») в послевоенном Понурино навсегда соединяются: короткий разговор, мелодия шубертовской «Баркаролы», быстрое соприкосновение губ – пленный немец и русская девочка. И тут же они были разлучены. И остались от этой встречи губная гармошка Катарина – на руках у рыжего, обросшего колючей щетиной Юргена, и «сестричек» её, губная гармошка Клара – у Вари, девочки с «самыми ясными глазами в мире».

И начинаются бесконечные диалоги-споры двух «сестричек», Катарины и Клары, названных так «безвестным умельцем из геттингенского филиала знаменитой фабрики *Hohner*», поставивших целью своей жизни уберечь Юргена и Варю – своих талантливых исполнителей – от примирения с участью. И подталкивать их на поиски Судьбы.

Жизнь разлучила Юргена и Варю на шесть десятков лет.

Какие только испытания не уготовил автор ясноглазой! А вновь поднимала её музыка: услышанная от Юргена при первой встрече и потом разученная «Баркарола» Франца Шуберта, самостоятельно подобранный «Романс» Свиридова из фильма «Метель». Поднимала, да ещё и в совместное с Юргеном пространство возносила – высоко в небо, где никто и никогда не может помешать их свободному общению.

Жизнь Вари я бы обозначила картиной Николая Рериха «Ждущая»: на берегу озера на фоне дальних гор сидит девушка, и художнику удалось передать то ли

долгое её ожидание, то ли устремление к своей Судьбе. «...быстрое прикосновение «фрицевых» губ зародили когда-то ощущение, будто ждать придётся долго» – с этого момента я бы и определила начало «второй жизни» героини... У Судьбы есть и такие отрезки времени, когда приходится ждать. И попробуй пойми: то ли это ожидание – несчастливая твоя участь, то ли – счастливая Судьба...

Мне кажется, автор склоняется ко второму...

А вот в Юргене Марк Берколайко воплотил свою любовь к математике. Не могу сказать, что я чего-то не поняла в его рассуждениях о науке наук, но читателям придётся напрячься, как бывало когда-то на экзамене. Таковы уж энергетически могущественные сферы математики, что, и читая о них в литературной обработке, без формул, необходима какая-то подготовка. Но художественно всё оформлено безукоризненно, а масштабность мышления писателя, доктора физико-математических наук профессора Марка Зиновьевича Берколайко впечатляет.

Важный и замечательно раскрытый автором тезис – это покаянные слова великого математика Давида Гильберта, сказанные им любимому ученику: *«Я, по идиотской своей самонадеянности, создал свою Судьбу, решил создать тебе – твою... Но ещё не поздно, Юрген, – иди, ищи... делай что-то, здесь – бесполезное и безрассудное, но Там – зачем-то нужное...»*

С этих слов учителя начинается и у Юргена «вторая жизнь». Новые дороги Юргена и Вари ещё раз пересекутся на том же квадратном метре станции Понурино, что и 60 лет назад. Описание их встречи читаешь со слезами на глазах... Но как просветляют и очищают эти слёзы!

Марк Берколайко выписывает наш жестокий мир по-мужски твёрдо, сильно, напоминая, что всё плохое – рядом с хорошим, и, чтобы выжить, выстоять, надо быть выносливым, уметь противостоять мерзости, а если понадобится, то и физически её уничтожать.

Третья часть романа называется «Большой барабан», а главным её героем является, помимо самого громоздкого инструмента (по-итальянски именуемого *tamburo grande*), Константин Андреевич Барабанщиков, бывший военпред, воевавший в Афгане и потерявший там ногу, – друг Перминова-младшего на протяжении четырёх десятилетий.

Барабан, как и скрипка с губными гармошками, живой, весьма рассудительный, трогательный, несмотря на своё мощное громахющее «бух-х! бух-х!»

Константин в декабре 1996 года покупает этот инструмент, даже и не подозревая, что на нём когда-то играл его дед, но использует в целях, далёких от музыки, а именно: в качестве «уловителя Страхов» на биржах США. Сам grande описывает это так: «*И я настраивался на волны Страха, излучаемого десятками тысяч трейдеров, инвестиционных компаний, пенсионных фондов и банков, улавливал момент, когда обычный скулёж: «God save our rockets!»¹ начинал переходить на вопль: «God save our souls!»² — и тогда внутри меня будто бы возникал гул грядущего землетрясения, разлома коры, слома эпох...*»

Вот когда Константин произносил: «Атакуем!»

Игры, на которых Константин за семнадцать лет заработал четыреста пятьдесят миллионов USD, описаны так, что, читая, испытываешь бешеный азарт — видимо, и такие биржевые инструменты нужны человечеству для стремления к равновесию.

У российского читателя невольно возникает вопрос: «А куда же Костик определил эти деньги?»

Костя у Берколайко — человек далеко не безупречный. Но умный, начитанный, чуткий, а главное — не жадный. И деньги были распределены им умно и благородно, и я радовалась вместе с теми, кого Костя не забыл вознаградить за мужество и терпение. Радовалась за науку, потому что большая часть из валютного подарка бывшего военпреда пошла на серьёзный научный проект, в котором будет работать новое поколение — сын Перминова-младшего. «Вторая жизнь» Костика началась поздно, когда он понял, «что Судьба не бросила его на прежней дороге, а перенесла на другую, ещё боле труд-

ную, а потому тем более ему предназначена».

И ещё одну очень важную, а пожалуй, что и самую важную фразу романа вложил в уста Костика автор: «*Любовь — не от мира сего, любовь не пугается странности своей, потому что странность её — и есть она сама... Всё действительно просто: да, любовь не от мира сего, но спасает в мире сем*».

Писатель показывает все слои населения — от простых людей до генералов. И особенно было приятно прочесть, пусть и в небольшом сюжете, рассказ о первой в мире женщине-ректоре, в войну возглавлявшей Саратовский госуниверситет, легенде библиотечного дела России, красавице Вере Александровне Артисевич...

Удивительно много ярких судеб в совсем небольшом по количеству страниц тексте — а это и есть необходимое свойство хорошего романа. Очень хорошего романа.

«...Так вот и случилось, что ранним майским утром 2014 года на железнодорожной станции Понурино навсегда соединились те, кому это было назначено, и разлучились те, кому это было суждено; что под звуки барабана, похожие на стук поверившего в себя сердца, великая виолина закричала, стараясь в этом крике сравняться с трубой, а голоса губных гармошек-близняшек наконец-то слились воедино.

И тогда — так уж случилось на станции Понурино — прорвавшаяся сквозь всесветную метель дивная свиридовская мелодия стала живой и всеильной.

Как бывает живой и всеильной рука Судьбы, протянутая к нам, её инструментам».

¹ Боже, спаси наши карманы!

² Боже, спаси наши души!

Галина
МУРЕНИНА

«...МОЛОДОЙ И ОЧЕНЬ ТАЛАНТЛИВЫЙ ПИСАТЕЛЬ»

В богатейшей литературной истории Саратовского края почётное место занимает имя и творчество русского писателя Михаила Алексеевича Воронова (1840–1873 гг.), ученика, друга, соратника Н. Г. Чернышевского. Родился М. А. Воронов в Ялте, но всё своё детство, юность провёл в Саратове. Сюда их многочисленная семья переехала в 1843 году по одной жизненно важной причине: Саратовский край считался в ту пору самым «дешёвым и хлебным местом». Первым наставником мальчика был отец. Человек суровый, крутой, прошедший тридцатилетнюю школу царской службы, он нередко прибегал к вразумлению детей крайними мерами. Не лучше дело обстояло и в гимназии. По воспоминаниям М. А. Воронова, многие учителя были убеждены, что лучшее средство воздействия на питомцев – принуждение и розги.

В 1851 году в Саратовскую гимназию пришёл Н. Г. Чернышевский, тогда ещё никому не известный выпускник Санкт-Петербургского университета. Новый учитель словесности сразу же завоевал симпатии воспитанников. Между учителем и гимназистами установились отношения полного доверия. Знакомство, а впоследствии и дружба с Чернышевским благотворно скажутся на идейно-художественном развитии юноши.

В 1856 году М. А. Воронов окончил гимназию и поступил в Казанский университет. Проучившись около года, он перешёл на юридический факультет Московского университета. Из-за материальных затруднений был вынужден его оставить. В 1858 году приехал в Петербург. Новая встреча с Чернышевским, с другими земляками-саратовцами. А. Н. Пыпин свидетельствовал: *«Кружок молодых людей, без сомнения, и основал большую популярность Чернышевского у молодёжи, которая с великим интере-*

сом перечитывала его статьи». Михаил и его брат Иван посещали кружок. В письмах к родным и друзьям Н. Г. Чернышевский тепло отзывался о братьях. «Оба эти Вороновы очень хорошие и умные люди», – говорится в его письме от 14 апреля 1859 года. Михаила он называл своим «старинным приятелем».

Николай Гаврилович поддерживал Михаила Алексеевича не только морально, но и материально. Вот одно из убедительных свидетельств – письмо Чернышевского к И. А. Панаеву от 31 декабря 1860 года: «Милостивейший Государь Ипполит Александрович, сделайте одолжение, выдайте М. А. Воронову сорок р. в мой счёт; я просил бы Вас ежемесячно выдавать ему такую же пенсию, в уплату за его прежние работы со мною, – разумеется, также на мой счёт записывая и будущие выдачи. С истинным уважением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою. Н. Чернышевский».

Видимо, глубокое взаимное уважение, доверие, идейная близость способствовали тому, что М. А. Воронов в 1858 году стал личным секретарём Н. Г. Чернышевского. Исследователи жизни и деятельности Чернышевского и Воронова с полным основанием отмечают, что выполнение Михаилом Алексеевичем секретарских обязанностей, запись под диктовку самого Николая Гавриловича, его статей не были чисто механической работой. Это была своеобразная школа осмысления демократических идей. Это была та же учёба, как и раньше в гимназии, но только на совершенно ином интеллектуальном уровне. М. А. Вороновым были написаны под диктовку целиком или частично многие важные работы Чернышевского. Среди них: «Труден ли выкуп земли?», «Франция при Людовике-Наполеоне», «Вредная добродетель», «Экономическая деятельность и законодательство», «Упрёк и оправдание», «Леность грубого простонародья», ряд статей «Политика» (1859–1860), «Очерки из политической экономии (по Миллю)» и другие.

В 1861–1862 гг., когда за Чернышевским был установлен усиленный надзор полиции, по агентурным донесениям, Николай Гаврилович «велел допускать к нему ежедневно не всех, а принимать во всякое время только самых близких ему людей, в том числе М. А. Воронова». После ареста Чернышевского для М. А. Воронова последовали тяжёлые годы скитальческой жизни.

М. А. Воронов выступил в печати в 1861 году. Он опубликовал в журнале братьев Достоевских «Время» повесть «Моё детство», затем повесть «Моя юность». Позднее он объединил их в одно произведение – «Детство и юность». Это одно из лучших сочинений писателя. Для нас, саратовцев, эти автобиографические повести имеют непреходящую ценность, ибо в них содержатся исключительной теплоты воспоминания о Н. Г. Чернышевском. В повести «Моё детство» он писал о своём учителе: «Это была свежая, молодая натура, полная сил и энергии, человек, обладавший огромными специальными и энциклопедическими познаниями, что и заставило его довольно скоро выбрать более широкую арену для своей деятельности». М. А. Воронов характеризует Н. Г. Чернышевского как человека, как учителя, мыслителя: «Чернышевский был истинным свето-

чем, память о котором не изгладится у всех знавших его по педагогическим и литературным трудам и у всех тех, кто был счастлив знать его лично». О педагогическом таланте своего учителя он говорил особенно восторженно: *«Этот педагог был первую восходящую звездою в сумерках, царивших в педагогическом персонале Саратовской гимназии»*. Любопытны тонкие наблюдения Михаила Алексеевича над чисто человеческими свойствами натуры Чернышевского. Он был человеком *«кротким и высшей степени деликатным»*.

Автобиографические повести М. А. Воронова интересны и тем, что дают широкое представление о быте, нравах, культуре Саратова. Вот городской театр середины прошлого века: *«небольшой, грязный зал»*, освещённый *«десятью или двенадцатью масляными лампами»*; вместо занавеса – *«кусоч дырявой, некогда раскрашенной холстины»*; репертуар – душераздирающие драмы попеременно с водевилями. А вот гимназия, которая отличается необыкновенной ветхостью и грязным наружным видом. Тут и другие *«достопримечательности»* города. Невежество, предрассудки процветают среди обывателей. Они верят в оборотня, в пророка, *«доказывавшего, что на Петров день город провалится сквозь землю»*. *«О газетах и так называемой политике никто не смел и подумать»* и т. д.

Большое внимание в творчестве М. А. Воронова уделено проблемам воспитания. Он резко осуждает применение розг в школах крепостнической России, отстаивает принципы гуманного обращения и широкого образования молодёжи. Он настойчиво популяризирует и развивает педагогические идеи Н. Г. Чернышевского.

Наряду с таким писателем, как А. И. Левитов, М. А. Воронов явился одним из первых, кто обратил свой взор на новую тему в русской литературе – тему «дна». Внимание к ней, видимо, поддерживалось и обстоятельствами личной жизни писателя. На тему «дна» он пишет ряд рассказов. Вместе с рассказами А. И. Левитова они составили сборник *«Московские норы и трущобы»* (1866 год). А. М. Горький назвал эту книгу *«славной»*. По его мнению, её авторам *«были чужды сентиментальность и слащавость народопоклонников»*. В рассказах *«Сквозь огонь, воду и медные трубы»*, *«Тяжёлые годы»*, *«Живые игрушки»*, *«Москва литературная»* писатель показывал, что нищета и вековое рабство калечат людей, толкают их на «дно» жизни. Рассказы, включённые в сборник *«Московские норы и трущобы»* – это своеобразные репортажи с места повседневных драматических происшествий. Его писательский принцип – правда без прикрас о жизни всех бесприютных, горемычных, бедствующих, обездоленных, опустившихся на дно жизни, о всех (по выражению самого М. А. Воронова) *«поскрёбках человечества»*. Одна из характерных особенностей произведений писателя – их публицистичность, выступающая в органическом единстве с высокой художественностью.

В 1865 году М. А. Воронов переезжает из Москвы в Петербург и становится сотрудником сатирического журнала *«Будильник»*. Социальный состав действующих лиц в его произведениях в этот период значительно расширяется. Так, в цикле рассказов *«Калейдоскоп»* перед читателем мелькают новые фигуры – подмастерья,

ремесленники, крестьяне, рабочие и другие. Наиболее удачными рассказами этого цикла признаются «Деревенская почта» и «Пламенная любовь». Многогранной была и публицистическая деятельность М. А. Воронова. Он не раз включался в острые журнальные баталии по различным жизненным проблемам. Сотрудничество в «Будильнике» продолжалось пять лет. В 1870 году он уходит из редакции и уезжает снова в Москву, теперь уже навсегда.

Повести и рассказы М. А. Воронова самобытны не только по содержанию. Они самобытны по своему литературно-языковому оформлению, по своим художественным достоинствам. Написанное им читается легко, свободно. Слог яркий, рельефный, лаконичный, с острой приправой элементов юмора, иронии, сатиры. Конечно, было бы ошибочно давать лишь восторженные оценки творчеству очень и очень молодого писателя. Специалисты правы, когда отмечают, что отдельные рассказы, очерки не свободны от некоторой описательности, натуралистичности. В целом всё его творчество общественно значимо, отвечает высоким художественным критериям. Если мысленно обозреть всю жизнь писателя, то, видимо, можно будет сказать, что в высшей степени важными для него были годы, проведённые в ближайшем общении с Н. Г. Чернышевским. Это общение определило становление его как писателя-демократа. Возможно, что именно благодаря этому общению мы обязаны тем, что современные поколения имеют возможность читать воспоминания о Н. Г. Чернышевском, опубликованные в журнале «Время» в 1861 году.

М. А. Воронов умер на тридцать четвёртом году, в лучшую пору жизни. В связи с его кончиной в 24-м номере «Русских ведомостей» за 1873 год был напечатан некролог, в котором есть следующие слова искреннего сочувствия:

«19 января 1873 года умер в Москве после кратковременной болезни молодой и очень талантливый писатель-беллетрист Михаил Алексеевич Воронов. Скитальческая жизнь, которую довелось вести покойному почти в продолжение пятнадцати лет, роковым образом преследовала его вплоть до гроба...»

Короткой была жизнь М. А. Воронова, непродолжительной была и его литературная деятельность. Талант его, однако, был столь значителен, что всё созданное писателем выдержало проверку временем. Его произведения издавались в дореволюционное и советское время. Наиболее полным явился сборник «М. А. Воронов. Повести и рассказы», выпущенный в свет издательством «Художественная литература» в 1961 году. К сожалению, это издание стало библиографической редкостью. Тираж его был небольшим (25000 экз.). В научной библиотеке Саратовского университета имеется два экземпляра, в областной научной библиотеке – один, в фондах музея Н. Г. Чернышевского – один экземпляр.

Таким образом, своим самоотверженным, подвижническим трудом М. А. Воронов вписал достойную страницу в сокровищницу отечественной духовной культуры.

**Натэлла
ЛЕВИЦКА**

Окончание.
Начало в №№ 3–4, 5–6 2016

ЛИЧНОСТИ И ЛИЧИНКИ

ГЛАВА XX

РОЗЫ, СЛЁЗЫ, ШОКОЛАД

(хронологически не привязано)

А что мы, собственно, делим? Не суйся с советами, КАК жить – и не получишь ответные советы, как не жить.

Мы и поступили-то в один сезон, а я её не замечала. Есть люди вне твоей избирательности – и не надо!

...Пока наконец действительно не порекомендовали обратиться на неё внимание.

– Зачем?

За этим непрезентабельным фасадом, неброской внешностью, оказывается, скрываются чуть ли не копи Соломоновы...

– ?!

– Да-да, не удивляйтесь. Она так закомплексованна. Но начитанна. Вы могли бы сойтись.

...Ну, раз акция во спасение, раз так, в сущности, я – пожалуйста, я обращаю...

Честно пытаюсь увидеть копи. Но пока, кроме дурацкой, куполообразной шапчонки (колпак) и этих платьев дикого цвета... то дико фиолетового, то дико зеленящего, которые и без того темнят лицо, – ну, хоть убейте!

Почти по Станиславскому: не вижу!

Хотя в любой проигрышности можно найти выигрышности. Ищу. Они есть: шикарные жгуче-чёрные волосы по первой категории и тонкая лодыжка. С этим уже можно работать... Если переодеть... (Как мастер по костюмам, часто смотрю на людей, кучно стоящих на остановке, и мысленно меняю части их одежды: так, эту блузку к этим брючкам, эту юбку к этому шарфику... Профессиональное – ничего не попишешь...)

Вижу из окна троллейбуса, как она идёт на работу строевым шагом – ать-два, ать-два, с офицерской отмашкой! Сразу можно предположить военных родителей. Оказывается, так оно и есть! Для себя характеризую: добросовестный службист сталинской закалки. Маленький солдатик... Обгоняющий попутный транспорт.

– Зачем ты носишь эти цвета, ведь они тебя уродуют. – Художественный вкус возроптал первым. – Да надень розовое, красное, белое! Куда при смуглой коже и чёрных волосах – эти чернила?!

– Ношу то, что продаётся в магазине, – возражает Копь.

– Но это тебе не идёт!

– А если в магазинах нет ничего? Голой ходить, что ли?

– Да уж лучше голой.

Не сразу, однако, но покупает. Надевает! Хорошеет...

Кто-то ёрничает над её скованностью.

– Да откуда вы знаете?! Она так хорошо танцует! – парирую я.

– Она?! Танцует?! Марши?!

– Не марши – твист. Сама видела...

Но всё наше взаимодействие состоит из тычков и затрецин. Как в физическом, так и в образном смысле. У неё тяжёлая рука и немеряно злости. Она презирает во мне литератора. Художника. Милягу. Безкомплексность (как ей кажется). Авантюриста. Романтика. Личность на подъёме. Лёгкость на подъём. Высказывания. Чёрный юмор. Отпор вышестоящей фамильярности. В общем – всё. И пытается закомплексовать обратно. Колкими и ехидными замечаниями (т. е. пытается загнать меня туда, откуда я насилу выползла: в 25-летней давности комплексы).

Прихожу раньше и печатаю на подведомственной ей машинке. Ехидничает:

– Где ты слова такие берёшь? Такого слова – нет!

– Есть.

Она роет Даля – нет, роет Ожегова – нет! Уже торжествующие нотки – роет ещё что-то – нет, роет четвёртый словарь – и разочарованно находит: «окаём».

Она – филолог. Её – задевает:

– Где только откопала?

Затем встречает другое какое-либо слово – и история повторяется бесконечное количество раз. Злится страшно.

Сплошное кровопролитие. Ну, просто две маленькие действующие армии.

У меня нет словарей... Просто знаю.

По прежним жизням.

Напроситься на печатную машинку – стоит моральных усилий. Поелику надо пройти своеобразный тест-драйв на униженное упрашивание... Порою уговоры не стоят объёма работы... Но – напрашиваюсь... А куда деваться?..

– У меня бумага – казённая!

– Я привезу свою...

Недолго думая:

– И лента – тоже казённая.

– Я приеду со своей...

– Мне во второй половине дня машинка самой нужна!

– Я приеду в первой...

И вот. Встаю ни свет – и пилю через полгорода... Приезжаю, выкладываю бумагу под её цепким взглядом и новую, невскрытую коробочку с лентой...

Косится на импортную ленту:

– Я не буду перезаряжать из-за тебя машинку! Это долго (сказать попросту, что ещё не умеет – язык не поворачивается).

– ?!

– Ладно... – Не видя выхода, милостиво соглашается: – Печатай уж...

Расчехляет.

Усаживаюсь... И тут – выход найден!

– А КОПИРКА?! – Торжество справедливости. – А где кофирка?

Я взираю на её пачку кофирки, прикидывая, стоит ли и дальше унижаться из-за двух листков... Молча сворачиваю рукописи, собираю стопку бумаги. Ленту... Она с наслаждением наблюдает...

Я складываю всё в пакет – и встаю на выход...

И – у самой двери – по-киношному:

– Ла-адно уж. Печатай... – снисходит она.

Но я не возвращаюсь – не в моих правилах, да и лимит исчерпан. Всему есть свой предел...

– Ты куда?! Печатай! – вдогон восклицает печатных дел хозяин.

Ведь, пока я буду печатать, можно ещё глумиться и глумиться, а так – вроде бы... действие не завершено.

Но – я уже ушла...

И пилю через полгорода к себе... в единственный-то выходной...

Мои рассказы ей не нравятся, может и не читать – всё равно плохие... Единственно, находит одно четверостишие: «И носится безумная лапша из края в край кастрюли роковой. И пена... пена, пена! Боже мой!» – и, тыча пальчиком, мол, о тебе, о лапше безумной, написано (а я знаю, что обо мне – сама писала), победоносно заявляет:

– Единственно хорошее место, и то не твоё!

– Моё. К твоему глубочайшему... – отвечаю.

И улыбка сходит с её лица:

– Не может быть!

– Ан может.

Больше не злорадствует. Просто – впредь не даёт набирать тексты.

И агрегат стоит зачехлённый. Ибо пока она не научилась им пользоваться.

Вдруг застаёт за чтением книг, которых, по редчайшему недоразумению, сама не читала. Хмурится:

– Надо же, эрудицией блещешь?!

У неё дома – изжёванный, продранный плакат «Моонзунд».

– А что такой жамканный?

– Ночью под проливным дождём со стены снимала.

– А не проще было б пойти и попросить?

– Не дали б.

– Странно. Мне – дают.

Сразу столблю два кинотеатра, и в одном точно перепадает роскошный плакат с Джулианом Сендзом. Новенький. Нигде не висевший.

– Дуракам везёт... – замечает она с горьким сожалением.

Но – не представляю себе себя ночью, в ливень – и я скоблю ЗАБОР КОГТЯМИ...

Экстрим...

Они сошлись, блин, как лёд и пламень. Как конь и трепетная лань...

В области кинематографа она эрудит ещё тот. Упёртая. Это хорошо. С одной стороны. Плохо – другое: скаредна в отдаче информации. Если вдруг встречаю новое слово – не стыжусь об этом спросить. И как же она торжествует, а после – ИЗ ВЕЛИКОГО ЧУВСТВА ОДОЛЖЕНИЯ – просветит, как филолог филолога...

Ее бесит моё: «булоШная», «подсвеШник»... А мне нравится ТАК произносить. И всё-то её задирает. Отчего-то...

Выражение её глаз – собачье, жалковатое. Когда речь зашла, что и волосы, и лодыжку можно обыграть и выгодно подать – она звереет:

– Я никому ничего не собираюсь подавать!

– А как же семья?

– Если б я хотела! Но я не хочу. Мне одной хорошо.

– А для кого ты живёшь?

– Для родителей.

– А потом?

И что-то там про стакан воды... Чем убиваться, глядя на её одиночество, им гораздо приятнее было «нянькать» внуков. Её брат также не стал продолжать род – просто взял женщину с ребёнком. И она... Мно-ого думают о родителях...

– У тебя же всё есть: и квартира, и родители, и базис. Всё есть для ребёнка.

Детьми она брезгует. В её жилище – казарменное положение: ни пылинки, ни соринки. Плац – палас. Для маршей. И представить, что кто-то ворвётся, будет всё швырять, галдеть, бардачить, трогать ручонками ЕЁ плакаты с мэнами... сорить на ковёр и отнимать ЕЁ личное время... – выше её сил.

Она напоминает героиню из «Одинокой женщины...»: человек ещё не вошёл – не вышел, а она уже со шваброй – затирает следы его присутствия в своём жилище и жизни...

Позже подумалось: их ветвь запрограммирована на прекращение рода. Вырождалась, вырождались всё в более мелкие экземпляры – и выродились.

...О вырождении. Помешана на Делоне. А мне вечно-кисло-постно-равнодушная мина ничем таким не кажется.

– Он – идеал мужской красоты!

– У него же опущенный разрез глаз, вырожденческий.

– На свой разрез посмотри! Такой же!

О чём и речь. Люблю, когда собственные мысли подтверждаются кем-то из великих и уважаемых. Калягин как-то сказал: «Увидел ретроспективу делоновских фильмов и сильно в нём разочаровался как в актёре».

Просто, на мой вкус, слащавая эмблемка, лейбл французского кинопроката. Не больше. Вот Депардьё – да! Силища.

Но... он ей внешностью не вышел.

Ритуальная, раз в месяц, ночёвка у неё: прописка в одном районе, жизнь – в другом, поганый угол – в третьем, приходится рваться...

Смотримся по утрам в зеркало – две одинаково опухшие рожи. Вспоминается набоковское: «Утро не шло к ней...»

И – ритуальная, неизменная, ни с чем не сравнимая яичница с колбасой на завтрак.

Жах сковородку с плиты об стол – и, как пограничник, сосредоточенно режет, ровно посередине, прорезая всё, что встречается: картофелину, колбасину, скрупулёзно пилит затупленным ножиком, не уступит ни влево, ни вправо. Так трогательно... Никакой нейтральной полосы.

(Далее – тотальная мультипликация. Вдоль линии разреза (условной линии противника) тут же выстраивались пограничные полосатые столбы и пограничники с собаками. По пристрелянным точкам били миномёты. Шаг влево-вправо – расстрел на месте. Ни пяди врагу.)

Её бесит: я ломаю хлеб (из булоШной), а не кусаю, от этого крошки, убила б на месте!

– Надо крошить над своей тарелкой! Аристократка хренова!

А едим – из сковороды... И каждый раз отламываю кусочки. И каждый раз – крошки... И каждый кусочек, каждая крошка – повод для вооружённого конфликта.

Наблюдая за нами, Босс как-то заметила:

– Не пойму никак: странные у вас какие-то отношения...

– Да я и сама не пойму. Настолько странные.

Мне с высот житейского опыта, большего, чем у неё, все выходки кажутся такими наивно-детскими – на половину из них не реагирую.

Но для неё поучать – дело принципа, дело всей жизни – она же старше на ЦЕЛЫХ два года!

В самом начале знакомства был случай: после спектакля вышли ночью, меня – уже явно консьержка не впустит. А Дарвинистка – ярая противница такси: нежелание входить в долю, а на халяву – неудобняк.

– А поехали ко мне?

Поехали. Только не к ней конкретно – далеко, а к родителям – ближе.

Мучительно долго ждём транспорта (у неё газовый баллончик – не страшно), мучительно долго едем. Мучительно долго идём в гору. После двенадцати часов службы – это предел... И вдруг, когда почти дотаскиваемся, она тихо, но как-то ПО-ДОБРОМУ начинает смеяться:

– Представляешь, а лифт-то уже отключили, наверно... А может, успеем...

– А этаж какой?

– Последний.

Хорошо. Наддали. Надежда не умирала. Жмём кнопку – ан нет. Пошли наверх...

...В какой-то момент остаётся два пролёта, останавливаюсь, молча отдаю ей сумочку, молча начинаю расстёгивать пуговицы, молча снимаю плащ... Она проявляет беспокойство:

– Ты чего?

– Ничего, – говорю, – сейчас постелю и лягу. А ты водички попить вынеси, пожалуйста.

Ею овладевает паника. Она всерьёз полагает, что я улягусь на лестничной клетке, бегаёт вокруг и, суетясь, отговаривает.

– И не проси! – слишком серьёзно продолжаю прикидывать, где лучше стелить, может, здесь, возле батареи..

– Ну, пожалуйста, ну идём, ещё чуть-чуть осталось!

– ...А утром разбуди пораньше, чтоб соседи не застукали. Да, и подушку захвати!

И вдруг до неё доходит. Она резко замолкает, перестаёт метаться, и глаза – полны укоризны.

Впрочем, она ещё долго панически реагировала на шутки, пока не привыкла к серьёзному выражению моей морды.

Октябрь однажды выдался немисливо тёплым... Конец месяца, а никто не носит верхней одежды. Жакет, лёгкий шарфик...

Заходим в шикарное кафе. Массивная мебель, бордовая обивка. На гнущем дубовом стуле спит сиамская, с бежевой маской, кошка. Сажусь на её стул – киса позволяет, потеснившись. Накрываю краем жакета. Приятное, живое тепло, тихонько мурлычет.

Сидим долго, слишком уютная атмосфера, приглушённый свет... лёгкая музыка...

К киноманше присоединяется давняя знакомая. Пируем дальше... Какие-то фразы в юмористической форме повергают службистку в трепет. Очень болезненно реагирует, опасаясь провокации.

Мы – всё лето в отпуске без содержания, до открытия сезона...
Между нами заходит разговор и об этом.

– ...А дома в холодильнике – одна капуста... – делает вывод маленький солдатик.

– Вот так по кафешкам и столуемся... – без паузы, без выражения продолжаю я серьёзно. – Кто где подаст...

Знакомая делает круглые глаза – и не знает, как отреагировать.

– Это она шутит так... эксцентрично! – спешит успокоить службистка и смотрит на меня колючим взглядом.

Начинаем собираться, поднимаюсь – кошка растягивается на всё сиденье. И... моя спутница обнаруживает сямку. Шок:

– А ГДЕ КОШКА БЫЛА ВСЁ ЭТО ВРЕМЯ?

– Я НА НЕЙ СИДЕЛА.

О комплексах (праздник, который всегда со мной).

Кроме улыбки, шоколадных глаз «с мокрым блеском», «осиной» талии и попки «сердечком» – у меня ничего нет. О последнем узнаю случайно.

Из девичества: идём к знакомой пить домашнее крыжовенное вино. Дом с чудовищными лифтами – никогда не захожу в них – решётчатыми, двухстворчатыми, лязгающими и громыхающими – фильм ужасов, а не лифт.

Ночь. Поднимаемся по крутым ступеням: я – впереди, она – позади. И внезапно она замечает:

– Ты задаёшь итальянский ритм. И, знаешь, у тебя попка сердечком. Такие мужчинам очень нравятся.

Пока я не знала, ЧТО им нравится. Но спустя время идём со службисткой в «ГРАНД-МИШЕЛЬ» смотреть «кино не для всех». Кинозалик на 4-м этаже.

Я – впереди, она – сзади, и пилит, пилит за всё, за всю свою неудавшуюся жизнь разом...

Дошла до юбки-брюк:

– Безобразие, всё в обтяжку, могла бы и посвободнее сшить!..

А я – сверху:

– Ну и что? Зато у меня попка – «сердечком». Такие мужчинам нравятся...

И тут на лестнице обгоняет актёр театра, Понтий Пилат, здесь дублирующий фильмы. Обернулся, весело так осмотрел нас, смеясь, – и лучики вокруг глаз, и скрылся в зале.

Она – свёкольного цвета, злая, как сто чертей, сопит и молчит, кипит внутри.

С тех пор, сталкиваясь со мной, он улыбается.

А вот она... уже и боялась шпынять меня в общественных местах.

...Хотя нет, был ещё момент – в трамвае. Зудит и зудит, отчитывает и отчитывает, привлекая внимание общественности. К нам начинают прислушиваться, присматриваться, оборачиваются. Оно мне надо? Наконец достала. Поднимаю на неё глаза и по-детски, звонким голосом, альтом говорю на весь салон:

– Мам! Дай конфетку!

Подавилась. Секундный испуг, отпрыгивает от меня – и к противоположному окну – и до конца пути ни гу-гу...

Никогда не говорю: «не умею». Говорю: «не пробовала». Пробую – и с первого раза получается так, как надо: слоёное тесто, заточка ножей, фотография, сборка телефонной розетки – да всё...

Подруга ломает ключ в замке. Мы вынимаем замок, разбираем до последнего диска, устраняем поломку, собираем и ставим на место. На всё – полтора часа. Функционирует!

Для справки: мужчина устанавливал замок полтора года...

Вхожу к знакомой, только что купившей квартиру:

– А диван лучше передвинуть, а туда кресла поставить.

– Да! – фыркает. – Я полгода планировала, КАК расставить, на бумажках раскладывала – а она с ходу!

Но с первыми заморозками в одиночку передвигает в соответствии с моим планом, ибо спать на сквозняке, между балконной и входной дверями, невыносимо.

Здесь работает профессиональное: конструктор, знающий, откуда и куда пойдёт линия, модельер – как это будет выглядеть. И такое узкоспециальное понятие: «художественное пятно». Что конкретно станет «пятном», а что его будет окружать, дополнять или же понесёт смысловую нагрузку.

...Уж и не знаю, кто из нас двоих был художественным пятном в столь немыслимом союзе!

Наконец Дарвинистка посещает медвежий угол, сплошь увешанный «пятнами». Ничего, кроме пятен. Мои первые пробы маслом. Внимательно оглядывает. И раздельно, сквозь зубы произносит:

– Я. Рада. Твоим. Успехам. В живописи.

А на лице – гробовое выражение. И тон ледяной.

Но не леденящий.

О Валеджо говорит – кич. Даже эротические вещи осмеивает. (Как порно с Наполеоном – так пожалте!)

– Да ты посмотри, какие женщины!

– Женщины как женщины.

– А какая одухотворённость в лице!

– Одухотворённостью и не пахнет! Лицо женщины, получающей наслаждение. И только.

– Так ощущать наслаждение могут только одухотворённые люди.

– Да прям!

...Хотя, сдаётся, сама тайком от всех любит. И высказалась бы откровеннее, если бы у меня было ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ мнение...

Маленький, наглухо застёгнутый солдатик...

Праздники с распитием отмечаем в её кабинетике, где замок и не застукают.

Чай же пьём попеременно то там, то сям – то у неё, то у меня.

Звоню:

– Спускайся, у меня шоколад.

Далее: с 1/24 шоколадки или с одной конфеткой может выпить и чашку, и другую. Откусывает малюсенькими крошками, манерничает.

И не оттого, что не любит сладкое. Любит. А с тем лишь, чтоб, глядя, как я оборачиваю фольгой полплитки и откусываю, нравочуть:

– Кто же ТАК ЖРЁТ? Вкус шоколада смакуют во рту, а не в желудке!

А вот так – один ВОЗМОЖНЫЙ эпизод из жизни смаковать до старости – лучше?

Премьера.

Волнующее событие. Для всех. Каждый готовится по-своему.

Есть категория людей, которые ходят исключительно на премьеры. Пусть раз в год. Но только на премьеру. Рядовые спектакли для них не существуют. Эти либо прибегают перед звонком – и диву даются: билетов уже нет. Или прибегают задолго до того, как те напечатаны – и опять удивляются, что ещё нет.

У этих записываю фамилии и прошу зайти хотя бы недели за две «до».

Но – нет, до последней секунды не знаешь, придут ли. А уже отчиталась и вложила за них кровные... Лёгкое мандражэ: заказчиков не один... И не два. И даже не десять...

Один такой забегает в день премьеры, ещё рано утром, в детский утренник:

– Ну как? Получилось?

– Получилось... Фамилия?

Говорит. Получает. Доволен. И я довольна: и помочь смогла, и одним «всяком» меньше.

И вдруг – барским жестом:

– Сдачи не надо!

Грубо так мордой в чаевые... Улыбка меркнет: неприятно и обидно.

– Как же вам... не ай-я-яй... – Выбрасываю за пределы и задраиваю люк.

Уходит слегка обескураженный.

Между утренниками, через час – торопливая дробь по стеклу. Отгибаю шторку. Опять он. Я качаю головой и морщусь: нет, мол, дружок, хватило! Опять тарабанит, настойчивее.

Отодвигаю забрало – и МОРЕ МОКРЫХ, В РОСИНКАХ, РОЗ шлёпается на стол. Только что срезанные, и так много! От них брызги, моментально отсыревают все бумажки на столе.

Восхищённо перевожу взгляд с них – на него. Выпрямляет плечи, распушает павлиний хвост, гордо удаляется.

Звоню моей «извергине»:

– Банка есть?

– Есть.

– А с водой?

– И с водой.

– Срочно иди сюда, я не могу отойти.

Является. И ошалевает. Весь стол завален... Шла с тирадой заготовленной, а здесь – во-на!.. Грустнеет.

– Бери половину.

– Да нет уж! – молниеносно на дыбы. – Не мне подарено, не мною взято!

...Они стоят умопомрачительно долго...

Премьеры для меня – смесь ощущений...

Смотрю все репетиции – и увлекаюсь количеством шикарных находок в процессе. Каждый день – каскад искромётный.

Рассказываешь знакомым на кухне...

А сидишь на премьере – куда что делось: ничего из понравившегося нет. Костное основание. Ни куска живого мяса – всё содрано!

С годами, дабы не огорчаться по-крупному, перестаю смотреть репетиции... ЕСЛИ НЕ ЗНАТЬ О НАХОДКАХ, НЕ ОЩУЩАЮТСЯ ПОТЕРИ.

О ПОРЧЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА

«Загипнотизированный» как-то задумчиво улыбнулся и изрёк доверительно:

– Наш маэстро как Врубель: вовремя не может остановиться. Напишет шедевр, захочет сделать ещё чуть-чуть лучше – и всё испортит.

Завязываю розовый бант из шарфа (в мультфильме «Фильм, фильм, фильм» – девочка такая...) Киваю – и видно только покачивание банта.

Заходит весь в образе и костюме Людовик XIV – столбенеет. При виде такого банта. Выходит из роли и образа:

– Забыл, зачем шёл... Ах, да. Контрамарку, пожалуйста...

То же и с директором – джентльменом в клетчатых штанцах. Торкнулся – дать последние инструкции, глянул, обомлел и, не произнеся ни слова, – на выход. После припомнил изначальную цель визита, вернулся и молвит:

– Да, так я вот с чем...

Обеспокоенный зритель, волнуясь:

– Девочка, а взрослые скоро подойдут?

Говорят, со сцены в зрительном зале маячил исключительно этот чудовищный, огромный розовый бантище...

За бант «извергиня» тоже ввалила...

Бытовое общение:

- Мои стихи назвали декадентскими.
- Тебе грубо польстили, – отвечает «деревянный солдатик».

Если у меня заводится кот, у неё, соответственно, собачонка.

Она с головой уходит в любовь – любить собачонку ездит раз в неделю к родителям... И все-то разговоры – о ней. Как похоже!

Подруга говорит:

– Ты раньше всё о театре, о театре. Теперь – всё о коте, всё о коте...

Пёсик прихворнул. Выписали справку, где значится: «б/п».

- Беспартийная, что ли? – ёрничаю я.
- Беспородная, – отвечает собаковладелец.

Пёсик слопал на Новый год апельсины. Радости-то, радости!

В общем, полная труба...

О любви к ближнему своему.

Я тоже фанатею: кот. Сатрап, бисексуал, алкоголик, токсикоман, экстремал. За ним буквально приходится в огонь и в воду: взламывать чужие гаражи в том числе, дабы вызволить невесть каким образом там оказавшегося сорванца... Любить такого сложно, но можно. Почти по-цветаевски: левый глаз у него зелёный, правый – голубой.

Еженощно – распевка, в три пополуночи – полдник. Если не встаю кормить (случается такое) – запрыгивает, наступает лапкой на горло, где ярёмная ямка, и давит, пока глаза не вылезут: «Проснулась, милая? Что, не спится?»

Догадалась – повесила на длинном шёлковом шнуре (с «Мастера...») бронзовый валдайский колокольчик (с «Чайки»).

И – что же! Ровно в три часа ночи он бьёт по нему лапой. До тех пор, пока не накромят. Звонит, будто горничной!

В конце концов срываю звонок и прячу.

Панически боится мышей. Два раза встретил – нервный срыв. Ревнив до безумия – всех метит, кто зайдёт. Но – и моё первое «чудовище» ревниво не меньше:

- Ты кота любишь больше меня!
- Да, больше. Я его ДОЛЬШЕ ЗНАЮ.

Ишь ты, уличил...

Итак, идёт к развязке дело!

В один прекрасный момент разбиваю чашку. Не столь её, сколь её новой начальницы. Чашку старую, но горячо любимую и дорогую сердцу...

Хотя... НЕ ТОТ ЭТО ЧЕЛОВЕК, чтоб приволочь на работу горячо любимое и самое дорогое, вот что! Из тех случайно, неизвестно зачем залетевших на сезон, от силы – пару, и всегда что-то продаёт и пытается толкнуть. В том числе – мне или через меня.

Заходит первый раз – разведка, приносит солнечные очки – зимой. И так ЛЕГКО, МЕЖДУ ПРОЧИМ, НЕВЗНАЧАЙ будто бы:

– Вот, предложи КОМУ-НИБУДЬ...

Милочка, не ты первая, не ты последняя! Таких, как правило, не интересуется лицо театра и как бы он выглядел, если зрителю начнут предлагать: очки (чтобы лучше видеть – в смысле, замысел творца...), видеокассеты, трусы и галстуки. И потом, в нагрузку к билету, что ли?

А я такая простая и глуповатая. Чтоб вот таким тоном...

– Кому? – уточняю.

– Ну-у, – удивляется от неожиданности, – я-а не знаю, там...

Своим знакомым.

– А знаешь, предложи сама.

– Кому?! – ещё большее изумление.

– Своим.

– Как это – я и буду продавать? – выходит из себя моментально.

– А что такое? – делаю наивные глазки.

– Ну-у, я-а... не СЕКРЕТУЛЬКА какая-нибудь! – бесится.

Намёк понят.

Следующий эпизод.

Заходит к службистке, а я уже там.

О ещё большем, случайном начальнике:

– Представляешь, а он отвечает: «Это не в моей иерархии»! – смеётся истошно. – Даже не знает, какая разница между иерархией и епархией!

Службистка смущается моим присутствием, но тоже посмеивается. ЗА КОМПАНИЮ.

А мне не смешно. Он может и не знать, потому как спортсмен.

По этим моментам и сюжетам и складывается образ.

– Ба! – удивляется моим рассказам та самая подруга, с кем моционили по парку. – Неужели и она – там?! Вместе учились... Врушка ещё та! С ней разговаривать надо просто: милочка, сбавь-ка тон! Однажды всем растрезвонила, будто папу переводят главным режиссёром в Ленинград! А сами уехали в Мухосранск – очередными. Да и много было чего... Её в классе все презирали...

И вот. Разбиваю именно её чашку. Что само по себе малоприятная история: мне б обойти, а я вляпалась...

Нас двое с Дарвинисткой. И – «осколки разбитого вдребезги». И тут её прорывает, она кричит, не стесняясь в выражениях, **ТОПАЕТ НОГАМИ**. И я оглушённо смотрю на её обезображенное яростью личико – и отстраняюсь мысленно. На тот момент она уже выполнила предназначенье в моей судьбе – роль палача, полгода назад. И как-то я... я сейчас и тогда должна была биться, и метаться, и топать, и оскорблять, поелику – целый мир рухнул снаружи и внутри... Всё, **ВСЁ** обрушилось ахом из-за такой тупой выходки, из-за мелочи, подобной этой – не помню даже, какая очередная её глупость вывела из равновесия, только я психанула, подхватила шубейку – и бросилась вон. А эта великовозрастная дева **ВЦЕПИЛАСЬ** в шубу и – **ПО-ДЕТСКИ**:

– А я – не отдам! – И бесцеремонно отпихивает от двери. – И всё!

Резкий толчок, страх падения – и всё оборвалось... Ощутила **ФИЗИЧЕСКИ**: конец..

Мчалась по лестницам вниз, по бесконечным мраморным пролётам – а меня мутило и выворачивало наизнанку...

А ночью... уже потрошили... эскулапы.

На работе – никто ничего не узнал (или сделали вид, что не поняли причины, ибо диагноз сфальсифицировали, во избежание слухов и огласки).

И ей, конкретно ей, убивице – нечего было сказать. Она настолько по-детски **НЕ ПОНИМАЛА**, не могла допустить предположения, что во время её хронического отрочества кто-то может находиться в состоянии «два в одном».

Ну не хотела увидеть взаимосвязь между скандалом и больницей.

Приходит навестить больного... с яблочками... или бог весть ещё с какой глупостью... А я смотрю на неё, на кулёчек – и такая смертельная тоска-а...

После, значительно позже, уволившись и отмахиваясь от её нападок, довела до её сведения, до незамутнённого сознания: ты мне не чашку разбила – ты человека убила.

Но в эту минуту разворачиваюсь – и иду. Не сервиз покупать (чего от меня ждали), что вы, – а на базар. И беру у первого встречного алкаша чашку – тоже чьё-то весьма дорогое воспоминание, надо полагать.

– А чашка-то не новая, – трепетно разворачивая бумагу и обнаруживая подлог, замечает на следующий день она.

– Да и покойница не отличалась свежестью.

...И вижу: много пропускала мимо ушей того, что было чистой воды ненавистью. Ненавистью столь сильной, когда в человеке всё противно: и лицо, и одежда, и душа, и проч. И чувство крепло в ней, крепло, крепло с годами и наконец щёлкнуло, зашкалило, защемило – и вылилось по столь ничтожному поводу. И, стало быть, зря я снисходительно терпела столько времени – чего ради? – выеденного яйца не стоило.

С этого момента – будто знамение: подзадержалась ты, родимая, в мире иллюзий и декораций, на чужом празднике жизни... Всё, что могла, потеряла, во всём, в чём могла, разуверилась. А задерживаться дольше и смотреть, как разберут декоративные украшения – признак дурного тона.

При попытке совместить несовместное – вечный карнавал и повседневную жизнь – и не могло иначе закончиться.

Да, всё это, конечно, детский сад. Но в худших его проявлениях.

Глава XXI

РОЗЫ, ГРЁЗЫ, ГРОЗЫ...

В слове «ничего» и в слове «всё» одинаково страшны последствия. «Ничего невозможно» – «всё возможно». «Ничего не хочу» и «хочу всего». В сущности своей, все эти inferнальные мужчины... – суть всё тех же буйных моих фантазий...

Мне не нужен был обычный сантехник Ваня – либо ТАКОЙ (бездно-небо-житель...) – либо никакой. А ТАКИХ-то – и не было! Причём ЭТО ИНФЕРНАЛЬНОЕ пыталась видеть там, где всё было просто, как сатиновое.

Один из сатиновых (чуть далее):

– Ты слишком много от меня ждёшь, а я – обычный...

Это когда штучки закончились, и цветочки, и ягодки, и лапша на оба ваших уха – а крылья так и не выросли.

Всякое inferно заканчивается скверно... И основная задача: вовремя распрощаться – не доводить грёзы до прозы.

Из всякого рода мелочей... Когда б вы знали, из КАКОГО сора... Ужаснее всего – я ужасно влюбчива, и – хуже всего – спешу запрограммировать собственные мироощущения, оставить материализацию иллюзорности – посвящая объекту стихи. Но это полбеды – более кошмарно: дарю ИМ – ИХ...

В итоге... Быстренько прозрев и охладев (а дров поналомано!..), не всегда ВДРУГ обнаруживаешь в объекте благородство. Они щеголяют этими стихами, они впадают в самомнение и излишнюю самозначимость (не понимая, что светят моим отражённым светом).

Кто бы и когда бы их стал превозносить? Никто. И никогда.

Никогда.

Никогда нельзя оставлять после себя следы. И улики. Надо исчезать, но, по возможности, так же неожиданно и незаметно, как и явилась, – подобно предутреннему сну, с наибольшими пробелами памяти...

Одна дама поделилась опытом, как один её пациент разоткровенничался во время сеанса: «У мужчины есть всего один сценарий соблазнения. Им он пользуется постоянно (не внося никаких коррективов). Каждый – своим, однажды апробированным. Творческих вариаций – нет. Свой джентльменский наборчик он использует всю остав-

шуюся жизнь. Во всех случаях. У каждого индивида, конечно же, разные примочки. Но у данного, конкретного представителя мужской особи – всего один, годами выработанный, поелику ему ПРОСТО НЕКОГДА выдумывать на ходу и усложнять, коль цель ясна. Он не будет подбирать ключики. Он прихватит с собой ломик...»

Вспоминаю – да! Некто выдержал мою предшественницу на медленном огне – и лишь ЧЕРЕЗ ГОД зашёл знакомиться.

И вот я. Ухаживаю за ним негласно, оказываю всяческие ТАЙНЫЕ знаки внимания через подставных лиц... Он – знает, ЧТО ДЕЕТСЯ. Но! МЫ ХОДИМ С ЧУГУННЫМИ РОЖАМИ МИМО ДРУГ ДРУГА.

И эти бесконечные розы перед спектаклем – в ведре, в кабинете – видят все: от билетёров до случайно зашедших актёров. ВСЁ ОЧЕВИДНО ДЛЯ ВСЕХ – и лишь две наши мины по-прежнему серьёзны и строги.

Бабушки:

– Сумасшедшая, опять, опять розы!

Мало того: я покупаю себе билет – и иду на контроль!

– С ума сошла! Опять билет купила!

И вот – ЧЕРЕЗ ГОД! – слышится голос:

– Иду знакомиться!

И появляется – ЧЕРЕЗ СТЁКЛА, БАРХАТ, ДВЕРИ, ЗЕРКАЛА...

Мои глаза становятся больше лица... Ужас... Мне плохо... Смущены оба.

...А за витриной – дождь, гроза, потоп и прочие невзгоды...

– А у меня есть зонт, – говорит Троль, – большой!

Подразумевая: ехать-то одним трамваем в один конец...

А у меня-то... другие планы на вечер... Ну, не порваться ли?!

Боже мой, как всё чудовищно, чудовищно!..

– А нам сегодня не по пути, – сдавленно произношу я.

Вот так... Не ждал бы год! Отработка сценария, тоже мне...

Его «кофейные зёрна» встретились с моими, шоколадными. Оп-ля!

Ещё вчера и ТЫ, И ТВОЙ ЗОНТ, и громыхающий трамвай были бы верхом блаженства, а сегодня – увы, мой друг... Другой маршрут и зонт другой.

ТОЧНЕЕ – ВОВСЕ БЕЗ ЗОНТА!

Хуже нет поздно пришедшего счастья!

Точнее, КАК ХОРОШО, что ИМЕННО ТАК завершился сюжет. Упасло от большей беды. А так – всё осталось платонически прелестно.

«На расстоянии улыбки».

Голова покружилась – и сама собой стала на место.

Всё, что ни делается, всё к лучшему.

...А впрочем – транспорт не ходил.

И мы со знакомой журналисткой под проливной волной воды ночью заходим в её двор, мокрые до последней волосинки, и в центре,

в огромной лужище, стоит совершенно потерянный, толстый джентльмен, С ЧУДОВИЩНО ОГРОМНЫМ, пляжным, не иначе, зонтом, перламутрово сияющим в ночи.

– Ух ты! Вот это зонт! – заорала я в грохоте воды. – Какой большой!

– Босёй, босёй, – забурчал шепелявый дядька, став похожим на сурка, – а толку-то? Всё равно весь мокрый!

И снова уставился в бурлящие по колено потоки.

Холодный душ был мне полезен: слишком закипал мозг под воздействием двух сегодняшних знакомств – случайных, с одной стороны, и долгожданных – с другой.

Контрастный душ...

Любителям контрастов.

Именно в этом доме на Новый год мы звенели серебряными германскими бокалами. Здесь, позднее, я ожидала Эльфа...

...А был и ещё дом, на курьей ноге, где из щелей шустро и делово вышмыгивали мыши и таскали куски из кошачьей миски. Один такой сухарь не пролезал, и с той стороны, из-под пола, мышь бесстрашно, ни на миг не прекращая, точила чёрствый кус: обточит–пошевелит лапками–не проходит–грызёт дальше.

Впервые я завизжала и поджала ноги от неожиданности, когда мышь юркнула под подол юбки...

– Чего орёшь, всех мышей распугаешь! – сказала хозяйка, волоокая красотка а-ля конфетка.

Из трёхлитровой банки домашнее вино разливалось в богемские бокалы. Тоже – звон о поющий край...

...Намочи пальчик, проведи по краю, слышишь – это поёт душа, душа стекла, вина и твоя одновременно. Намочи пальчик...

...Пол скрипел, всё скособочено. Но! богемское стекло. И сверчок...

...Что мне в нём нравится, в Тролле кареглазом, так это глубокая порядочность. Наверно, с ним приятно общаться и дружить. Но – не сложилось.

Однако в тех случаях, где он всё же проявился, точнее, ГДЕ Я ДОПУСТИЛА ПРОЯВКИ, со своим ханжеством и инструкцией от питерцев, – он был великолепен...

Троллем называла его в стихах...

...Мне нравится некий процент надёжности и стабильности, в нём и его поступках присутствующий.

Некая добропорядочность, чего ни коснись: семьи, детей, творчества.

ОН НИ РАЗУ НЕ СХАЛТУРИЛ, вот что...

Ни в семье, ни на сцене.

Есть мужчины для лёгкой интрижки, а есть – для домашнего очага и жизни. То есть мой мужчина – моя крепость. Кому-то несказанно повезёт, коли ЭТО совпадёт.

Женщина часто пытается лепить из любовника – отца семейства. И силы уходят в пшик. Не всегда из просто симпатичного рыльца и плейбойских параметров вылепляется НЕЧТО. Вылепляется НИЧТО. А если к тому же мужчине только кажется, что он супермен и крутяга, а на поверку обнаруживается иллюзорность, в которой, к сожалению, хоть на пять минут он был убедителен... то история и того печальнее, ибо пшик вообще умикроскопляется.

Шик – и пшик. Одна буква – а какая разница!

(Много позднее подруга, рассматривая его в бинокль во время спектакля, то приближая лорнет к глазам, то сияясь так рассмотреть, вдруг тихо переспросила:

– МНЕ КАЖЕТСЯ? Или он в самом деле как две капли воды похож на твоего?..

– В сам-деле... я же старалась... Жаль, что сходство только внешнее...)

...С розами связано несколько забавных штучек.

Первая.

Смотрим мощный спектакль – одна из немногих, если не единственная его главная роль.

Агитирую шёпотом подругу (ту самую – душегубствующую кухарку с тенденцией выдавать крылатые фразы... разделявая кур, крылато выражаться...). Так вот, толкаю её вынести на поклон розы.

Ни в какую. А они уже разворачивают фронтальную линию, выходят на общий поклон... Уговоры – тщетны. Мне-то как светиться... Но – не желает.

Тогда приступаем к младшему братишке, что хиппи в дом таскал: он также сопротивляется. А время – уходит. Наконец, вымотав весь нерв, понёс...

Зашёл на сцену – и растерялся. Из зала-то она крошечная, а вот в трёхмерном пространстве – громадная... Мальчишка вышел и потерялся на просторах необъятных. Позднее выяснилось: подходит к крайнему народному артисту (любителю полежать в гробах) и спрашивает:

– Где у вас тут самый главный?

И идёт мимо народных, мимо заслуженных, мимо увядших, но прим – и к нему... И пока он вот таким образом шествует – все обнесённые головы поворачиваются по ходу букета...

Вторая.

Лето. Жара.

У меня – бесконечный отпуск. У них – бесконечные репетиции. Покупаю розы – грех мимо было пройти – и к ней же. Дом рядом с театром. Говорю:

- Отнеси на вахту.
- Не понесу. Сама – чего?
- Слово за слово...

Кличем брата (впоследствии ставшего «фокусником» по части денег). После долгих препирательств хватает – и убегает.

Постфактум узнаю, КАК ОН ЭТО СДЕЛАЛ!

Является на вахту, бух цветы на стол:

–...нову передайте. – И на выход.

Бабушка, добрая душа:

– Молодой человек! Пойдите! А он здесь, может, вам его позвать?

Братан:

– А на х.. он мне нужен?

ЗАНАВЕС...

Более к их услугам не прибежала...

Эпизод третий.

Купила в магазинчике невероятно свежие розочки, огромное количество – двадцать пять или двадцать семь... Думаю: положу на проходную – и смоюсь.

Равняюсь с крыльчком – выходит его сосед по гримёрке (Коровьев):

– Ух ты! Кому столько?

– Тебе... – говорю, роняя крыла в пыль асфальта.

– Мне?! – удивляется, но переспрашивает: – А может, не мне?

А ЕМУ? Я передам.

Конечно, не тебе. Конечно, ему... Но – ты, ты вышел навстречу!

– Нет, тебе...

О ПЕРСПЕКТИВЕ

Гастролёры все шокированы размерищами сцены. По ходу подстраиваются под местный размах. Раздвигают декорации... Меняют мизансцены... В общем, впускают воздух в спектакли...

Из зала – действительно маленькая, освещённая картинка в рамочке с бегающими человечками, поскольку зал громадный.

Но со сцены...

Стою и вижу каждое кресло последнего ряда! Малюсенький залик – рукой подать... А каково Им, каждое лицо видя? (И мой дурацкий, огромный бант...)

Однажды провожу в конце рабочего дня за кулисы молодого человека через зал. Идёт, хамит, выделяется в значимости своей. А вышли через кулуары на сцену... И ОНА ЕГО ЗАДАВИЛА. И спесь рукой сняло. Встал столбом, смотрит в пустой тёмный зал:

– Ну ни фигя себе!.. – И офигевает потихоньку. Даже тон сбавил до шёпота: – Вот это да – ОНА такая большая!.. А ОТТУДА – не подумаешь...

Причём – всегда это ощущение... Идёшь – и обязательно остановишься. К краю подойдёшь. И в зал смотреть будешь – какая-то особенная магия. Притяжение особое.

Стою – и смотрю...

Пока не спугнут...

Глава XXII

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ПЛАХА. ТОПОРЫ

(исповедники, они же палачи)

Ещё раз оговорюсь: все театральные эпизоды имели приблизительно одну точку временного отсчёта. За исключением протяжённости и окончания сюжетных линий.

Пересечения и объединения имели приблизительно первые три года. Позднее одни линии затухли, иные ещё дотлевали... Изначальный импульс, выброс – и погасание световой интенсивности... (почти по Декарту...)

Как нити макраме, разные в креплении, объединяясь, сплетаются в общие узлы и чрез какое-то повторение раппорта – расходятся розно, образуя отдельные кисти и самостоятельные петли, и т. д., и т. д.

Итак: изложенные истории шли параллельно.

И, несомненно, учителем за номером один была Психологиня.

На грани нервного срыва она делилась сокровенным... Меня поразили два откровения...

Ей вменялось в обязанность раз в квартал (плюс-минус) проверять сотрудников (агентов) на профпригодность. В такие «проверки» её ненавидели все отделы и все сослуживцы, смыкались ряды. И бедняга ощущала вокруг сплочённый сгусток негатива. Прессинг, так сказать...

Но не это подорвало её драгоценное – а любовь с последующей изменой... кого бы? Плейбоя!

Она, стоя у плиты в его шлафроке и тапочках, мнила себя его потенциальной женой... (Так думали все его жертвы, а соседи по общежитию только констатировали смену женских тел в оном халате и домашних туфлях...)

Наконец, наскучив ему, она оказалась вытряхнутой из того и другого, выставленной вон.

И вот одной прекрасной ночью, поздно возвращаясь с работы и пересекая окрестности театра, увидела, как встречная девушка вдруг упала и забилась в приступе эпилепсии. Вместо того, чтобы броситься на помощь, она быстро-быстро перебежала на противоположный тротуар и поспешила прочь, хотя, кроме них, никого в столь поздний час на улице не было и никто не смог бы оказать молодой особе помощь... Причин подобного поступка было две: то, что за долгий и кровопролитный процесс расставания с ловеласом она очерствела – и возненавидела весь мир. И второе: ей ПОКАЗАЛОСЬ, что эту красивую женщину она уже видела, и не иначе как... на той же самой кухоньке, в том же самом родном махровом халате...

Понятное дело, дорого мне встали сие откровение и краткий срок близости с ней.

Но.

Дружба закончилась обычными разведданными и их стратегическим применением в полевых условиях!

Но.

...Советуется: а вот если стать администратором?

Я:

– И ты не увидишь актёров. А тебе, как я полагаю, хочется поближе к сцене?

Разумеется, хочется. Поближе... совсем близко. Тепло... Совсем горячо...

– Тогда иди помрежем.

– А что входит в обязанности? – дотошно и прагматично... – Я же была – в омут с головой, хоть кем!

Смеюсь:

– Обязанности? Много чего. Ну, например, 1 января ездить в автобусе по домам и собирать актёров на утреннюю репетицию.

Зелёные, ярко-зелёные глаза вспыхнули злоеще...

...Да, знать бы тогда её истинные цели...

Волосы её ярко-ярко рыжие от природы. Таких не бывает просто!

Просит не распространяться, где она работала... Да, вода во рту. Понятно, молодому человеку я сказала об этом чуть позднее. Он обрадовался:

– Главное, совсем незаметная! Как пожарная машина!

Но речь пока не об этом. А о том, что Психологиня приносит тесты. Всяческие.

Меня всё веселит, что разнообразит...

Тестирует Вампиретку. И меня.

...На день рождения приносит торт. А речи – всё об этом, всё об этом. Я ведь готовилась на психологический в своё время, перечитала кое-какие книги... но – не сложилось... Не срослось.

– И не надо, – коварно улыбается она.

Фруктовый тест. Той, Вампирше, нравятся яблоки.

– И – что?

(Вот тут, кстати, о профессиональной этике. Всю информацию, полученную в результате опытов, она использовала прежде всего в личных целях и направляла впоследствии против того или иного «пациента». И борьба была изощрённой: она точно знала, куда и в какой момент впрыснуть свою инъекцию...

Условимся? Я всего этого подспуда пока не знаю... Я открыта для целого мира, мне двадцать пять. Я счастлива.)

– Яблоко. Его можно съесть буквально до семечек. Некоторые оставляют вообще лишь корешок, огрызка нет как такового. А это значит, что человек, предпочитающий яблоки, прост до примитивизма. Его можно съесть, а семечки выплюнуть. Ничего сложного.

Дальше – я. Персик.

– Персик! – Смотрит лучезарными змеиными глазами, изумрудными до безобразия. – На первый взгляд кажется простым и мягкотелым

лым, легко поддающимся. Человек расслабляется – и вдруг встречает твёрдое ядро. И нечто скрывается внутри и остаётся загадкой.

Загадки нет – в моём столе каждый день лежат персики. Три штуки. И я их смакую весь рабочий день...

– Должно быть, ты хороший психолог... – Хочется быть «комплиментарной», коль и тебе польстили.

Она всегда улыбается, как и я, только глаза при этом цепкие и колючие, узкие и зеленющие.

– Нет, я психолог на букву «х», – смеётся она.

Позднее мне будет дана возможность в этом убедиться. Да и не только мне – полтеатра вздрогнет от её фокусов. А пока – она может позволить себе быть полуоткровенной, полукритичной, полуироничной... Ибо ставит силки и подольщает. Цель сиюмоментно не ясна.

– Просто у меня есть глазки. И ушки. Я смотрю. И слушаю. Человек сам всё скажет. И покажет. Даже своё слабое место. Тем, что подсознательно пытается его укрыть, спрятать от посторонних взглядов.

– Значит, – продолжаю я мысль, но свою, на тот момент единственную – мысль о Тролле, – если он носит длинные распущенные волосы и скрывает затылок, то...

– ...то это самое слабое и проблемное его место, – заканчивает Психологиня, слегка приподняв бровь: мол, делаешь успехи, кукла.

«Кукла» – именно так впоследствии станет меня дразнить. А я – беситься и свирепеть. А она, глядя с высоты цинизма, профжестокости, приобретённых ТАМ садистских наклонностей, будет повторять: «Кукла».

Но сейчас она откровенно называет актёрский «сброд» плебеями. Я бы даже сказала – плебисцитом, поелику так отзываются о её затее ТАМ. А пока – она рвётся на вольные хлеба, на грани нервного срыва, и говорит, говорит... (порою чудовищные вещи). Да и много чего... За сии откровения, отрезвев, успокоившись и вновь войдя в колею, возненавидит до последнего и попытается выместить.

Её месть была подана не то чтобы холодным блюдом – а совершенно *al dente*. Когда Плейбой уже распродал вещи и сидел на чемоданах, предвкушая великое переселение народов в дорогую сердцу Германию, его вдруг с регулярностью пригородных электричек стали приглашать в известное серое здание, и собеседования стали всё более и более походять на допросы...

Первоначально – весь в эйфории: донжуан не определил направление ветра... Но коль скоро чудовищная подстава стала очевидной – он возник в моих владениях в пролёте стёкол и зеркал – испросить, где же найти эту стерву – адреса, квартиры, явки... чтоб вправить ей седьмые шейные отделы...

– А ведь она только того и ждёт, – предположила я, – чтоб ты прокололся и тебя точно никуда никогда не выпустили... Не поддавайся на провокации! Это же очевидно...

Тот самый случай: когда встаёшь на крыло – перед тобою чайки, море, пальмы.. Но цепь, со звоном размотавшись ровно на собственную длину, выдёргивает тебя обратно, едва не ломая шею – к будке, миске и всё тем же лицам..

Всё то же, всё в то же..

И ты, брат, развёл вокруг себя много хищников..

Глава XXIII

ЛЕСНИК, МЯСНИК И КОСОЛАПЫЙ МИШКА

Ты – как белый лебедь в парке – такой же зелёный...

*В большинстве своём люди внутри ещё более
непривлекательны, чем снаружи.*

*Зачастую мужчина думает, что он эпоха
в жизни женщины.*

Тогда как он даже не этап, а эпизод.

*Если женщина не хочет впускать мужчину
в свой духовный мир,
это не значит, что такового у неё нет
(просто тебе там не место).*

И вот в тот злополучный день, как вечером случится ливню, знакомлюсь с хамоватым парнишей, коего после проведу по сцене..

Мы говорим, говорим, и в процессе достаю из стола персик – и протягиваю. Он – отпрянул.

Я:

– Мытый.

Он берёт.. держит в руке какое-то время.. (Это позже выяснилось, что зашёл-то он меня ПРОУЧИТЬ за какую-то фразу, некоторое время назад высказанную. Но я его не помнила – незапоминающийся, а сейчас он подготовился – и явился. А тут – я, такая неземная, вся возвышенная, со своими персиками.. Ибо пока что люблю весь мир, с ангелами и насекомыми, личностями и личинками, тычками и тычинками.) И, не зная, как к сему относиться, взвешивает его на ладони, затем нюхает.. А потом вонзает в него два больших пальца у основания и начинает разрывать, раздирать по шву, ровно так, беспощадно.. Сок брызжет в разные стороны, аналогии недвусмысленны, персик разламывается пополам. Пополам разламывается и косточка, и в одной из половинок остаётся зёрнышко.. Триллер.. Просто триллер.

Смотрю не отрываясь на этот кошмар и спрашиваю:

– А-а.. с людьми.. вы.. тоже так?

А этот экземплярец поднимает нарочито тяжёлый взгляд, протягивает ту половинку, где семечко, и говорит отдельно:

– А это – как получится..

(История повторялась после каждый день: ровный разлом – и косточка пополам.)

Сказала об этом психологу. Она:

– Интересно... Ты в следующий раз, когда придёт, спроси, имеет ли он отношение к Гамбургу.

И ведь – спросила! Не зная, о чём речь. Ну, не знала, кто такой Гамбург – и всё тут! А – спросила... глядя на проделанную процедуру... А его – аж повело. Помрачнел:

– К НЕМУ я не имею никакого отношения.

И, только поняв плюху, после ухода, позвонила приятельнице и узнала: это главный психиатр города.

Злая, утром говорю ей:

– Как ты могла?! Ты бы хоть сказала, кто это!

Молча прозмеила усмешку в губах.

Спустя год, два, три, вечность – не помню, когда мы уже стали вражинами – говорю:

– Ну зачем, зачем ты всё это затеял?!

– А ты не знаешь? – зло и недоверчиво. – Будто бы?

– Я?! Откуда?!

– А если вспомнить?

– Что? Что вспоминать?

– Нашу первую встречу, – доводит вручную (как автомат Калашникова).

– Ну и что? Ну, мистификация, ну, персики, ну?

– Не ту, а – ПЕРВУЮ! – настаивает он.

– Да не было никакой встречи. Я тебя в упор не знала и никогда не видела!

– Точно?

– Да точно! Я б запомнила.

Оказывается, он зашёл за неделю «до». Спросил два билета. Со вздохом полез за деньгами. А я – якобы я! – и говорю насмешливо:

– Что ж с такой неохотой, будто вас под дулом автомата сюда пригнали?

И выдаю ему.

Он якобы молча посмотрел, ничего не ответил. А живёт напротив. Зашёл, глянул на себя в зеркало, а дома ремонт, «рожа вся в побелке», посмотрел так, подумал: «Ну, подожди...» Приоделся, приумылся, подготовился – и явился. Наказать по полной программе.

– Да не помню я! Ни побелку на роже, ни саму рожу!

– Точно не помнишь?

Зануда... Всё ещё не верит, что его – ЕГО! – и можно не заметить.

Но пока они с Психологиней стали первыми, кто оттачивал на мне свой цинизм и вымещал ВСЕ СВОИ детские обиды и юношеские комплексы. ...Подобралась компания: лесник, мясник и косопый мишка.

Если он не отказался в первый же вечер от своей идеи-фикс, то решил быть последовательным и пройти путь до конца. Точнее, довести интрижку до её логического завершения.

(По американским разработкам, словарного запаса, жизненного багажа и вычитанной информации мужчине хватает на 100 часов разговорного жанра. Заканчивается 100 часов болтовни – заканчивается и сама интрижка. Тогда, по той же причине, мужчина меняет объект внимания, то есть, попросту говоря, начинает повторяться и искать новую аудиторию для своих ста часов счастья.)

Это был классически ТОТ САМЫЙ СЛУЧАЙ! Остроты из О'Генри вскоре закончились. А О'Генри не написал ему новых... Является каждый день.

...Мне он уже не интересен. И больше нечего сказать... Молчу. Он ждёт «продолжения банкета». Десять минут... Полчаса... Час... Молчу и ковыряю скрепкой столешницу: ну, нет общих мест! (Напоминало историю с мадам де 'Сталь... Все только и ждали, когда она выпустит остроту или анекдот, чтоб тут же подхватить и разнести по иным салонам... Если в течение вечера она молчала, то и раут считался заведомо испорченным...)

После продолжительной паузы он крутит лошадиной мордой, словно конь в стойле, и резюмирует:

– Да-а... просто праздник какой-то...

...В один прекрасный момент, кульминационный, когда по его раскладу выходило, ЧТО Я ДОЗРЕЛА, доведена до определённой кондиции, он решил выйти на финишную прямую, идти ва-банк, и... Внезапно приходит, как показалось, слегка подшофе, очень слегка, для храбрости... И смотрит незастеклённым взором... И что-то в глазах такое необычное и странное...

...Это после на меня мужчины время от времени смотрели ТАКИМИ глазами, и я понимала их значение, но до этого на меня ТАК ещё никто не смотрел. Или – не замечала, а здесь – вдруг... Но... Но, по счастью, слишком ребёнок, не поняла.

А он смотрит и вдруг – вкрадчиво и просяще, тихо:

– Впусти меня...

Не поняв, указываю пальчиком в сторону дверей:

– Сюда?

Перекривился в усмешке, отвернулся... Разворот бычьей шеи... После поднимает взгляд, в нём всё то же самое, но плюс – ускользающая частичка жестокости, с прищуром:

– Не-эт... – И гипнотически всматривается...

Начинаю ощущать лёгкую тревогу, но ещё не въезжаю в смысл. Одно только: ощущаю холод по кишкам. Но делаю попытку угадать: пальчиком на себя:

– В смысле, в душу?

Молниеносное озлобление и цинизм:

– Зачем мне – твоя душа? В ней я и так всё знаю.

Оп-ля!

До меня с бо-ольшим запозданием «допирает»...

– Ты вышил, что ли?

– С тобой запьёшь...

И ёрзает – время упущено, всё пошло не так!

– Я в сквере тебя подожду?

Торопливо киваю, да, конечно, в сквере, именно в сквере подожди!

– А не обманешь опять?

– Не-эт, разве можно!

Удаляется.

Рассматриваю спину – а сама лихорадочно готовлю план отступления и быстрее вон, через балкон, подвалы, через служебку! Ухожу огородами. Не пересеклись!

Следующим днём – зол как сто чертей. И фраза: «Надо же, как подставился!..»

Ловила же себя на мысли: а смогла бы я – поцеловать его? С его ничем не выдающимся затылком. С его ничем не примечательным носом. С его узкими плечами при достаточном (сто восемьдесят пять) росте... И – особенно – с этими губами. Выдающимися тёмным цветом избыток холестерина пища. Губы, похожие на две говяжьи котлеты, цвета сырого венозного мяса...

Нет, не смогла бы. Особенно когда он их оттопыривает самодовольно, точно непрожаренные отбивные.

...И постоянно кому-то подражает. То отработывает бесшумную походку – по Брюс Ли, то косит под Шварценеггера, даже стриётся а-ля дядюшка Арни. (Позднее дошли слухи, он-де отпустил хвост. Понимаю: закосил под Сигала.)

Однажды он пропал дня на четыре. Чего с ним не случилось. При его навязчивости.

И – появляется с некой растительностью, подразумевающей усы. Не знаю, под кого попытался «закосить» в этот раз... Только смотрелось дико смешно. Это его СМЕШНИЛО. Внешне сохраняю спокойствие, но иронично отмечаю, как бы промежду прочим:

– Усишки решили отпустить?.. – И смешинки в глазах.

Хотя он-то ожидал иной, более бурной реакции, ведь так пыхтел, так старался ошеломить. Промолчал. Но скуксился. Быстро ретировался.

А ввечеру того же дня явился чисто выбритым. Теперь не отреагировала и вовсе. И темы не возникло.

Были, конечно, моменты, когда он вдруг рассказывал трогательные вещи, например, как сам в детстве пришивал плюшевому мишке оторванный язык... И мои глаза мутились слезой жалости. И тут готова была на безрассудные поступки и на декабристские ссылки.

Но, Господь мой Бог, какое счастье – меня уберегли! И как бы смешно и нелепо выглядела б я, подтаяв от жалкости, и если б в тот миг меня этой жалостью чуть-чуть дожали...

Причём излагал с разомлевающим, подтопленным взором (сняв очки, люди всегда выглядят либо косоватыми, либо пьяноватыми, в целом – беззащитными)... Хочется броситься на шею и разрыдаться от сентиментальности и чувственности... Давлю непрошеную слезу обратно. Останавливает: а кто мне после пришьёт назад... язык, лапки, ушки?

Мужчины любят манипулировать женской жалостью. Прискорбно.

Или – после моего бегства – особенно удручён:

– Я как тот неуловимый Джо... А почему неуловимый? Да никому на... не нужен...

Меня тут же прогрызает совесть, словно моль в несвежей шерсти. Хочется утешить, но не знаю способов. А тот, к которому исподволь подвигает, – неприемлем...

Или – хамит да хамит...

А меня только что другие уста назвали Маленькой Феей, и я ещё под впечатлением...

Наконец:

– А между прочим, сегодня меня назвали Маленькой Феей, в отличие от вас, молодой человек.

Замолк на минуту, отпрянул, прищурился, разлепёшил отбивные:

– Ну, о-о-очень маленькая! – И показывает пальцами дюйм.

– Хам.

ЛАМПА И ПОЦЕЛУИ

На моём столе – роскошная лампа с молочным абажуром. Полу-сферическим. Глубоким. Матовым. Он сияет подобно луне. Шикарно. ВЛЮБЛЕНА в эту лампу, свет и ореол таинственности.

В один прекрасный момент специально крашу губы и особо тщательно целую абажур. Теперь на нём мерцает отпечаток.

Входящие вначале удивляются, потом прикладываются. Своеобычная картотека-тест.

Постепенно одна сторона вся усыпана «губками».

Предлагаю своей непосредственной начальнице: мол, давайте, а? Смотрит и – с особым ударением:

– Ну что я, ненормальная, с лампой целоваться?

Во-от... А по абрису я бы точно узнала...

Джо – офигевает:

– Ну и лампа у тебя!

Я:

– А... где здесь – мои?

– Ну-ка, поверни... – Смотрит, сравнивает всё, и внезапно, указуя на особо шикарно выписанный бантик: – Это!

Молчу. Потрясена. Надо же... Ни ухом ни рылом. Но ведь попал!

ТРИ КАПЛИ О ХАМСТВЕ

После «Крёстного отца» – под впечатлением, в мрачном расположении духа пребываю.

Приходит Джо:

– Что смурная такая?

– Да вот, – говорю, – сравниваю похоронные процессии: медленные шикарные авто – «линкольны», чёрные, море живых цветов, катафалк, католический сверкающий гроб с блестящими ручками... Красотища... И у нас... запихнут ящик в профсоюзный автобус, галопом до кладбища, там могильщики пьяные в драных телогрейках... Хорошо, не уронят... забросают кое-как, прихлопнут лопатой, бумажные

венки. Галопом обратно – и водку жрать, а после забудут, по какому поводу собрались, развеселятся, начнут анекдоты травить...

– Успокойся, – смерив меня снизу доверху, даже шаг назад сделал, прикидывая: – Тебе и автобуса не надо: я твой гроб под мышкой донесу.

Джо:

– Ты ставишь человеку жёсткие рамки. А постоянно себя контролировать невозможно. Соответствовать твоим представлениям сложно. Так нельзя.

– Почему бы нет? Я прижала тебя иголкой к листку, обвела по контуру. А когда ты выползаешь за черту, иголкой же подталкиваю тебя обратно.

– Но я-то не такой!

Жму плечами. А мне-то... Извольте соответствовать, коли рядом.

ЗВЁЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ

Звёздная болезнь – болезнь очень страшная. Ещё и тем, что когда она проходит, то очень сильно тошнит. И тошнит-то на тех, кто не успел увернуться.

Об одной девчонке сокурсник смолвился:

– Да-а, сильно её накрыло. Нас перестала узнавать.

О ней же: та, что «хорошо быть камнем»:

– По юности я тоже позёрничала на сцене: ножку этак выставишь, спинку изогнёшь. Любовалась собой – и демонстрировала себя. Собственно, и играть-то некогда было – надо себя успеть преподнести, всю себя, красивую, показать... А потом повзрослела – и так играть понравилось!.. Уже и не думаешь, как ты со стороны..

...И о ней же, о звёздной студентке – после особо драматичной сцены, где горе, все в слезах, где крах... Главный герой (Людовик) заходит за кулисы, оглушённый внутренним переживанием, без сил, измождённый, несчастный... И она, его партнёрша, только что хныкавшая на подмостках, весело впархивает, смеясь, до-овольная сама собой, с возгласом:

– Yes! Я ему отомстила!

И наблюдающая за этим служительница богемы делится впечатлением:

– Да... Холодная она какая-то... Наверно, не получится из неё актрисы...

О ДЖО И ЭРОТИКЕ

В красиво освещённом застекленье красиво подана сцена соблазнения, где Вальмон – и ОНА, только чиркнув ножкой по стеклу... Краем глаза наблюдаю, как Джо напрягся, подался вперёд, и будто не на соседнем кресле, а ТАМ, с нею, вместо Вальмона... Мне ценно любое наблюдение.

Тоже своего рода коллекция...

ЭПИЗОДИКА И ДВА ЭПИЗОДИКА

Одержима идеей. Но! НЕ МОГУ тотчас же броситься воплощать. Ибо всё, что мне сейчас необходимо: чуть-чуть времени, тишины, одиночества – и разворот листа бумаги. Макнуть кисть в тушь... И – таинство творчества...

А Джо – здесь! Подле трактует. О чём-то своём... Аутически слушаю, то наматывая, то распуская с костяшек пальцев пояс...

– Ну-ка, ну-ка! – удивляется он. – Так делают бойцы. Только ещё в битое стекло нажимают, чтоб поражающую силу увеличить. Кровищи, кровищи-то!

То есть у наших – тальк, у них – чан с битым стеклом, а принцип – одинаков.

– Где видела?

Вообще нигде и никогда. Подсознательное желание вломить.

Начало зимы. Без снега – но жутко холодно. Сопли стыннут. Вторем – он, Вампирёза и я – выходим из театра. После спектакля. Стою и пропускаю трамвай за трамваем. Джо недоумевает. Вампирша догадывается...

Слово за слово (а не пойти ли вам всем?), и она, психанув, уходит семимильными шагами, со страусиным размахом полутораметровых ног – вдоль шпал. Ей не хочется быть ТРЕТЬИМ ЛИШНИМ...

Он:

– Садись в следующий. Я её догоню. Только обязательно – в следующий, слышишь?

И срезает путь диагонально, по дворам.

Как же, приказ, пока при вас...

Подходит следующий. И послеследующий...

Ночь. Улица. Фонарь. Одна...

И вот – наконец! – из-за угла появляется Троль. Припозднился сегодня! И видит меня – одну в ночи глубокой.

Кого в одиночестве может ждать девушка в столь поздний час? Конечно, его.

Радостно заходим в трамвай. Болтаем.

Я сию, он стоит надо мной. Улыбки от уха до уха...

На следующей остановке видим столь же оживлённо беседующих Их.

– О, и она здесь! – удивляется Троль.

Но я-то – на условленном месте, освещённая, в окне, будто в раме. Он меня видит. Шумно заваливают со средней площадки, начинают протискиваться в моём направлении.

И внезапно улыбка Джо меркнет – он понимает, КОГО Я ЖДАЛА на остановке...

Но, проскользнув по отраженьям стёкол, не оборачиваюсь в их сторону: зачем они, коль рядом – Троль? Его лицо дорогого стоит...

День втОрый.

Она, врываясь в кабинет:

– Знаешь, кто ты?

Предположительно догадываюсь.

– Он так радовался, что наконец тебя провожает! И вдруг – вы подъезжаете, счастливые такие, и на него – нулями... Да его словно по лицу ударили! Ты б видела...

– А я видела.

Не лошадка же с шорками на беговой дорожке – всё вижу...

Хороша бы я была! Он не отказывает себе при мне пофлиртовать с подружками, лишь с тем, чтоб посмотреть, взвинчусь я или нет...

О БЕСШУМНОСТИ ПОЛЁТА КАК ТАКОВОГО...

Апробация бесшумной брюс-лиевской походки...

Ко мне нельзя подкрасться бесшумно: малейшая тень в преломлениях зеркал и стёкол – и видны в отражениях все подступы плюс весь сквер. Но он – пытит, пытается...

...Однажды глухой, глубокой ночью, за полночь, часа два плетусь со дня рождения. Транспорт, соответственно, уже не ходит. Машин – ну ни одной, и ни души окрест на тихих, пустынных улицах. Всё ярко освещено, а окна домов черны. Марш-бросками покрываю полгорода – трезва, зла, измотана, ещё пилить и пилить. Постовая машина снизила скорость: высунулись–отслежили–объехали – и скрылись. И опять тишина...

А завтра – открытие сезона, вот что!

Доползаю до перекрёстка: слева – театр мрачным кубом, справа – тёмная аллея вдоль дома, занимающего квартал. И вот вижу: сзади бесшумно догоняет тень, перекрывает мою, идёт по следу.

Прикидываю: слезосопливый баллончик – в сумке, сумка – в пакете, на самом дне. Всё равно не успею. Но и не оборачиваюсь, иду, смотрю на тень – жду.

– И откуда так поздно? – осведомляется до колик знакомый голос.

Закончил играть в следопытов – и равняется со мной. Продолжаю топтать, не поднимая головы:

– Со дня рожденья.

– А там что не осталась?

– Мне кота кормить.

– Шутишь! Ему в твоей общаге тараканов на два года хватит!

Ходок. Знает все общаги, все притоны. Осведомлён, значит...

– А денег на такси нет, – продолжает в том же духе.

И тут думаю: ну, держись, юморист, ты у меня поглумишься! Молниеносно прикидываюсь вдрызг пьяной и поднимаю на него ТАКИЕ масляные и развратные глаза, каких он у меня отродясь не видывал и не подозревал о их существовании.

Шарахается – ошеломлённый, удивлённый, обрадованный.

– Шутишь? Какие деньги в отпуске, после дня рождения? Подарок, цветы, то, сё... Да и зачем такси? Мы уже пришли, – киваю на его дом. – Сейчас к твоим завалимся, сильно не удивятся?

– Э-э-э!.. – останавливается он, видя, что я не шучу. – Да ты – совсем пьяная!

– Н-да-а, совсем...

– И – как?

– Ну, раз к себе не приглашаете – такси поймаешь.

– У меня денег нет.

– Н-да? Тогда потопали дальше, провожай!

– Не пойду, – он тоже не хочет пилить пёхом. Джентльмен.

– Знаешь... – его осеняет. Кивок в сторону светящихся слов служебного входа. – Давай постучим. И попросимся переночевать до утра.

– Однако! А репутация? Среди ночи – чёрт-те с кем! Не-эт, брат, завтра первый рабочий день. Мне надо соответствовать.

Доходим до следующего перекрёстка.

– О, машина! – обрадовалась и вскидываю руку.

Вижу: мигает поворотником. Повезло.

Но – он, дерево деревом, вяло сопротивляется:

– А чем платить будешь?

Поднимаю неотразимый взгляд, закусываю губку и делаюсь ещё более куртизанкой:

– Обижаете! Порядочная женщина всегда найдёт, чем платить.

Открываю дверцу, сажусь на пике куража.

А он как держал дверь, так и стоит швейцаром с обескураженнейшим видом. Буратино...

Меня уже начинает душить хохот, но держусь, весело спрашиваю, показывая на дверцу:

– Ну?

– Подол подбери, – выговаривает он еле-еле.

Забрасываю канареечный шлейф в салон. Он – закрывает. И мы отъезжаем. А бедняга ещё какое-то время смотрит вслед. Додумывает увиденное...

Беспричинное веселье разрывает, рожа – дово-ольная! Начинаю искать пятаки и гривенники и набираю в горсть необходимые три рубля. И тут из выпотрошенной сумки вываливается баллон. Толстый, зелёно-чёрный, угрожающий, на миллион единиц... Водитель покосился настороженно. Я, смеясь, нагибаюсь доставать. Подъезжаем. Протягиваю мелочь.

Он:

– Да не надо, девушка, ладно...

– Надо, надо, – ссыпаю пригоршню на сиденье.

– СЫ-ПО-СИ-БА!

Утром чуть свет прибегает, смотрит во все глаза. А я молчу и ничем не выдаю.

Его распирает, он ищет ответы на свои вопросы, но у меня их не находит.

Наконец:

– Эх, ну ты вчера-а-а! – Полный восторг во взоре.

Недоумённо переспрашиваю:

– Что – вчера?

– Нашла чем платить?

– Разумеется, трёшкой.

Разочарованно:

– Так у тебя были деньги?!

Повожу холодно плечами:

– А я похожа на того, кто ловит машину без денег?

– А чё тогда пешком шла?

– Гуляла.

– И не страшно было? – Не доверяет.

– Так я же вооружена! – Показываю.

Смотрит, ищет варианты:

– Ну да... Ты б вчера и пикнуть не успела!

– Успела б. Я твою тень впереди себя за полквартила увидела.

Шла и смотрела, кто это ночью в прятки со мной играет.

Ужасно... Он со своей-то бесшумной походкой! Но – не сдаётся:

– Да брось – видела! А что же не обернулась-то?

– А ты вообще заметь: я никогда не оборачиваюсь.

Даже по фамилии окликнут – не обернусь. Он – знает... Огорчён.

И тут довершаю начатое:

– Более того. Я и пьяной-то не была.

– Ну да! Вдребезги! – подпрыгивает он. – Я же видел!

– А запах? То-то и оно... Я пьяная из дома не выйду.

– А зачем тогда притворялась?

– Разыграть хотела.

– А зачем?

– Проверка. На шивость. Провожать не пошёл ведь – то-то...

Второй проверкой было – пригласить к себе. Пригласила.

Первый, медовый месяц новоселья в трущобе делила с бывшей соседкой. Та достраивала квартиру. А поскольку выперли обеих, то от предложения не отказалась, ночевать ей, как и мне, негде.

И Джо – явился с коньяком. Однако... Мужской напиток. А в доме – шаром покати. Блюдо ягод – и всё.

Лирическое отступление. Характеристика по месту требования. Самое замечательное в ней было – графа в паспорте (чуть изменю, но колорит передаваем): «Матильда Рихардовна Бергер. РУССКАЯ...»)

И как же она бюргерствовала... По понедельникам – весь день принуждена находиться с ней в четырёх стенах и не иметь ни точки соприкосновения, ни темы для разговора, ни общих мест (кроме мест общего пользования). Движимая здоровым эгоизмом, пыталась растормозить эту махину, монолит равнодушия и жвачного состояния.

Такая флегма! Подсовываю книги, которых та со школы не брала в руки. Но бедняга засыпает за чтивом, даже не взирая на адаптированную литературу типа Дюма...

Пытаюсь вытаскивать в театр – либо покупаю за свой счёт ей место, либо выписываю контрамарку и мучительно жду до третьего звонка в оговоренный заранее день... Но, как правило, застаю её дома, на кровати, лузгающую на газету семечки...

...Верх пилотажа – буфет кинотеатра, когда мне удаётся-таки её вытащить... Моя Матильда Бергеровна покупает огромную кружку пива, тарелку сосисок и наслаждается по-немецки, традиционно...

Параллельно с этим она – живой пример для моей племянницы (влюблённой в Плейбоя). «Посмотри, – говорю восемнадцатилетней стрекозе, – ДАЖЕ такая ленивая Гретхен, а читает книги, в отличие от тебя!»

И... в один момент брат, явившись в гости к сестре, но её не застав, не торопится к выходу – напротив!.. Хотя мы-то с племянницей собираемся чай пить и никого не приглашаем разделить трапезу... Нисколько не смущаясь, он занимает центральное место, подвигает к себе блинцы, уничтожая стопку, рассуждает, полагая, однако, что делает мне комплимент:

– А ты – молодец! Приучила-таки сеструху к книгам. А то она до тебя вообще ничем не интересовалась.

Под столом на ногу наступили... И смеющиеся зелёные глаза девчушки...

Весь воспитательный процесс...

И после, стоит мне открыть рот на тему повышения культурного уровня, она отвечает ехидно:

– Знаем, знаем, как твоя Лотта книги любит читать!

С первого напёрстка меня повело страшно. Взглянула при свечах на «соседку»: глазки её блестят не по-детски... щёчки красные... Всё, думаю, привет...

Незаметно, благо темно, зацепилась рукой за столешницу, обхватила ножку стола ногой, приняла удобно-устойчивое положение и решила стоять насмерть... (Если вспомнить, что сама же она и отучила пить в компании, если кому-либо не доверяешь, то здесь я не доверяла и тому, и другому.)

А комната уже кружилась... И основной задачей было ничем не выказать дурацкого состояния.

В час ночи намекаю, что у меня-то лично завтра – рабочий день.

И лишь закрылась дверь, отцепляюсь от стола – и проваливаюсь в небытие. Успевая, впрочем, сказать: «Дверь запри».

Днём следующим.

Джо огорчён:

– Надо было две бутылки коньяка приносить.

– Зачем? – не поняла я.

– Та сразу спеклась. А ты – ни в одном глазу. Только под конец злее говорить стала.

– Злее?.. – припоминаю нечто саркастичное. – И тем не менее, если в прошлый раз я была трезва, то вчера не вязала лыка.

– Не может быть! У тебя даже взгляд не изменился!

– И всё же. Я вырубилась, только ты вышел.

– А зачем было притворяться? – весьма недоволен. – Не понимаю!

– Я обычно не пью в компаниях с теми, кому не доверяю. А вам я не верю.

(В «гостях» он первый и последний раз.)

Ещё с первого дня всех, кого видел рядом со мною женского пола, обсматривал и ЗАЦЕНИВАЛ.

Ту, что молодая, но умная, «купил по дешёвке», в смысле – уступил ей один из двух последних билетов на вечер.

Мне – в день знакомства:

– Странно... У тебя такие глаза живые, блестящие...

– Что же странного? Я – и сама живая.

– В том-то и дело. Живая. А вот подружка твоя (см. выше) – мёртвая.

Аж морозом дохнуло, я суеверна:

– Да что вы такое говорите!

– У неё глаза неживые. Пустые.

А после – и у той, и у той, и у той... Просто виноград кислый – вот что...

Та же, что «по дешёвке», назвала его «хам трамвайный». Именно. И трамвайное хамство полезло, когда и я попала в разряд «ну, о-очень» кислого винограда. Если вначале Джо делал комплименты моим живым глазам, улыбке, дарил шикарные чёрные розы на древесных стеблях, вполовину моего роста... То годка через три-четыре-пять уж и не знал, за какой бок куснуть – кругом скорлупа.

(Странное совпадение...)

Гораздо позже высыпаю фотографии знакомых перед Философом с целью определить их будущность. Он определяет... И, как покажет время, безупречно точно.

Он иронически замечает: круг моих знакомых лежит в плоскости давно прижмурившихся людей. Они духовно, душевно уже того... умерли, кто надясь, кто намерднн...

По поводу одной из них усмехнулся:

– Ну, это мертвяк, время от времени себя реанимирующий.

О «кАричевом коте»:

– А эта уже и не пытается – давно мертва. Ей так спокойнее и комфортнее.

То есть подавляющий процент жизни мною тратится на тормошние давно усопших. И вокруг – лишь упыри и вурдалаки. И, главное, обижаться не на кого: ЭТО Я САМА СЕБЕ, ЛЮБИМОЙ, УСТРОИЛА... Подобрала компашку...

Несколько мыслей по существу.

Главное, чтобы внутри человек оставался живым до самой смерти.

Безразличие и равнодушие – верные признаки, что человека-то внутри оболочки уже нет.

Нет на месте.

Он смотрит рыбьими глазами на твои попытки его расшевелить, а ответной волны нет. И не оттого, что это противоречит его принципам или существует ряд условностей, мешающих ему шевельнуться, и даже не от презрения, к тебе испытываемого, а в силу самого факта отсутствия ЕГО В НЁМ как такового... Заколотенные фанерой глаза, ответ «нет» – на всё касаемое слуха, и вялое отсутствие мысли во взоре, упёртое, точечное, остановившееся созерцание. Подобно терминаторской наводке – исключительно для ориентирования. По топографии местности. И на тепловой объект...

Вначале – обидно и задевает, но заглядываешь, попадаешь в пересечение осей, а за глазами – мрак и ночь. Огонь внутри давно потушен.

Безразличие и равнодушие – это не свойство души, а наполнитель помещения, где она когда-то находилась.

Даже – заменитель души.

Равнодушие – где вместо души ровно. Пусто, никакой рельефности, ни единой выемки, где, подобно влаге, могла бы сохраниться частичка души и духовности.)

Наши сходки – подобны словесной перепалке. Сходимся, отстреляем магазин – и расходимся. Мне уже не больно, как несколько лет назад, на мне уже глухой бронезилет. Раньше, в той ДРУГОЙ жизни он доводил меня до слёз. Наматывал кишки на кулак – и наслаждался мучениями. Теперь – фигушки. Учителей много. И уроки не проходят даром.

В конце концов это утомительно. Есть моменты, когда всё уже сделано для «непродолжения» знакомства. Но остаются какие-то нездоровые интересы.

Является, смотрит, перекосив отбивные, и медленно достаёт из внутреннего нагрудного письмо, когда-то мною по неосмотрительности посланное. И начинает издевательски медленно его разворачивать, поглядывая нагло, и якобы «про себя» читать. А я ну совершенно не помню, какими словами в нём оперировала и что же там может быть такого, чтобы ухмыляться столь мерзко и распущенно.

Вот оно. Одно неосмотрительное движение. Ружьё из первого акта.

Теперь приходит попросту поиздеваться. И на любую резкую фразу – демонстративно лезет в карман и достаёт мой эпистолярый. А я мучительнейше вспоминаю – и не могу воспроизвести, что же там такого компрометирующего, столь тешащего самолюбие. («Как же его не задеть, оно у тебя такое большое!» – его давнишняя фраза.)

Понимаю: он проводил сеансы одновременной игры на нескольких досках. И, по Чичикову, если где-то «зацепил–потацил–сорвалось–не спрашивай», он мчался вымещать обиды на мне, благо, рядом с домом и всегда на месте. Где-то кто-то стучал ему по соплям, а бесновался он здесь.

Некая девочка для битья.

Мне удаётся обменять его давешние подарки (два китайских шарика) на своё письмо. Конкретная зачистка от всего, косвенно напоминающего. Прочитываю письмецо, а в нём – ну НИЧЕГОШЕНЬКИ... вообще. По нулям.

Вампиретка обронит однажды любимое высказывание своего отчима о Наполеоне: «Да неважно, что он Москвы не взял. Важно – он там был!» – столь примитивно, но столь ярко характеризующую мужскую логику.

(Помнится, Лермонтов сожалел, что первоначальная идея стихотворения: «...Как дай Вам Бог любимой быть другим...» – принадлежит не ему. Далее он построчно объясняет, комментируя. И на поверку вышло бы совершенно обратное. Ибо он не желал бы ей быть любимой. Не желал бы счастья с другим. Если она отвергла – и они расстались, то пусть во всей полноте ощутит страдания и мучения. Пусть, пусть мучается, как и он.

В свете подобных рассуждений и «герой его времени» – это маленькая, сладкая месть всем его женщинам.

Наверное, поэтому я и люблю Пушкина.)

...Встречая тех, кто когда-либо «соскочил с крючка» – ту, другую, третью, Джо комментировал: «Вчера встретил... с каким-то клоуном... Сегодня встретил... эту... с каким-то клоуном...»

И все-то мужчины почему-то назывались КЛОУНАМИ.

Или же:

«Встретил... Поправилась... На один бок».

Но есть, есть девочка, беспощадно щёлкающая его по носу. Она шикарна. Просто шикарна. И пишет шикарнейшие стихи.

А Джо носится за ней, высунув язык. А она – от него. Наконец – добился свидания.

Является. В назначенное место (на «Арбат»!). В означенный час. С цветами. И что он видит? В назначенном часу и месте? Её – целующую на лавочке с другим.. И глаз лукавый по нему скользнул...

В гневе мчится добивать... меня!

Позднее – по иным каналам – ко мне попадает подборка её стихов и рассказов.

Стихи – великолепны.

А вот рассказ с названьем... «КЛОУН».

Читаю... и черта за чертой вырисовывается портрет общего знакомого. И главное – столь точная характеристика! Просто браво!

По счастью, являлся ко мне он всё реже и реже.

– Да, кстати, – говорю при очередном его визите, – читала ЕЁ стихи. И рассказ – о тебе.

– Это не обо мне! – торопливо воспротивился Джо.

Столь поспешно. Хотя – и не упомянула названия.

– О тебе, о тебе, – киваю, – о ком же ещё?..

Если не о тебе – чего ж так поспешил отнекаться?

Глава XXIV

...ВИЖУ АНГЕЛА С ЛОПАТОЙ...

А ведь были и другие люди.

Но их инициативы я либо не замечала, либо не поддержала. И они затерялись в общей массовке. Наверное, мерзавец всегда распахает локтями и прорвётся. В первые ряды. На лучшие места.

«...Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами...»
А порядочный – потеряется. Или не проявится. Несправедливо...

Пока я тратила нервы и кровь на подлецов из племени каннибалов, появлялись иные действующие лица. Достойные, но не удостоенные внимания.

Однажды мне подарили голографическую открытку с алыми парусами и с подписью инициалами: «Г. А.»

– От кого, от кого это? – домогается знакомая.

А я:

– Там же всё написано.

А там – про солнечную улыбку и всё такое... Мелочь, но приятно...

– Нет, здесь просто «Г. А.» Кто это?

– Ну, что же непонятного? Грей. Артур...

А если без шуток – один молодой мужчина, артистично одевающийся, богемно, так скажем, на каждый праздник приносил розы или тюльпаны.

А на Валентинов день – «валентинки».

Говорит: «Всякий раз захожу просто так, даже не хочется на спектакль, а вы как улыбнётесь, и я беру билет. И иду...»

Однажды, наверно в марте, было жутко холодно; он зашёл перед спектаклем с приятелем. Смотрят на меня, улыбаются. И я не в долгу.

...А он вдруг поднимает розы и протягивает их сквозь окошечко, вперёд стеблями. А я живо схватила и говорю:

– А я ведь возьму!

Они засмеялись.

Год, два, три. Ходит – и носит. Наконец зашёл и говорит:

– Завтра какой день?

– Понедельник. Выходной! – радостно оживляюсь.

Укоряюще, тихо:

– Забыли... а завтра – День влюблённых. – И протягивает «валентинку».

Смутилась и спрашиваю:

– Послушайте... вы столько лет ходите, а я даже не знаю вашего имени...

– Зато я знаю ваше.

Или.

Совершенно восторженный, благовоспитанный юноша – весь в романтических грёзах...

До того доходит, что в один чудесный день является дама.

Я улыбаюсь. Она смотрит, тоже улыбается. Расположена поговорить. А почему и нет? И я говорю... О том, о сём да обо всём. А она – слегка изучает...

И вдруг:

– Мой сын в таком восторге от вас.

Словно на бегу – влёт остановили:

– Какой сын?

– Он часто к вам приходит. А дома только о вас и говорит: «Мама, такая девушка! Мама, она самая необыкновенная! А как улыбается!» И что нам обязательно нужно познакомиться. Вот. Я и решила зайти посмотреть. Теперь я его понимаю. Правда, если он узнает...

– Да кто, кто ваш сын-то? – настороженно интересуюсь я.

Столько их, сюда приходящих, что не всех в лицо помнишь. Понятное дело, для мамы он единственный, но знать бы, о ком речь... Оказалось, тот самый оператор с телевидения – высокий и благонравный, начитавшийся лирики...

И ВОТ – эта приятная во всех отношениях дама – ЕГО МАМА...

Но если ко мне начнут приходить ВСЕ мамы и папы ВСЕХ случайных знакомых, то...

– Так это – ваш сын... – Меняюсь на глазах, словно меня деформирует в разные стороны. – Ваш сын всё выдумал себе, он живёт в иллюзорном мире, понимаете? А меня он совсем не знает, какая я. Да ему, в принципе, и не важно, понимаете? Он и меня выдумал «ОТ и ДО».

Она ошеломлённо смотрит на изменение образа. На те метаморфозы... И сама меняется в лице от ужаса. Она полностью убита. Понимает: вот влезла, так уж встряла, и вряд ли буду я впредь любезна с её сыном.

– Извините...

И удаляется.

Помнится, более молодой человек для частных бесед не являлся. А если позже изредка мы и сталкивались в зале, то исключительно по долгу службы.

Я и забыла эту историю.

Но, уже с бородкой (даже и не узнала!), он приблизился, поприветствовал... По моему взгляду понимает, что стоит напомнить. И он напомнил:

– Помните, К ВАМ ОДНАЖДЫ ПРИХОДИЛА МОЯ МАМА...

Видимо, надолго врезался в память и визит мамы, и последовавшее затем разоблачение.

– А я женился, – зачем-то говорит он.

Киваю:

– Поздравляю.

И что-то в лице его выдает: он НИКОГДА больше не делился своими соображениями по поводу девушек – с мамой...

Я смотрю на него. Он – на меня. Нам не о чем говорить... И – лёгкая тень сожаления. Обоюдного...

Тихо кивнул головой, отходит... И я с сожалением провожаю взглядом его спину...

С тех пор мы кивали друг другу. Издалека.

Если мамы столь плотно опекают своих сынишек, то сколько же разочарований тем предстоит! Когда выдумки не будут соответствовать реальности...

...И вот, спустя многие лета, проведённая через все виды подлости и предательства и продолжающая в них бултыхаться, иду, печально размышляя на тему очередного неблагопристойного поступка относительно собственной персоны...

Уже взрослая и местами состоявшаяся. Единственно, в чём так и не состоявшаяся – так это в любви. Любви как в некоем божественном субстрате...

И мысль *ея* посещает: «А если ему когда-либо и следовало появиться, ему, любимому, единственному, неповторимому... то пусть сейчас, сию секунду, когда так плохо и беспроглядно...»

Она подумала...

С пригорка обозрима площадь, забитая народом.

Видимо, час прухи и давки – нечего и мечтать быстро уехать...

(А как раз тот год и случай, когда все-все проблемы, накопленные за предыдущую жизнь, сгруппировались, обступили и потребовали немедленного решения. И именно сейчас – вижу ангела с лопатой, слетевшего всё это разгрести.)

Так вот. Сонмы молниеносно раздувает ветром – чистая площадь. Лишь я. И – он.

Единственный, не забывавший про День Валентина...

Радость неопиcуемая. С обеих сторон.

– Как хорошо, что я вас встретила! – щебечу, хотя ещё назад минуту еле-еле мирилась с действительностью. – Мы так неожиданно потерялись тогда.

– Да, вы вышли замуж, сменили фамилию... – согласился он. – Никто не знал, где вы живёте...

Ба! (Все знали...) Ничего этого не было, но, видимо, театральные доброхоты порадели...

Но – не спешу разуверять – замужем так замужем, пусть предполагает благоприятное. Но не в этом дело, самое главное...

–... у вас ребёнок родился.

Столбенею: он в курсе всего, со мной происходившего, следовательно, интересовался...

И внезапно спрашиваю:

– А вы могли бы мне помочь...

– Охотно! – с живостью соглашается он.

– ...наказать подлость? – продолжаю я.

– А как? – словно всю жизнь только этим и занимался, с готовностью ухватился он. – Что нужно делать?

– Ничего. Просто: звонок в дверь. И вы – открываете, в тапочках и халате.

– И всё? – смеющимися глазами смотрит он.

– Собственно, да, – киваю я.

И даю телефон. Всё, что успела... И меня перекрывает огромная тень: кого совсем не ожидала зреть – знакомый сектант.

– Мой троллейбус. Вы – со мной? – интересуется заговорщик.

Но видит вцепившегося с разговорами типа и – моё обескураженное лицо. Всё-то понимает:

– Тут я вас и оставляю... – раскланивается Грей. – Значит, я позвоню?

– Конечно!

НО ВСЁ ПОШЛО НЕ ТАК – и полгода меня не было по данным координатам...

Упущенная красивая возможность...

Финал...

Глава XXV

ОПУСТОШАЮЩИЙ НАБЕГ

Ведь был и ещё персонаж, вплотную не вошедший в мою жизнь, но наследивший порядочно. Не будь этой встречи, не было бы и другой... Ничего бы не было...

Пират с тяжёлой челюстью и в чёрной косынке. Он просто ворвался на мою игровую площадку. Буквально.

Сияло солнце, отражаясь во всех стёклах и мраморе, и вдруг... в вестибюль вломились два... я бы сказала – очень пьяных... и сказала бы – отморозка, если бы не дальнейшие события... Так вот, ворвались и стали всё крушить, рвать афиши, уничтожать репертуар, опрокидывать стенды...

Шок полнейший, ибо... Ибо, не взирая на отсутствие доступа в вестибюль и замкнутое пространство, Я ЗА ЭТО ПРОСТРАНСТВО ОТВЕЧАЛА, за всё, что в нём происходило. Не имея возможности в него попасть с этой стороны зазеркалья, могла воздействовать на «бандюэлей» чисто риторически. Но в данной ситуации они б меня и не слышали – так увлечённо всё уничтожали и ворочали... А после – исчезли. А я осталась, ошеломлённая. Обескураженная. Но недолго.

Вечером, запирая сейф и собираясь, внезапно ощущаю спинным мозгом блондина, оборачиваюсь – и вижу одного из тех, двоих. Совершенно трезвый. И глаза оттаявшие. Похож на домашнего сытого кота, который смотрит на мышку, и ясно, есть он её не станет, ну, просто слегка поохотится... Не съест, так лапкой поваляет...

А скорее, и двигаться не станет: хорошо ему, утром напрыгался.

– Я что пришёл-то, – начал отвечать на мой немой вопрос блондин. – Утром мы тут немного... того... Так вот, мне просто сказали, здесь, мол, такой необыкновенный человек, дай, думаю, проверю...

– Кто сказал? – устало сажусь на стульчик, вяло спрашиваю: мне не интересно (в морду бы тому плюнуть, кто сказал).

Хочется жрать. И спать. Пожрать побольше. А поспать подольше...

– Да, одна... Так вот, никакая ты не необыкновенная, а самая обычная. И реакция у тебя на всё это, – показал на еврейский погром, – обыкновенная.

Подождал минутку – нет реакции, и закончил, собираясь на выход.

– А чего зашёл-то... Я сюда больше не приду, пока.

– До свидания, – кивнула я.

Собственно, «больше» и не надо.

Уходит. Большой и белый.

А утром... Едва открылась лавочка: бзинь – фигура. И с таким удивлением говорит:

– Вот! Пришёл!

А куда бы ты делся! Внутренне не то чтоб обрадовалась, а просто довольство: лишняя звёздочка на фюзеляж...

«...Значит, всё как всегда и дело к войне...»

Глава XXVI

ТЕАТР ВНУТРИ И В ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

Приколист он, пожалуй, был ещё тот...

Однажды заскочил забрать меня на свой день рождения: в одном джемпере, с мокрой башкой – под бриолином, повязанной банданой на манер пиратского платка, тяжёлые глаза, тяжёлый же подбородок, тонкий хрящевидный нос... (если я сомневалась: идти или нет в компанию, где никого не знала, то, увидев его практически голым в конце декабря (без машины – живёт напротив), я дрогнула).

Бабушки-билетёры ужаснулись при его виде:

– Зимой – в одной косынке!

От них и пошло его прозвище...

В другой раз, взявшись организовывать выставку, поехал к потенциальному спонсору в абсолютно пижонском виде: стрижка «а-ля Фёдорoff», немыслимый галстук и чуть ли не смокинг, а там «прикинь, два мурла, задолбанных нелегальным бизнесом, – в зачуханном офисе, в бронежилетах, морды небритые, глаза от неспячки воспалённые...»

Посмотрели на него – НА ТАКОГО... И денег, естественно, не дали... Хотя первоначально: «Вы нам – рекламу. Мы вам – бабло...» Но... нефиг тут расхаживать – при бабочке и бриолине! «Пока русский народ с голоду пухнет!»

...Всё время для завершённости образа хотелось подарить ему пижонский оранжевый галстук... К невообразимо зелёным, тяжёлым глазам...

«ПОЙДЁМ НАВЕРХ!»

В один прекрасный момент потребовалась контрастная фотография для периодического издания – чёрно-белая и в интерьерах теа-

тра. Людовик, он же персонаж из «Опасных связей», носит за мной кресла, выбирая с фотографом лучшее освещение и ракурс. Я с обречённо-удручённым видом следую их маршруту...

Для фото надо было зверски выразительно накрасить глаза, что, собственно, и сделано – зверски...

Со стороны всё это мельтешение с мебелью чудовищно напоминает сцену из «Опасных связей», где Вальмон таскает за героиней кушетку, и его знаменитое: «Пойдём наверх!», где, собственно, и происходит сцена соблазнения...

И вот, испробовав все возможные позиции, но не найдя нужного освещения, интерьера, ракурса, Людовик вдруг оборачивается и произносит коронное:

– Пойдём наверх?! – игриво поводя бровями.

Я как заору дико:

– НЕТ!

Фотограф едва не роняет свои объективы...

...Был у них на курсе трогательный перспективный мальчик, подающий бо-ольшие надежды – прокаченный и с совершенно детскими пухлыми щёчками. Этот – играет как-то застенчиво и особенно чистенько светится улыбкой... Имя моё произносит с простецки-панибратским окончанием, и сам, с завидной регулярностью качаясь в тренажёрной, заходит, поигрывая мышцОй:

– Идём! – Бодибилдерская стойка. – Подкачаемся? – И мордаха при этом уморительная...

(Это – я-то?.. Помнится, однажды дома решила позаниматься: легла на пол, закинула ручонки с гантельками за голову – там ручки и остались...)

После ряда коллизий... то Маэстро требует сбросить мышечную массу... то отрастить бороду – то то, то другое... И наконец, юноша и вовсе исчезает из театра... И спустя время вдруг появляется: крутяга, весь в «коже», бороде и, что странно, с еле уловимым акцентом! Ушёл с головой в коммерцию... И лишь по круглой кошачьей рожице узнаётся прежний он.

– Ба! – ошарашена я. – Ты та-ак стал похож на татарина...

– Ещё бы! Так я с ними работаю! – Подразумевается полнейшее вхождение без остатка в предлагаемые обстоятельства и декорации...

А жаль... Такой лучик света скользил в «Чевенгуре» и в стенах театра вообще... Впрочем, выкрашенного почему-то теперь в абсолютно чёрный цвет... Каким-то чудом забыли замазать сажей потолок в моём закутке... И это – единственное белое пятно во всём здании...

ЯБЛОКИ И ГИЛЬОТИНА

...Коровьев, вернувшись из отпуска, привозит два совершенно огромных, размером с дыню, яблока, завёрнутых в фольгу – и не про-

лезящих в стеклянную нишку, и ему приходится обежать театр и зайти со служебного – из-за яблок... Глядя на монстрически огромные плоды, предполагаю их чернобыльское происхождение...

Он же как-то зашёл и доверительно посетовал на редеющие волосы:

– Ты не знаешь средств от облысения?

– Гильотина, – брякнула я первое, что ближе лежало...

Он:

– Спа-асибо! – И глаза...

Стало слегка стыдно... самую малость... А он так долго и пристально глядит, хотя я уже ощутила и вполне (нефиг жрать чернобыльские яблоки!).

Ну, что поделаешь – нет во мне прежнего фанатского трепета... Да и был ли?

Глава XXVII

ВСЕГО ДВА СЛОВА, НО КАКИХ!

Ещё в питерский период, когда мы только-только познакомились с Психологиней и жизнь была по-летнему прекрасна, расположена анфас, в тот же самый промежуток у неё вдруг нарисовался случайный командировочный любовник. У него был стиль взрослого, добротного, делового женатого мена, напористого, хваткого, то есть то, что надо.

Он мог проходить сквозь стены и заслоны, а мне импонировала способность устранять препятствия, ибо сама пока не обладала сим даром. Позже, уже без Психологини, узнала: он занят в теневой экономике. А пока – видела то, что показывали.

Пройти через «кордон» наших бабушек невозможно. Но не ему. Секунда – и он уже по-хозяйски проходит в святое святых, располагается на стуле, ОБЛОКОТЯСЬ О СЕЙФ. При виде подобной наглости питерские дядечки-интеллигенты помрачнели:

– Молодой человек, как вы сюда вошли?

– Как и все: через дверь, – как ни в чём не бывало отвечает теневик.

– А сюда нельзя посторонним.

– А кто здесь посторонний? – прищурившись, смотрит на него наглый гость.

Секунду стоит тишина. Я в ужасе. Но с интересом наблюдаю, чья возьмёт. Ещё не утратив способность краснеть и бледнеть от двусмысленностей – ни жива ни мертва.

– Вы – посторонний. И прошу... – Жест – на выход.

– Во-первых, на двери не написано, что посторонним вход воспрещён. А во-вторых, может, я – ОБХСС? – так же развязно заявляет он. – А ну-ка, предъявите всю наличность и накладные.

– Ах, так!.. – начинает кипятиться шеф. – Предъявите удостоверение!

– Один-один, – соглашается теневик.

Впоследствии он проходит беспрепятственно. И мои петербуржцы, нахохлившись, терпят его наглое присутствие...

Не в его стиле ожидать на входе, на подхвате.

Она приближается, озираясь, и спрашивает, не подходил ли?

Лицо озабоченное – видимо, долго ждала на ступенях.

– Подходил, – киваю я.

– Ушёл? – ещё более растерялась она.

Отгибаю уголок шторки – и она видит удобно разместившегося его.

Полнейшая неожиданность.

И – неприятная тень мелькнула по её лицу.

Говорю, что дам ему отнести розы на поклон (Фёдору Иоаннычу).

Она:

– Он не пойдёт, – уверена в предмете.

– Почему?

– Потому что ОН ВЗРОСЛЫЙ И СЕРЬЁЗНЫЙ МУЖЧИНА.

Тогда обращаюсь непосредственно к нему. И... ОН ПОШЁЛ на сцену и очень даже быстро! Вижу: на спине и под коленями светлый костюм изрядно замят. Одним словом – командировочный...

Ей было неприятно ошибиться в прогнозах... Внутри неё назревал негатив, но она сдерживала его...

Итак, нас развело. А после и вовсе она уехала в Москву – удачный брак по расчёту...

Но вот он, приезжая, непременно наносил визиты. По старой памяти. То ли в память о ней. То ли в память ярких впечатлений того лета...

Последнее появление совпало с концом зимы. Вечер, к завершению – рабочий день... Вдруг стремительно к парадному подъезжает шикарное бандитское авто вишнёвого цвета – и врывается он. С невероятным шумом, радостью и эмоциональным всплеском. Даже немыслимо, что один человек может создать подобное движение воздушных масс...

Я жутко обрадовалась, увидев его (привет из далёкой юности...).

– ТЫ!

– Я! Закрывай лавочку быстрее!

А как быстрее? Там зима, сугробы, гололёд... Ему некогда дожидаться – подхватывает на руки – и бегом к машине.

У него всего два дня.

– Как ты удачно появился – у меня выставка ещё не закрылась, – лопочу я.

– Завтра заскочу. Ты будешь там?

– Нет. Но там книга отзывов.

– Напишу.

Они с коллегой, и времени в обрез.

А ближе к вечеру сижу вся в трудах – и опять врывается с шумом и грохотом теневик да с преогромным и толстенным альбомом по живописи...

Восторг полнейший.

– Ну, как тебе?

Разводит руками:

– Вообще!

– А что ты написал?

– После считаешь.

– А как я узнаю, ты подписался хотя бы?

– Подписался.

Посидели, поболтали о том о сём, обнялись, как братаны, на прощанье...

Позднее, демонтируя выставку, я листаю лихорадочно книгу откликов: не то, не то, опять не то... И внезапно ОБНАРУЖАЮ Его. Буквально два слова. Но какие!

«ЭТО – О... ТЕЛЬНО!» (И имя.)

Глава XXVIII

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СРЕЗКИ

Присутствие ТАКОГО психолога в театре всех возбудило на тесты и анкеты. Мы с Вампирёзой просто-таки открыли филиал астрологический на базе кассы. И – даже народные! – потянулись вереницей... Уморительно, сколь доверчивы люди... Заходят, в администраторской восседает Вамп, с рунами, картами, узелками, монетками...

– Ну, и где у вас тут судьбу предсказывают?

– Там, – кивает на стеклянную стену. – А я – её заместитель!

Коровьев приносит тесты, американские. Деловито опрашивает. Выясняется: всерьёз и навечно я влюблялась 25 раз... И резюме, с осуждением во взоре и голосе:

– Значит, ты никого никогда не любила! А со всеми кокетничашь... Всем улыбнуться – никому не данься. Так нельзя!

Лзя! Героев нет, одни любовники...

Заходит под вечерок Троль... Смущённо разговариваем, ёрзаем каждый на своём стульчике.

Вдруг – барабанная дробь по стеклу, торопливо... Отодвигаю стёклышко – и каскад, россыпь, поток сверкающих бликов, горя и переливаясь карнавално, с хрустом просто-таки новогодним обрушивается на стол. Благодарный зритель, мужчина, ничего не говоря, удаляется. А я сижу – по плечи в шоколадных, разных, больших и малых сладостях, румяная от удовольствия и предвкушения. Поднимаю счастливые глаза на Троля. А он – растерянно и озадаченно:

– Эх... а я тебя всё «орбитом без сахара» угощаю...

ЭТО – ВСЁ...

Не пропускаю ни единого спектакля с Герцогом... Раз в месяц иду. В предвкушении. Наизусть знаю знакомые жесты, мизансцены, речи...

В конце первого акта Герцог с факелом в руке, обнажённый по пояс, в лайковых штанах и ботфортах с четырёхугольными носами, будто светоч несущий, убегает в глубь необозримой сцены, и долго-долго под выстрелы видны его фигура и крестно расходящиеся лучи пламени, преломлённого экраном...

Сколько казусов происходило за всё это время!..

То героиня, близоруко наклоняясь над подсвечником, загоралась – и огонь молниеносно взвивался по её шикарным волосам... Тон густых, роскошных по длине волос, такой необычайный, вроде бы и каштановый, и в то же время – красного дерева, но с каким-то лиловато-ежевичным отливом...

Герцог бросался гасить пожарище... (И так дважды.) Жуткое дело... Ещё пара спектаклей – и героиня облысела бы (буквально сгорела на работе).

То вдруг в поднебесье на тросе застревала Помпадур – ни тпру ни ну...

То вдруг вспыхивал плащ на Фортуне (в дублирующем исполнении Маргаритищи...)

Да мало ли...

В этот раз он, будто античный герой, убегает под выстрелы...
Конец первого акта.

Антракт.

И второй акт подозрительно долго не начинают...

Зрители прохаживаются туда-сюда, фланируют в буфет и обратно. Наконец – звонок.

И...

Я не узнаю Герцога: он немыслимо бледен, походка нетверда, губы совершенно бескровны, серы; одни глаза сверкают лихорадочно (алмазной обработки...).

И по ходу спектакля ощущается, что все слегка растеряны. А Герцогу всё хуже и хуже... И наконец он хромает и еле-еле движется, и его знобит, и речь замедляется. И спектакль идёт в ускоренном темпе, с сокращениями. И вот финальная сцена: он сидит перед казнью в темнице на изящно-медвежьем, грубо струганном табурете, с выпилом по центру, мертвенно-белый, лицо сливается по цвету с кудрями, в предобморочном состоянии, вытянув несгибаемую ногу, и не может встать...

И Бегемот подходит его бить (они в самом начале условились биться по-настоящему, без дураков, и всякий раз эпизод избиения чудовищен своим натурализмом). На сей раз Герцог кое-как приподнялся с табурета, нетвёрдо стоя, ждёт, а палач Бегемот смурно надвигается – и, охватив его, что-то шепчет на ухо. Затем замахивается, один удар – Лозен на полу. Финиш. Встать он уже не смог.

На поклон выходят без главного героя.

– Какие мы гордые, даже на поклон не вышел! – цедит соседка по зрелищу.

Все какое-то время стоя аплодируют, надеясь вызвать Герцога. Тщетно.

И все расходятся. (На полчаса раньше обычного.)

Это то, что видим мы.

Ракурс изнутри:

Бег. Хлопки выстрелов... И вдруг истошно, в темноте кулис:

– ...Убили!

Все бросаются на подмостки – и видят скомканного калачиком, с поджатыми к подбородку коленями, растерзанного на досках настила, буквально в луже крови – его, блондина... Он корчится, катается, а из живота, как всем почудилось, хлещет кровь...

(«Он обычно такой огромный, а здесь какой-то маленький-маленький на полу... Так страшно...» – поделилась очевидица.)

Но, слава Богу, вечно отсутствующий театральный доктор (по совместительству бармен) в этот вечер оказался на рабочем месте. (Редкий случай. Обычно он где-то «левачит».)

И следующим днём мрачно делится со мной:

– Вот странное дело, когда кому-то херовато – я всегда на своём месте. Вот его застрелили – я тут как тут. Опять же, с Маргаритой предынфаркт – я в наличии... А не окажись меня вчера – он бы до скорой помощи ещё скончался б от кровопотери. Чуть-чуть – и аорта. И всё, ага...

Когда Герцога разжали – видят: бедро пробито. Перетянули. «Скорая» ждёт у служебного крыльца, а он – доигрывает второй акт... И то, что созерцала я – и бледность, и озноб, и вмиг помертвевшие уста, и стук зубовный, – объяснялось мощной потерей крови, вытекающей из него по ходу действия...

Заходит Фортуна № 1 Помпадур, блистательная, манкая блондинка, по совместительству супруга Палача:

– Как мы вчера перепугались, думали, застрелили насмерть наш секс-символ... Зато! Подстрелили Герцога – и спектакль живее пошёл!

Постфактум: администрация театра, установив личность покусителя, твёрдо намеревалась примерно покарать снайпера и передать в руки правосудия. Но Герцог, узнав имя обидчика, мрачно так заметил:

– Не надо. Мы с ним сами по-мужски разберёмся. Это НАШЕ С НИМ ДЕЛО...

Но, сдаётся, ещё многие и многие обиженные мужья пытались свети с ним счёты, карауля из-за угла и по большим дорогам...

...А ведь, рассчитай правильно немислимую длину аристократических ног – и стрелок действительно мог бы попасть туда, куда целился...

Ассоциативный ряд: «...что мне нравится в чёрных лебедях, так это их красные носы...» – «...что мне нравится в гусаках, так это их белые штаны...»

Коту Бегемоту надлежало играть Императора. При гренадерской комплекции и пышнотелости на него надели мундирчик, лосины... – и ВСЁ... Во-первых, ОН И САМ не знал, как бы этак сложить пух-

лые ручки, чтоб заретушировать излишнюю откровенность костюма... Мужские достоинства так и пёрли из лосин... Во-вторых, все взоры просто-таки автоматически примагничивались к огрехам художника по костюмам.

Первые спектакли Император предельно скован лосинами. В прямом и переносном... И всё пытается занять более выгодную позу, уйти в тень. Спустя время неудобства исчезли, он понял выигрешность ситуации и, отправляясь из-за кулис на реплику, бросает гордо:

– Эх! В этих штанах есть чем поиграть!

КИТАЙСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ

Меня бранят за подростков, сидящих и греющихся на батарее и регулярно отрывающих трубу. Отчитывают же все кому не лень: водопроводчики, уборщицы, контролёры, администраторы:

– Безобразия! Вы б хоть объявление повесили, чтоб не садились!

Знаю по опыту: объявления не возымеют... Но, доведённая до отчаянья, беру перо, чёрную тушь – и от руки, почти по-китайски вывожу нижеследующее:

«НЕ САДИТЕСЬ НА БАТАРЕЮ ПОПОЙ, А ТО ОТВАЛИТСЯ».

Эффект – ошеломляющ.

Подходят любители погреться, смотрят на призыв, на меня, на трубу, на свои попы:

– А что отвалится – попа или батарея?

– И то, и другое, – нарочито мрачно изрекаю.

Покатываются со смеху – и не претендуют.

Долгое время зрители хохочут, подходя.

Но! администрация зла как сто чертей, однако не ропщет, хмуро терпит, ибо! не течёт же!

О, ТЯЖЕЛА ТЫ...

В питерский же сезон выдалась жара невероятная. Тридцать пять. В зале не продохнуть, без кондиционеров, без вентиляции, без движения воздуха. И хотя держали распахнутыми все «карманы», все запасные и боковые ходы – мало помогало.

В зале – только хруст и шелест: словно тутовые шелкопряды, шуршат программки, афишки, газетки, веера, опахала и опахальца...

И вот на фоне этого пекла – трилогия Толстого, от Фёдора Иоанныча до Бориса Годунова... Вообразите себе: спектакль крупнобюджетный: меха, норки, соболя да парча. И всё это боярство и царство – в жутких своих шубах, на грани теплового удара – сверкает золотом, подобно золотым рыбам, и так же дышит, и глаза уже вылазят на соболиные папахы...

Шикарный спектакль.

Из удушенного партера происходящее на сцене смотрится почти как фильм ужасов. Только пострашнее. Ибо все мы здесь в одной парилке... душилке... морилке...

И вот заговор, попытка подмены царицы, и Иоанныч кричит: «Ишь, чего удумали, мою Аринушку!.. – и т.д... – Я АЖ ВСПОТЕЛ».

Бурные овации и хохот из зала.

А у царя – хотя бы реальный повод промокнуть пот, струящийся по лицу.

Нет, я всё понимаю. Кроме платья, весом в 17 кг. Это шитьё, стразы, корсеты, кринолины, шлейфы, фалды.. Но чтоб ВСЁ ЭТО – на металлической сетке... Сродни средневековому садо-мазо. А внутри этой роскоши – наша Маргаритица. Измучена, задавлена, споткнулась, упала – и встать не смогла...

Глава ХХІХ

ЛЮДИ И МЫШИ. СТЕЙНБЕК

(театр как он есть)

Пензенский спектакль «Люди и мыши» чрезвычайно будоражит... Хочется посмотреть, КАКОЙ ОН ИЗНУТРИ. И, улучив момент, когда декорации выстроены, а в театре – ни души, ни освещения, я УГЛУБЛЯЮСЬ В ГЛУБЬ постановочного материала.

И первое: острый, щекочущий запах слежавшегося сена, хлева и конюшен бьёт по ноздрям. Жадно затягиваюсь... С мешков, тюков, с сеновала – опрометью прыгивают и россыпью исчезают во мраке кулис дикие театральные камышовые кошки. Заманчиво и красиво бликующий из зрительного зала источник оказывается жестяным поддоном с водой.

Я тихо стою среди живых запахов, в полнейшем беззвучии и сумерках – и наслаждаюсь фактурой... Долго дышать прелым силосом трудно и тяжко. Постояв несколько минут ВНУТРИ, так же осторожно удаляюсь – исхожу...

Кошки, отслеживавшие из разных уголков мрака горящими точечками глаз, потихоньку стягиваются на насиженные места...

Я полностью удовлетворена.

В другой раз надо короткой перебежкой пересечь наискосок зал и нырнуть за кулисы. Но в сумраке сцены стоят люди и тихо беседуют... Отступаю и жду. Жду полчаса. И вновь заглядываю. Но фигуры в сценических платьях никуда не ушли. И я опять жду.

Наконец рискую. И крадучись проникаю в закулисы, повернуть за угол – и уже на проходной, но, ступив на подмости, вдруг прыгиваю и едва не визжу от ужаса: то, что принимала за женские фигуры, оказывается безликими манекенами.

Причём позже выясняется, что и все, пробегая мимо сцены, шаркались и вскрикивали с непривычки: мрак, группа людей, живое шевеление ткани и перьев на сквозняке, а на поверку – куклы.

Слабость нервинки людям театра не свойственна. Чужеродные людские частички проносились по пищеварительной системе театра быстро. Лица мелькали нескончаемым потоком. Каждый месяц – новые лица, через два – уж и не вспомнишь имени. Ортодоксы вообще не приживались. На фоне вечного капустаника.

Если человеке ходит ошарашенно, с чугунным лицом или, наоборот, чрезвычайно изумлённо округляет глаза от всего происходящего – его снесёт вниз по течению. Текучесть страшная. Будто по судходной реке сплавляют брёвна. А среди них – возвышаются суда, чей порт приписки постоянен. ...Сквозняком проносит мимо мусор, кошек и мужчин...

Никто точно не уверен, не вылетит ли он завтра с треском из одной двери в другую, общая неустойка и мандраж. Достаточно неловкого движения – над тобой проносится меч карающий, и ты свободен – никто не заступится.

Но уж те, кто остался... такие зубы!

Мы все друг другу улыбаемся. Но не успеешь моргнуть глазом – и твой рабочий график уже не соответствует договору на два часа в обе стороны. За ту же зарплату.

И стоит проглотить одно хамство – как вот ты уже выполняешь чужую работу, без прибавки к жалованью, на общественных началах... И постепенно ты уже становишься питательным бульоном для хреновой прорвы паразитов. И они размножаются вокруг со страшной силой.

Глава XXX

ОРАНЖЕВЫЕ ЗЕРКАЛЬНЫЕ ФОНАРИ

(фонаришки, фонарята, фонарели фонари...)

Переворот.

В связи с ним в театр сослали группу чиновников – не выгонять же на улицу...

Все они были идеологами. И, собираясь втроём за стеклянной перегородкой, начинали митинговать друг перед другом. Забывая, что их не только хорошо слышно, но в зеркалах ещё и отлично видно. Слушать их воистину пламенные лозунги было забавно. Дядька, у которого в складках губ постоянно скапливалась слюна, и это отвлекало подчинённых вроде меня, орал, что ВСЕХ ИХ надо повесить на столбах...

Тётка, чья фамилия – прямо производное от древесины, сетовала и стенала: безобразие, мол, раньше мы когда-либо стояли в очередях? всё на дом... Ужасно, мол, всё одним днём потерять.

– Эти-то, – кивок в мою сторону, – никогда ничего не имели! Им и терять нечего!

И я живёхонько представляла (пластилиновая мультипликация), как эта самая тётка, в кожанке Щорса, в бурке Чапая, в красной

косынке, с наганом поперёк необъятного бюста, в восьмой раз приходит экспроприировать имущество моих деда и бабки. А те уже заранее прикрутили мебель к полу и зарыли столовое серебро и драгоценные империалы в хлеву.

Но, с другой стороны, может, как раз в её буфетах-сервантах и стоит наша фамильная столовая утварь...

Опосля, по счастью, слюнявого позвали работать в мэрию... (с его-то опытом партийной работы). И как он, должно быть, радовался, что не успел развесить работодателей по оранжевым зеркальным фонарям...

Но «производное от древесины» осталась и, памятуя о моём спесивом нраве, попыталась истребить меня морально и материально. Поначалу – морально.

Когда на Герцога было совершено очередное преднамеренное, размышляет, отменять следующий спектакль нет ли... и – откровенно нагло, во всеуслышание:

– Или вот, к примеру... Она же у нас без комплексов, пусть на сцене сбает.

Прямое хамство относительно моих недугов выглядит неубедительно. Скорее, по Фрейду: её гнетёт иное – она, ещё, в принципе, не совсем старая женщина, принуждена отсиживаться допоздна на работе даже в собственные семейные праздники, ибо идти-то домой ей ой как не хочется...

– Странно, – удивляются бабули, – день рождения сына, а она бродит в выходной по театру. Спектакль-то давно начался... Странно...

Не странно. Что её ждёт дома: парализованный муж, оставивший её, даму в соку, без элементарных радостей жизни...

Ещё ДО классовой неприязни глаза «древесины» застлала неприязнь чисто женская. Пару-тройку раз отпустив прилюдно колкости по поводу некоей ущербности – вопрос воспитания, не больше – и не заметив результатов, она изменила тактику.

Улучив момент, в ожидании сверхприбыли от супергастролёра, она милостиво ставит всем прочим три процента, а мне – два процента от выручки... И победоносно посматривает в мою сторону с высоты идеологического борца... Предвкушая... Потирая ручки... Но внезапно, не учтя театральные нюансы («скромного обаяния буржуазии»), на выходе столь блистательной, как поначалу казалось, интриги она с ужасом узнаёт: мои-то доходы составили более, чем их, вместе взятые... Кипя и бурля, но не забыв наклеить улыбочку, «ДСП» отворяет дверь, вставляет в мои владения прошитую тиком статью и улыбочиво-елейно молвит:

– Видишь? Я ДАЛА ТЕБЕ ЗАРАБОТАТЬ. С тебя – бутылка коньяка.

Я тоже улыбаюсь, постукивая карандашом по столу (из-за отсутствия того, чем бы постучать внушительнее), и столь же елейно отвечаю:

– Два процента вам от коньяка, два процента!

Далее можно не продолжать...

...С хрустом порубав всех наших бабуленций – культурный доисторический пласт, и навтыкав всюду свои уши и глаза, «древесина» –

«раззудись плечо» – практически выкосила ту изначальную атмосферу «театрального храмовничества», ощущаемого уже на входе, на подступах, на контроле билетиков...

ОБ ОРАНЖЕВЫХ ФОНАРЯХ

(продолжение)

Как-то задвигается Леди Босс (большая, лампу лобызать не возжелавшая). Её и без того огромные, на манер серны, глазища округлены до немислимых пределов... Видимо, она чем-то потрясена... И молвит:

– Представляешь... Слышу на нашем этаже ор, крики, визг, гвалт невообразимый, бросаюсь на помощь... думаю, беда какая-то... А это... – и она без сил оползает на стул, – наши новые ТОВАРИЩИ ПЛАНЁРКУ проводят...

Гробовая пауза...

– Сколько работаю, не припомню, чтоб у нас ТАК орали. Кошмар!

Понятное дело. Огнём и мечом... Они НЕ ВЪЕХАЛИ В СПЕЦИФИКУ ПРОИЗВОДСТВА и взялись со свойственным им рвением РУКОВОДИТЬ. На полном серьёзе. Как, например, заводом, целиной неподнятой или жилконторой...

Впрочем, ВЫЧИСТКА культурного пласта из театральной почвы не была самой удачной из афер. Чуть позднее она провернула операцию гораздо более эффектную: ей удалось заложить в банк ЦЕЛЫЙ ДЕТСКИЙ ТЕАТР, с потрохами, под политические выборы слюняво-го... И всего-то... за три миллиона! Дёшева слеза ребёнка...

ДОКЛЕВАТЬ ПО ЗЁРНЫШКУ, добить, как им казалось, лежащего потянуло всех, кто сколько-нибудь был материально во мне заинтересован. Первыми оживились финансисты, вдруг резко осознав, что с некоторых пор, а именно – с исходом из театра джентльмена-хозяина, за мною никто более не стоит... И возобновили артналёты.

Я, допустим, искренно не понимала, почему за отмену спектакля должна выплачивать разницу театру из собственного кармана. Или отчего, если требовалось срочно в конце дня выплатить гонорар столичной художнице по костюмам, её вели ко мне, «по приходному ордеру» изымали деньги из сейфа, отслюнивали жалованье, а когда та улетала, то требовали с меня возместить ущерб...

Раньше одним звонком джентльмену-с-римским-профилем я прекращала подобные безобразия раз и навсегда. Тётки-«сродственницы» злобно зыркали в мою сторону, но проворачивать махинации не решались.

Но однажды главная мародёрша возникает в моих владениях и победоносно требует:

– А ну-ка, покажи-ка мне накладную!..

(За поза-поза-позапрошлый год, месяц такой-то, число такое-то! Доледниковый период мезозойской эры...)

– Минуточку... – отвечаю.

И начинаю из обширного бюро доставать, стопка за стопкой, пожелтевшие, пропылённые, ссохшиеся от клея и времён гроссбухи и сооружать из них на двухтумбовом столе китайскую стену. Недобро и с сожалением окидывая все эти залежи, она меняется в лице.

– Так, месяц, число... – разворачиваю с хрустом подборку-подклейку-подшивку я и отманикюренным пальцем отслюниваю свалевшиеся бланки. – Какое, вы говорите, вас интересует?

Но не успеваю до конца слово молвить, как тётка – в сердцах:

– Ну, ты тут... развела... бюрократию!

И в гневе ушла ещё лет на несколько.

Но всё ещё вынашивая планы при ветре перемен счесать с меня золотое руно...

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

Начало зимы. Холодно, темно, одиноко.

Подле возвышается Джо, пытаюсь кое-как мною развлечься. Но. Плавники моей души плещут вяло, ибо устала, продрогла, оголодала и жду окончания работы. Разговор не клеится и не может клеиться, поелику персонаж изрядно надоел мне по ПРОШЛЫМ ЖИЗНЯМ.

(И! Тем не менее. Именно Джо принёс как-то в начале славных дел книгу Кобо Абэ. И среди жутких рассказов задел самый наизытчайший, где девочка всё время уменьшалась в размерах, в конце концов столь истаяла, что её попросту не заметили в креслах – и сели на неё... Шевельнулось: а ведь и я... и со мною не станут церемониться...)

Внезапно появляется совершенно убойный тип, типаж – упитый и утасканный в дым. Зашёл бодро, но, увидев часового, поубавил прыть и стал ожидать ухода, почтя его за посетителя.

Но и ДЖО выжидал того же самого. Иронически осматривая забулдыгу и кивнув:

– Ну, попёр зритель.

Наконец тот приближается и, хотя неприятен свидетель как таковой, вдруг достаёт из широких штанин золотые серьги и говорит:

– Купи, хозяйка, дёшево отдам.

НИКТО И НИКОГДА не подъезжал с подобного рода предложениями. Опешила, смотрю то на мужика, то на серьги. А они из тех, старушечьих, не изящной работы, без камней, без изысков, а просто две громадные полусферы – ни уму ни сердцу – булгы.

Конечно, в стране и глад, и мор. Конечно, торгаш похож на выносящего последнее из дому. Но. Что-то есть во всём этом... чудовищное. И сама ситуация неожиданная, противоестественная, провокационная. И сами украшения... чуть ли не с патиной времени... Это не те, кои только что носили на теле, и не те, долго пролежавшие в бархатной коробочке в комод... Мысленно, словно в тотальной мультипликации или комбинированной съёмке, молниеносно проношусь неким путём в замкнутом, абсолютно чёрном пространстве и внезапно понимаю, ОТКУДА эти серьги.

– А серёжки-то с ушками, – говорю минуту спустя.
Рожа, точнее даже, мурло становится злобным и отвечает:
– Я же тебе ушки не предлагаю. А только серьги.

Отшатываюсь. Будь одна, он нахамил бы больше. Но присутствие охраны...

И тут Джо, которому уже было НАСТОЛЬКО НЕЧЕГО терять в моих глазах, неожиданно стал торговаться, предлагать тому подождать, пока сходит за деньгами.

– Сколько ждать? – интересуется хмырь.

– Полчаса.

– Нет, – боязливо отбрыкивается тот.

– Тогда идём со мной, я бабки вынесу.

– Никуда не пойду! – И ретируется.

С любопытством озираю неуловимого Джо.

– Ты, что, в самом деле не понимаешь, что он гробокопатель?

– А мне-то по барабану. Золото не пахнет.

Во-от. Стала бы я втирать о памяти вещества, заключенной в кристаллической решётке или в молекулярном строении. Особенно металла и камня...

– И ты бы в самом деле купил? У этого? Шутить?

– Ха! Купил! Треснул бы по башке – и дело с концом!

Непонятно, прикалывается или откровенен.

Но – сам факт: ни в пивную, ни в гастроном, ни в ларёк, куда и логичнее, и дневная выручка больше, – но в драмтеатр... Нонсенс.

Если случайность, то не повторится. А если злая шутка, подстава, то повторится. До трёх раз.

Минуло около месяца. И подходит тип. А двое подельников толпятся на паперти. Оценив ситуацию, жду. И «алкач» предлагает мужское обручальное кольцо. Кольцо только что снятое, сверкающее, тёплое живой энергетикой. Интересен сам факт: откуда дровишки? Ибо, будь оно родное, он бы его заложил лет десять назад.

В этот раз я одна. И стоило выпроводить посетителя с треском вон, как вдруг... Дверь спустя пять минут отворяется – и является «древесинушка». Довольно неожиданно для этого времени суток. И, улыбаясь той самой плотоядной улыбкой насытившегося крокодила, вопрошает:

– Ну, как идёт торговля?

– Бойко, – отвечаю я. – Эльдорадо.

Хотя из наших, театральных, никто и ни в коем разе не назовёт сие торговлей, а по-особенному: распространением билетов.

Случайность... совпадение... закономерность...

И – что вы думаете?! Ровно через месяц – регулы! – вновь идёт. И по общему виду догадываюсь, ЧТО ЛЕЖИТ У НЕГО В КАРМАШКЕ.

Леплю не менее плотоядную улыбочку, предвкушаю.

– Хозяйка, золотом интересуешься?

Отрицательно повела головой. И вдруг – ОСЕНИЛО! – вдогонку:

– Привет передавайте... – И адресата называю.

Ничего не ответив, кивнул, ушёл.

Более ходяков не было...

И – наконец-то! – выстроив стройную систему интриг, доносов, подсижки, дабы свалить-таки меня, маленькую, идеолог достигает вождя деленного...

И вот мы сидим (лето, жара) с девчонкой из тайной канцелярии, пьем французское шампанское за моё увольнение. И – внезапно – все подспуды начинают выпластовываться на поверхность.

– Удивительно, как ты спокойно относишься к увольнению, – молвит сотрудница. – По-моему, ты меньше волнуешься, чем людоедка.

– А она-то что разволновалась? – недоумеваю я.

– Да как же! Да она, наверно, ночей не спала, когда узнала, что ты первая по театру на получение квартиры. Всё к шефу бегала, справлялась, как продвигаются твои дела. Было очевидно, что она все силы приложит, чтоб ты этой квартиры не получила.

Ба! Я, никогда не интересовавшаяся своими собственными квартирными продвижениями, и она – ночей не «спамши», в лице переменившись, только этим и интересовавшаяся...

Чудеса! Ай да «дерево»! Отдать должное: железная хватка. Инстинкт отнять и поделить вьелся в её гены, и она просто ничего не может с собой поделить, чисто аутически ведёт захватнические войны и мародёрствует где придётся, независимо от желания. Так её запрограммировали...

Но после и ещё три обстоятельства возникли и суммировались в памяти. Не то чтобы сие было полнейшей для меня неожиданностью, но всё тут же выстроилось в логическую цепь.

Ведь ещё в декабре ко мне уже подъезжал суетливый пройдох с их стороны: нюхал вокруг меня атмосферу (как говорю: толкал носом воздух), т. е., ЗНАЮ ЛИ Я, что вот-вот на меня рухнет такое счастье.

Я – не знала.

И тогда он предложил СРОЧНО уступить ему всю-всю документацию. Но, даже уходя огородами и избегая встреч с «коммерсантом», я не удосужилась узнать, а отчего, собственно, вокруг меня вдруг поднялась такая камарилья... Оказывается, вон чё: запахло квартиркой и запах сей стал непереносим для желающих прибрать лакомый кусочек...

...Причем из окна реквизиционной отъём собственности выглядел так: по расхлябам к служебке подъезжает рыдван. Из авто высывается нога в бывалом башмаке, затем всё остальное, и не успеваю перелезть через снежный вал, как тут же шедший вроде бы мимо дядя, будто вспомнив, говорит:

– ДА, КСТАТИ...

И, ПОМАХИВАЯ ПАКЕТОМ, словно школьник (само по себе характеризует неуверенность в результате), нагнувшись низко-низко, нижайше, просто-таки НАВИСНУВ надо мною, начинает торопливо ПРЕДЛАГАТЬ прописаться в театральном общежитии (с параллельным проживанием у чёрта на рогах, но тоже на птичьих правах... птичка на чёртовых рогах... образно).

– Вы сегодня, что же, добрым волшебником работаете? – якобы наивно вопрошаю.

– Волшебником... злым, – оговаривается он.

(Характеристика по месту требования:

От «простого» грузчика он совершил кульбит до коммерческого директора, принципиально ничем не гнушаясь; с лакейской суетливостью он подавал шефу пальто, вытирал туфли, не брезговал ничем, лишь бы потихоньку продвигаться, в том числе и по трупам, вверх по карьерной лесенке. Но стоило макушке упереться в потолок – и он по локоть отжамкал руку, его прикормившую).

Линии пересечения.

Начало. Юность. У меня наивные глаза и по-куклячи глупая мордашка.

Он, где-то с задворок истории, из недр постановочной части, протягивая липкие ниточки своей ещё не видимой суперпаутины, внезапно возникает в стекле и солнце:

– Давай-ка – как тебя зовут? – тут кое-чем торговать будешь, место у тебя хорошо оборудовано, – брякает с порога он, прикидывая и примериваясь.

Я лучезарно ОТВЕРТЫВАЮ птичью головку от панорамы вестибюля и в видеоискателе без особой резкости ПЕЧАТЛЕЮ его.

– В смысле? А я, по-вашему, что делаю? – киваю на кипы бланков.

– Нет, давай я тебе буду приносить видеокассеты, а ты – продавай их зрителям.

– В смысле? С записями спектаклей, что ли? – не врубаюсь я.

– Да нет, просто кассеты, кассеты!

Чего, мол, проще, въезжай скорее, кукла ты разэтакая!

– Как это?

– Ну, ты продаёшь, я тебе процент платить буду, – думая, будто бы я набиваю цену, идёт на уступки он.

– Так я же – бессребреник! – смеюсь я.

– Тем более! – обрадовался дядя. – Продавай бесплатно!

– А как же – лицо театра? – продолжаю брызгать лучиками я.

– Какое лицо? – забеспокоился он, не понимая в свою очередь, о чём речь.

– Ну, – развожу руками я, – театр – это храм, в смысле...

– Да брось, – уже морщась и осозная провальность идеи, недоволен он. – Так берёшься? Мне другое место оборудовать как-то нет времени, а ты – уже сидишь.

– А как вы думаете, КАК к этому отнесётся ОН? – Имя грозное директора-интеллекта.

– Да мы ему не скажем, – успокаивает он.

– Мы? Или вы? – И по роже моей видно, что я-то лично скажу.

– Понятно... Ладно, забудь... И это... не болтай тут лишнего...

– Конечно, правильно, что отказалась, – кивает большеглазая серна – леди Босс. – Но, ой, смотри теперь в оба: он злопамятный и опасный человек. Будет гадить.

– А я к нему – никаким боком не отношусь. Я-то – не в его подчинении.

– Ну-ну, посмотрим... – предполагает она.

Проходит пара лет. И вот уж он садится на финансы! Теперь все-все театральные деньги струятся через него, вокруг него и из него. А сито мелкое... И он помнит о моём бессребреничестве... Более никогда сей скромный труженик, то бишь я, не видывал ни поощрений, ни премиальных – ни-че-го. Ничего не забыто!

Характеристика № 2.

Лестью и лизоблюдством он настолько втёрся в доверие к Маэстро, что мог надуть тому в уши любую сумасшедшую идею. Любитель попутешествовать за казённый счёт, он выдумывал творческую командировку на пустом месте, под самым фантастическим предлогом, например, съездить втроём в Испанию, отснять корриду живую для предстоящей премьеры. И когорта – он, шеф, главный персонаж – снимаются и отбывают... и именно в один из двух испанских городов, где коррида – запрещена!

За нечем делать – покупают готовую видеокассету с бойней и несолоно хлебавши едут обратно... Правда, шеф ещё прикупает альбом репродукций Дали... И, каким-то немислимим кульбитом, – сей альбом лежит на моём столе – и я созерцаю... не видя, впрочем, особой разницы между репродукциями Дали, купленными в ИСПАНИИ, и репродукциями Дали же, купленными на книжном развале... на «Арбате»...

Другое путешествие – не менее гротесковое: посмотреть пражскую весну – ну, хочется, хочется ему. И они опять едут междусобойчиком. Якобы пообщаться с чешским драматургом. Чья пьеса репетируется всюю... На поверку автор «Крематора» оказывается глубоким стариком в глубочайшем маразме – и общения, само собой разумеется, как такового...

Шеф – вне себя от ярости.

Зато наш чичиков – вполне себе доволен! Когда бы он ещё погулял весной да по Праге...

В конце концов пройдоха красиво обуваёт шефа. Подлец – он на генном уровне подлец. Прихватив финансовые активы театра и часть верных ему людей, польстившихся на богатые посулы, он отбывает во вскормивший его когда-то ТЮЗ, оставляя Маэстро с всклокоченной бородёнкой. Превратившегося в знак вопроса: Как?!

Но – поздняк метаться и рвать на себе волосы: «Ты этого хотел, Жорж Данден».

А ещё спустя срок – и сам Маэстро раскоронован окончательно и выслан вон...

– Он очень долго рубил сук, на котором сидел... – резюмирует Дарвинистка.

Да, но это – в спину, в довесок свергнутому кумиру... когда уже безопасно высказать собственное мнение...

– Конечно, правильно, что ты не отдала ему квартиры, – выслушав исповедь, речёт Босс. – Но смотри...

Да куда уж больше смотреть-то!..

Во-на... оказалось: желающих-то было более, чем мог вместить её метраж...

...И, раз кусок пошёл не по тому направлению стола, остро нуждающиеся приняли волевое решение: так не доставайся же ты никому!

...Она провела маленькую контроперацию под названием: «смерть куклы». Но красиво выпереть меня из театра, как требовали того партийные наклонности, ей, увы, так и не удалось... Она-то намеревалась устроить показательное изгнание из рая.. И весь рай уже знал, с её слов, разумеется, какая я засранка. Но. Этого не знала я. И ей во что бы то ни стало захотелось довести до моего сведения эту приятную новость и собственные соображения.

Ей органически требовались триумфальное растерзание и пляски на моих костях. Но как раз этих костей-то она и не могла нигде обнаружить. (Планировалась пляска на костях. Но клиент их вовремя не предоставил...)

Маленькая победоносная война закончена.

Я украла у неё победу. А смириться и остановиться бедняга уже не могла... Всё должно было разворачиваться по законам жанра и в установленном ею порядке – а я СЛОМАЛА СТЕРЕОТИП.

И Идеологиня – в её-то лета, с её-то опытом борьбы – заметалась... На каком-то этапе до неё вдруг дошло: в моём лице она теряет самого благодарного и безропотного зрителя. Который, находясь в подчинении, переносил по долгу службы её изыски, но, уйдя на вольные хлеба, более ОТЧЕГО-ТО не желает её видеть и НЕ МОЖЕТ ОЦЕНИТЬ красоты дальнейших комбинаций мести. А она ведь не всё осуществила и показала: может ведь и так, и вот так, и вот этак... Поняла, что поспешила, поторопилась помешать самой себе дать насладиться... ВСЁ УЖЕ ПРОИЗОШЛО. Но как-то очень быстро... А хочется прогнать плёнку ещё раз несколько, во всех направлениях.

...И бедняга, выбитая из кодирования, маниакально набегала на означенную ночлежку с регулярностью скорого поезда... Раз от раза не заставая (или я делала вид, что меня не застали) на месте. Первоначально оставляла записки и устные приказы через консьержа, ожидала: вот сейчас же явится, и она устроит там-та-ра-рам...

...И вот однажды в очередной арталёт ей повезло, мне – меньше. Идеолог бьётся всем телом об дверь, а я, на беду пробуждённая, да столь некстати, в тёпленькой постельке лежу и считаю удары.

– Откройте! Я знаю, что вы дома! – общается с дверями монстр. (Сродни знаменитому: «Вова, открой, я тебе горлышко перегрызу!»)

Время идёт... Судя по продолжительности процедуры, мы обе никуда не торопимся. Но уж если взял паузу, то держи её!

Через час батарейки садятся, всё затихает – она перестаёт метаться туда-сюда меж дверьми и консержем. Наступает тишина. И я начинаю потихоньку просыпаться, снимаю бигуди, чищу перья...

Финита.

Но думалось позднее: встречу где-нибудь – мир тесен – и спрошу:
– Ну что, людоедка, всё ещё человечинкой питаешься? Или диетолог не советует?

Больше всего по поводу моего увольнения кипятился Коровьев – какой-то там профсоюзный деятель по совместительству, рубаху на груди рвал:

– Гадом буду, если её уволят!

...А с момента увольнения прошло месяца полтора...

– Вот гад! – сказала я.

Итак.

Карнавальное шествие с там-тамами и валторнами, в масках и перьях, на ходулях и в плащах, с картонными носами и бутафорными слезами – всё это промчалось мимо.

И, как знаменитый Аметистофф, философически: «Ну, расстреляли меня в Баку. – Показал пулемётную очередь, прошившую шинельку. – Что ж, думаю, делать нечего. Пора в Москву перебираться...»

Коль скоро ил и пена, страсти и ловля вокруг меня опали и улеглись, обозрела представленную панораму – Чесменская битва... А тех, кто чудом уцелел, выплеснуло, аккуратно подкатило к противоположным берегам акватории...

Нешуточные страсти (как ни странно) оказались шуточными, производимыми в одном отдельно взятом пункте.

Глава XXXI

О ДЕЙСТВИИ ЗАВЕРШЁННОМ И НЕЗАВЕРШЁННОМ

(трактат)

Та же дамочка, что пыталась окрутить философа, рассказала две иллюстративные истории, «о завершённом и незавершённом действии».

Сюжет первый. Действие завершённое.

Ночь. Накрапывал дождь.

В компании художников закончились сигареты. Молодой человек с зонтом, шикарным, с деревянной загнутой ручкой, отправился к ближайшему ларьку за дешёвыми сигаретами.

Протянул деньги – и в этот момент подлетает, с воем тормознув, машина, крутая и навороченная, из неё выскакивает гопник, наступает молодому человеку на ногу, отпихивает и требует, соответственно, са-амые дорогие и са-амые навороченные сигареты (не помню названия), продолжая стоять на его ноге.

– Парень, ты мне на ногу наступил, – сдержанно говорит персонаж.

Тот жуёт жвачку – и нулями.

– Ты мне на ногу наступил, – повторяет юноша.

– Да пошёл ты! – И конкретно – куда, как далеко и долго.

Тогда молодой человек быстро ручкой зонта притягивает шею гопника – не вырваться, и перочинным ножом режет тому крутую кожаную куртку.

Тот, видимо, подавился резинкой, со скрюченной шеей визжит:

– Придурок, ты меня порезал, в натуре!

– А ну быстро сел в машину и уехал отсюда! – убедительно говорит интеллигент.

Сразу трусливый и суетливый парнишка забывает о сигаретах, о крутизне, да обо всём на свете, бросается к авто – и тут та самая пауза, когда могут открыться все остальные дверцы и трое вылезут добивать.

Прокрутив возможные варианты и не давая тем опомниться, он подлетает к машине и со страшной бранью начинает бить по машине, по стеклу, по крыше, по капоту зонтом и орать, что **ЩАС ВСЕХ ПЕРЕРЕЖЕТ**.

Секунда – авто срывается с места – и тягу.

Он возвращается к киоску – люки задраены, ларёк срочно погрузился во тьму.

Он стучит – ему не открывают. Он стучит – а ему, на такое веселье глядя, не хотят открывать!

Наконец он озверевает и, когда всё же лоточник испуганно высывается, требует **ТЕ САМЫЕ** – крутые, дорогие, что так хотел прикупить гопник.

Ему безоговорочно скоренько выбрасывают – и, не требуя разницы, захлопываются.

Он возвращается на перекрёсток, курит – и ждёт, а не опомнятся ли и не вернутся ли автомобилисты. Ждёт полчаса – не опомнились... Не вернулись...

– Тебя за чем послали? А ты чего принёс? – удивились друзья и подружки.

Пришлось рассказать всё...

– А зачем же ты ещё и ждал?! – удивляется после компания.

– А хотел проверить.
И понял, что в случае чего пойдёт до конца.

История вторая: «Действие незавершённое».
Шёл по улице художник в длинном драповом пальто...
О, строка!
Шарф длиннющий белый вокруг шеи...

Это был не день Бекхема! – печаль, тоска, депрессия, жизнь раз-вернулась не самым приглядным ракурсом... Он шёл, опустив голову, глубоко засунув руки в карманы, и было ему так тошно и муторно, хоть волком вой. А вид – в своём длиннющем светлом пальто, шарфе и с хвостиком – он имел (не как тот, из предыдущего сюжета) богемный...

И тут, проходя мимо остановки, он услышал в свой адрес наглое:
– Козёл.

Он уныло и печально посмотрел: стоит бычара с двумя нахальными деваками. Мог бы и дальше пройти, но – всё так же апатично, РУКИ В КАРМАНАХ, подошёл и спросил:

– Что ты сказал?

Тот дал ему кулачищем в глаз..

...И он пошёл дальше, НЕ ВЫНИМАЯ РУК – в тоске, депрессии и с синяком на полморды.

– А это – действие незавершённое, – нравовучала рассказчица. – Не хотел драться – нечего было переспрашивать. Или хотя бы руки из карманов вынул.

Хорошо же...

В моём лексиконе нет таких определений, как «законченное» и «незаконченное», «завершённое» и «незавершённое». Я использую другое: «Ситуация, доведённая до абсурда».

Иду по жесточайшей жаре к подруге. А надо представить: живёт-то она в татарских двориках, идти пёхом, в гору – и транспорта в ту часть города просто нет...

И вот она – здрасьте – навстречу мне... Видно, в запарке, что-то срочное (как всегда), и возвращаться она не намерена. А я почти весь путь прошла! По спинке течёт, язык на плече...

Даёт ключ и говорит:

– Я через полчаса приду! – И бегом дальше.

Подхожу к её по уши осевшей в землю избёнке, открываю. Размещаюсь в уголке на кухоньке...

Полчаса проходят мучительно. А её нет-с. Но я теперь с ключом, который некуда деть.

Ещё спустя время – её нет... Расположилась поудобнее, с чайком...

...И вдруг. Мои уставшие глаза натываются на кипу лощёных предвыборных листовок. С портретом самодовольного и доброго кандидата. В 1001-й раз баллотирующегося на этот пост.

И с надписью такой дурацкой, типа: Я СПАСУ ТЕБЯ, РОССИЯ! или РОССИЯ ПОБЕДИТ!

То есть некая двусмысленность, некая интрига: не от себя ли самого спастись собрался?..

Меня посещает счастливая мысль. И начинаю декорировать листовками её жильё: посудную полку, дверцу холодильника, умывальник без слива, форточку, печные заслонки и т. д.

Последним открыла крышку чистенького помойного ведёрочка и положила в него портрет. Далее поле деятельности перенеслось во дворик, рядом с двумя соседскими домишками.

Все торчащие гвоздики были задействованы: на ставнях, дверях, бельевых прищепках, сучках деревьев, лавках, мисках собак... Наконец, оформление двора закончено, общие туалеты охвачены, и последний штрих – входные железные воротца.

Всё.

Я села в уголке кухоньки и в ожидании стала полировать ногти.

Но ждать пришлось недолго.

Во дворе слышались брань, торопливые шаги – и ворвалась она – с руками, ПОЛНЫЯ скомканных плакатов.

Лицо ея... Лучше не надо о лице.

Общий порыв ярости, негодования и готовности прибить на месте...

Смутно догадываюсь, что где-то в чём-то имелись перегибы, но она не даёт опомниться.

Потрясая руками, забытыми обрывками и комками бумаги... может, и ногами тоже потрясала, не помню... но общая мысль:

– Ты что же это делаешь, а?! Ты меня с соседями поссоришь! Ты что же хочешь?! А? Чтоб они не дай бог подумали, что я – ЗА НЕГО?! Да они со мной разговаривать не будут!

Отмотать сюжет слегка назад: понятно, с какими чувствами она промчалась через свой осквернённый дворик. Но! Когда ворвалась в домишко – и взору предстал истинный размах разрушения, она сжала кулачки и, сдёргивая листовки с печных задвижек, с косяков, плиты, завопила:

– ВОН! ВОН ОТСЮДА! – Гневный жест на дверь. – И чтоб ноги твоей...

Я спокойна. И хладнокровна. Мне не понятна вся эта бурька в стакашке. Ну, не по-ни-маю!

Оказывается, она взяла дополнительную работу – оклеивать город ночами, когда никто бы и не узнал о её гражданской позиции.

Наши отношения закончились внезапно и бесповоротно. Молча собираю в сумочку разложенные пилочки, ножнички, зеркальце, щипчики.

И вдруг с ней случается приступ дикого хохота: она открыла свой совдеповский, одутловатой формы старенький холодильничек, где, кроме бутылки молока и одного яйца, ни-че-го не было...

Она всегда восторгалась: работает как зверь, приморозит курицу – не выдернуть.

И вот открывает свой зверски пустой складень, а там, на морозилке, уже крепко вмёрзший, счастливый и набриолиненный кандидат: Я СПАСУ ТЕБЯ, РОССИЯ!

Несколько минут она сидела на полу перед открытой дверцей и истерически покатывалась, глядя на сочетание: яйцо, портрет, бутылка молока...

Всё, СИТУАЦИЯ ДОВЕДЕНА ДО АБСУРДА.

– Ладно, оставайся... – размягчается вконец...

Выкладываю пилку, щипчики, ножнички...

Она кое-как отдирает от морозилки свою дополнительную халтурку, соскребаёт след и сожалеет горько:

– Столько бумаги испортила: на той стороне рисовать можно: думала, часть себе возьму, эх!..

Продвигается в сенцы, с руками, полныя... открывает крышечку ведёрка, а там... Лицо её вновь свинцевеет, она смотрит на меня, на портрет вождя и тихо так, от безысходности:

– Сволочь ты, всё-таки...

И тут с улицы послышался зычный оклик соседки-татарки. Бабулька имела невероятный акцент, хорошо изображённый когда-то Костей Райкиным в описании своей няни.

Половины из того, что говорила бабуля, я не понимала, но и в той остаточной половине присутствовал неподражаемый юморище, слушать её всегда было весело.

(Например: её камышовый котяра, сидя на кирпичном крыльце, в по локоть засученной шубёнке, философски выуживает из середины тарелки лапши кусочек курочки... Делает он это аккуратнo, брезгливо, сосредоточенно.

Вдруг ахом распаивается дверь – кота вмазывает в стену дома и, видя вертикально оползающий, плоский, мохнатый портрет родного котейки, бабуля в ужасе сокрушается:

– Пырасти! Кыса, кыса! Это ошибка! Ошибка!)

На оклик бедняга вся встrepенулась, прощальный взор метнула в меня – и к дверям. А в дверях! Бабуля – огромная, пышная, с характерно повязанным платком на голове и с портретом на грудях.

Та ещё речь начать не успела – однакaшница завопила:

– Это не я! Это она! – схватила меня, проволокла через кухню – и на предьявителя:

– Это всё она! Вы же меня знаете! Я – никогда!

Бабуля развернулась пышной комплекцией ко мне – и с такой укоризной закачала головой, зацокала языком и молвила:

– Э-э! Дурь башка, тупой башка! За Лэйбеля голосовать надо!

Я стояла с довольной мордахой и не въезжала, за кого надо. Мне-то лично не надо никогда...

Подружка нагнулась и тихо перевела:

– ...За Лебеда.

Так закончилась агитация в отдельно взятом татарском дворике.

Я – завершила! Действие оконченное и неоконченное.

Глава XXXII

О БЕСОВСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Бог сотворил мир. Дьявол написал к нему сценарий.

*Каждая творческая личность немного деспотична.
...а при определённом раскладе и демонична...*

Сидели два мощных старца: Юрский и Басилашвили. И рассуждали. О бесовстве современной культуры.

А чему удивиться? если близ стоит, при дверях...

...А я смотрела на них по ЭТУ сторону суперчёрного экрана... с чашкою холодного чая без сахара, с лимоном, с кусочком льда (если в 1-м акте у Шиманской синее блюдо, то в пятом акте у меня прозрачный синий сервиз). И думала...

...А мысль шла... а они говорили... Главное то, что я сама уже и ощутила, и осмыслила.

Например, что вместо лиц пошли рыла. За редким исключением. (Сначала градация от мордатых потных сталеваров до интеллигентов-энциклопедистов, затем, через шикарных секс-символов, вновь деградация к бандюкам – уркам татуированным.

...Впечатление, будто б театральные вузы набирают студентов рейдом по местам не столь отдалённым. И портрет героя выдаёт агрессивный замес родителя... Станный, странный крен предпочтений в сторону кругеров-без-грима...

И уж лучше в воспитании нашего эстетического вкуса остановиться было б на роскошных красавцах-суперменах. По мере крайней, и глазу, и душе приятнее...)

Конечно, он великий Сценарист... (И – его сценарии столь различимы!) Но до смешного доходит: иногда и за рогатого обидно. Коль в кадре роль его исправно выполняет (пытается воплотить) существо бугристое и страшное, на чёрта лысого, безусловно, похожее, но заведомо тупое. По определению. И, оперируя в кадре цитатами из Данте и Канта, видно за версту: ЗА кадром не читал и даже после воплощения не удосужится в ручонки ни того, ни другого взять.

(Ни один типаж – ни восточный, ни западный – до сих пор не совпал с внутренним представлением о МОЁМ Люцифере.)

...И что – ну нельзя брать Гоголя и Чехова – и делать из них... простите... немисливо что. Они ж в гробу переворачиваются от подобного рода интерБРЕДАций. Ну, возьми, напиши что-то новое – и извращайся на здоровье, в духе времени и суперсовременном стиле.

А то, подобно янки, берут классический, всем известный сюжет – и начинают досочинять, кусочничать – им-то всё равно, мифология ли, сказки, классика... Слово берётся дорогое платье, разрезается

по швам или вполне произвольно, затем кромсается в мелкие лоскутки, раздвигается и заполняется инородной дешёвой тканью до немислимых размеров, до лоскутного одеяла. И вроде бы некоторые фрагменты узнаваемы – ан нет, вещь загублена. И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ИНОЕ.

Мы хотя бы знали и помним сюжетную линию. Но – младшие братья наши – обо всём поймали искажённое представление.

Творение. И растворение.

...Сколько-нибудь значимый предмет искусства всегда мистичен по внутреннему посылу, ибо творится демиургом, в данном случае – всё равно, поэтом ли, живописцем ли. И, неся в себе его энергию, оно имеет странное переплетение с судьбой создателя, либо ведя, либо преследуя его по жизни.

Как чёрная вдова Джоконда приводила к нервному срыву зрителей, не всех, разумеется, а тоже сколь-нибудь творческих, типа Стендаля (впрочем, шалевшего и от архитектуры, если та не вписывалась в его внутреннее представление о гармонии).

О НЕУМОЛИМОСТИ ПОДТАСОВОК

Смущает некая ЗАКОНЧЕННОСТЬ сюжетной линии, со всеми её парадоксальными поворотами.

...Нам не дано предугадать... И не надо!

Или – дано и надо? Если на секундочку остановиться и вдуматься.

ШАРФ ДУНКАН ЗАТЯНУЛСЯ ПЕТЛЁЙ НА ЕСЕНИНЕ.

(Не глумись над женщиной. Тем паче много старше тебя.)

...Точно так же сумасшедшие гении, гипертрофируя собственные сны, создают дикие полотна, суть собственных страхов и кошмаров. С некоторыми полотнами следовало бы стремглав бежать к психоаналитику, а не на экспозицию.

Всё, что может дать Бог человеку, – дар, талант. Это из области духовного. Которое после, переходя в материальное, делает пребывание человека на этой земле более разнообразным и, что лицемерить, менее рутинным и голодным.

В свою очередь дьявол даёт только материальное в обмен на духовное. Но зато много и сразу.

В чем, собственно, и отличие людей бездарных, но богатых, от людей одарённых и, как следствие, внутренне благополучных... Талантливым даётся и приумножается. Бездарным даётся – но вычитается. Они постоянно платят то этим, то другим, ни сна ни отдыха в отсутствие души.

Зароешь талант – и ничего-то не останется, и ничего-то не материализуется.

Однажды в каком-то фильме немецкий офицер, присутствуя при расстреле, вдруг посмотрел на свою правую руку – и стал пролизывать писчую мозоль среднего пальца...

Я была удивлена, и мои симпатии переметнулись к нему.

...Поскольку и я тысячу раз – ВДРУГ, не к месту – делала это движение, ибо акварель ВЪЕДАЕТСЯ в морщинки, и нужно много и тщательно чистить щёткой, чтоб отмыть её... Но и это ещё не факт...

Искренне полагаю: в творчестве интересен сам процесс созидания, РАБОТА НАД ОБРАЗОМ.

И завершённая вещь – ни прибавить, ни убавить, – обретая самостоятельность, отдаляется – и интересуется в малой степени. Уходит. И внезапно, априори, мнение сторонней творческой личности: ан нет, процесс – лишь промежуточное явление, тягостное и тянущее своей незавершённостью, побыстрее проскочить его и получить результат – вот истинная цель творчества.

Когда не ты работаешь над ним, а оно начинает работать на тебя... Отрабатывать твоё время, потуги и материал, на него потраченные... Ты выкладываешься не просто так, ради собственного удовольствия, а ждёшь отдачи, окупаемости творения. И сам процесс – он не был частью работы души, а лишь позывом голодного чрева...

Все не лукавя признают, что лицедейство – бесовство. Или... лукавят?

Большинство классических сюжетов основано на неинформированности главных персонажей. Владей они оперативно информацией – и сюжет исчерпан... (Мушкетёрам достаточно было сбросить Констанции на пейджер: мол, опасайтесь появления *белокурой дамы*, каким бы именем она ни назвалась – и всё, конструкция романа осыпается.)

В данной ситуации герои просто не успевают переработать море поступающей информации, но сюжеты в основном крутятся на недосказанности. Кто-то кого-то обманул, утаил часть правды, вовремя не предупредил – и пошло-поехало.

Обладей герой долей провидения – и ни один литературный роман не состоялся бы... То есть вся литература применима только к нам, смертным, ТАМ, наверху, где все провидцы, интриги не работают, сюжет не развивается, мелодраму и паче – детектив не сработает (Не дадут. Опередят. Разоблачат.)

Заблуждение – удел простых смертных. Боги начинают интриговать лишь в мифах, ибо авторство человека очевидно.

Бесовством является сама мысль человеческая, что он творец и созидает. Под созиданием разумея перелицовку облика земли (как творения Божия) сообразно собственным кубическим понятиям.

Вообще, всякий кубизм и квадратура (даже вписанная в круг) не является формой божественной (вид макрокосма: шарики да спиральки).

Цивилизация, в каком бы стиле она ни ваяла, далека от гармонии с окружающим ландшафтом, а стало быть, инородна, и к божественному, творческому началу не имеет ни сколочко, ни граммулечки отношения.

Бесовством, под таким углом зрения, выступает всякая человеческая деятельность, где он, называя себя творцом и царём, элементарно не блюдёт формы.

И архитектура – наиболее ярко представляет бесовский уклад.

Замечено ведь: всякая тварь Божия вызывает острое желание её потрогать, погладить и потискать, ибо она гармонична. И даже знание о хищниках, что они хищны, нисколько не умаляет умильного созерцания, ибо и звереют-то они – исключительно в зверинцах, а не вдали от присутствия человеческого. Звереет всё, что в силу обстоятельств вырвано из привычной среды. Человек тоже.

То, что понаваляло племя людское, благородства облику земли не прибавляет. И вряд ли это громадьё сойдёт впоследствии за марсианские пейзажи.

Ежели от этой цивилизации останется один петергофский ансамбль – куда ни шло. Иные миры взрыднут о нас на плече истории. А если сохранится лишь то, что видит средний обыватель из своего окна на втором этаже?..

Так и иные крупницы творчества. Если сохранится одно-разъединственное полотно Босха... А приговор озвучат всему сообществу... То даже обидно.

Да... и автор тут же, осознав всю полноту ответственности и полномочий перед грядущим, засунул личностную амбициозность и «кушать хочется» куда подале – и стал ваять... согласно преискурранту... доброе, светлое и вечное...

Но! если даже паразиты самозабвенно самовыражаются, засевают в недрах некоего художника, чтоб пошевелить его руками и ногами, при отсутствии собственных... То куда деваться целому дееспособному дьяволу? С его взглядами и представлениями о мироздании. Не в силу дурного вкуса – а потому, что у всякого лица должен быть затылок. (И у каждого фасада – зад.)

Возвращаясь ко «всеобщему бесовству», творческая элита тем и занята. И ей пока не до великого и вечного. Надо успеть потаскать золотого осла за хвост, дабы побольше насыпалось в лопату.

С творческим человеком и вообще-то происходит какая-нибудь чертовщинка (даже не с Гоголем – Булгаковым – По... Не с такими величинами!)

...Ты случайно напишешь – а оно случайно сбылось. Назвать сие бесовством – вряд ли... Просто творческий человек, по идее, должен следить за словами, если они обладают подобной силой – и не в плане банального «мысль материальна», что у всех набило оскомину, а в конкретном, бытовом, не макрокосмическом уровне – не снисходить до кликушества... Всё-таки пожалеть ради красного словца...

Вот и ещё один критерий творчества: если за всю твою жизнь с тобою не произошло ничего сверхъестественного, то и грош цена такому творчеству – не трать чернила и бумагу. Не вымучивай окончания, привязывая одно слово к другому или мучительнейше выдавливая рифмы, словно пасту из законченного тюбика...

(А уж как ты должен следить за идеями! Учитывая невозделанную читательскую почву, где вкусы не привиты... Ты просто пошутил – а оно воспринялось всерьёз и культивировалось, хотя тех смыслов, что прочли в них горячие головы, ты и не имел в виду вовсе... Не имел – а всё равно ответственен? Вроде бы... И пошли, Боже, умному писателю – умного читателя. А умному режиссёру – умного зрителя...)

Театр, несомненно, тоже бесовство. На каком-то этапе вдруг понимаешь, что бутафория на сцене выглядит убедительнее, чем привезённая из Испании мраморная мебель... Что фанерные колонны, обклеенные вафельными полотенцами и забрызганные аэрографом – действительно более каррарский мрамор, чем в самой каменоломне... А иллюзия обмана – издавека – абсолютна...

Актёрам свойственно привлекать внимание к собственной персоне мистицизмом игры в Булгакова... Он сыграл того-другого-третьего персонажа из романа. Или полетал в гробу – и умер года через два не от пьянства непробудного, что вы, а по мистическому предначертанию – за роль! На меньшее – никто никак не согласен!

Помнится, Бернард Шоу на вопрос, что для него предпочтительнее – ад или рай, ответил: в раю хороший климат, тогда как в аду – общество.

Выбирая между климатом и обществом, и я бы предпочла хорошее общество.

Ну, а ежели дьявол предпочитает людей талантливых, а Бог – сырых и убогих, то и здесь предпочтения очевидны. Искусство и должно-то быть эстетским – на то оно и искусство: насыщать эстетический голод в первую очередь и поднимать душу, если таковая в наличии, порядком выше. Сырым и убогим – искусство не нужно в принципе, поелику те заняты исключительно заботами о хлебе насущном, как единственным родом занятий.

Мягкий климат – да, оно бы хорошо... но полноценное общение на равных... куда как лучше.

Не будем далеко ходить – в каком-нибудь заштатном городишке-миллионнике только тысяча – посещает театры, та же тысяча – консерваторию, филармонию, выставки... Люди уже знают друг друга в лицо и кивают при встрече.

Что делают остальные девятьсот тысяч, друг друга в лицо не знающих... Может, и впрямь читают Эммануила Канта?.. На кухне...

А ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ...

Мне нравится вопрос: а что вы хотели сказать своими (книгой, стихами, картиной... достроим ассоциативный ряд: спектаклем...)? Что хотела, я сказала.

У каждого автора есть свои книги. У каждой книги – свой читатель. Но все недоразумения происходят, когда читатели читают книги, им не предназначавшиеся. (Не всегда у умненьких и тонких книг такой же умненький и тонкий читатель.)

Если книга непонятна, но имя автора в моде – таким вопросом не задаются, дабы не выказать невежества. Но во всех других случаях: «А что вы хотели?..»

Я шугалась, коль мои бумагомараки попадали под раздел, под расчленёнку:

«А почему на твоём «древе познания» висят одни огрызки?»

А сам-то ты как думаешь?

Или – он идёт, добросовестно пытается найти хоть одно ненадкусенное яблоко, считает все огрызки, а после говорит:

– Ну хоть бы одно целое повесила!

Хотя картинка куда как: вот дерево, вот змий, вот обглодки.

Разве есть для него в этой жизни что-то тайное?

Или: тоже ценитель своего рода разглядывает рисунок «Клетка», где меж рёбер на месте сердца сидит слепой соловей. И – РЕКОМЕНДУЕТ:

– А одной точки не хватает.

– Какой? – спрашиваю я.

– Глазок нужен.

– Так им специально выкалывали, что б звонче пели, – напоминаю я.

Но, конечно, верх пилотажа – это ЖУРНАЛИСТИКА... Гиблая тропа...

Чем отличается хороший журналист от плохого? Хороший интервьюирует актёра ли, знаменитость ли или пишет статью таким образом, что при чтении создаётся целостная картина фактов, событий, личности. И можно отсылать или ссылаться на статью как на документ (чем вообще характеризуется публицистика, если не этим?).

Что делает плохой: он берёт интервью, адаптирует услышанное ПОД СЕБЯ, себя такого, каков он есть: тупой, принижённый, пошлый, похотливый, завистливый, неудачник – в целом лич-

ность серая и ничем не примечательная, но с амбициями и желанием ПРОСЛАБИТЬ.

Вот во всём этом перемешивает полученный материал и выбрызгивает инсинуацию на бумагу. Получается пасквиль.

Что бы сделал Пушкин после такой «статейки»? Прислал бы журналогу секунданта.

И эта серость бы наверняка застрелила б гения. И этим бы вошла в историю.

Отличительная черта папарацци: им не важно раскрытие образа – ими движет самовыражение хоть за чей счет... Каждый из них мечтает убить Пушкина. Или Лермонтова (лишь бы заплатили!). Поплясать на костях Есенина. А лучше – пойти в «Англетер» и потуже придушить, а коли не получится – то хоть на ногах повиснуть, для груза.

Они в душе дантесы, они в душе иуды...

И каждому из них не пропустить бы случая.

КЛИКУШЕСТВО КАК ТАКОВОЕ

...В иных стихах (спектаклях, картинах, статьях) есть некий программный посыл, доля кликушества (бесовства в чистом виде).

Три эпизода из личных ощущений.

Первый.

...Много-много лет назад, будучи почти ребёнком, прочла статью, точнее, обрезалась глазами о заголовке: «В дальнейшем – Даль...»

Зловещий, ускользящий в перспективу смысл... Многоточие. Безысходность... Жуткое предзнаменование.

И точно. Самой статьи-то и не помню – лишь название. А человека не стало почти вскорости.

Эпизод второй.

Сибирь. Чужбина. И вдруг попадаете на глаза цветное... фото? коллаж? Художественный изыск фотографа: лицо – наполовину нормальное, а с центра и далее – растянуто и искажено через декоративное, ребристое стекло «метелица»... Будто чрез «О»-переход уходящая в небытие натура. («...Одно лицо, твоё лицо искажено в метаморфозах...»)

Цой.

Гамма смутных предощущений. И привкус тот же самый... И за два года ДО финала чётко осознала: его уже нет, а смертный приговор – вот это фото...

Третий.

Недавний изыск местного журналиста. За год приблизительно ДО тиснул статью под заголовком: «Бодрова больше нет».

А через год – действительно больше нет. И упивается собственным «пророчеством».

Хотя налицо кликушество в чистом виде.

Хочешь, чтоб мечта сбылась – напиши её чётко буквами на бумаге.

Они любят «кричащие» заголовки... И ради красного словца не пожалеют никого. Чтоб после, постфактум, щеголять: а я был

последним, кто довесил ему перед смертью. Подержал табурет. Намыллил верёвку. Да мало ли...

А с актёрами так нельзя... Точнее, с людьми, у кого, подобно счищенной коже на кончиках пальцев, зачищена вся оболочка и душа обнажена и вылетает на раз.

Журналистика в теперешнем её виде, безусловно, – самое бесовское ремесло. Отсюда и творческая вороватость.

ЭПИЛОГ

Ночь абсолютна. И вязка. Словно в желатине распустили чернила. А ещё точнее, печную сажу.

Сегодня мне приснились мыши, которых послали за камнями. И хотя камней было много, все бегали, суетились и возвращались с пустыми лапками. И только две мышки, споткнувшись на камнях, догадались: взяли по камешку и побежали к Главному. И тут же остальные, хотя, повторяю, вся земля была усыпана, потянулись лапками именно к этим двум и схватились за камешки со всех сторон.

– Почему вас так много, а камня только два? – спросил Мышь.

– Это наши камни! Мы их принесли! – закричали все в один голос.

Станный сон... Потому что ТЕ – валялись... А ЭТИ – уже были чьи-то...

Владимир
ЕФИМОВ

СВЕТ НЕМЕРКНУЩЕЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЗВЕЗДЫ

В конце июля в Татищево прошли Вторые Касмынинские поэтические чтения. Именно в провинциальном Татищево, а не в родном для Касмынина калининском селе Казачка силами местных ценителей русской поэзии год назад был организован замечательный поэтический фестиваль. 22 июля на Вторые Касмынинские чтения – совместный проект Татищевской центральной библиотеки и ассоциации свободных поэтических объединений – собрались совсем юные и убелённые сединами почитатели поэтического слова из Татищево, ЗАТО «Светлый», Красноармейска, Саратова и Аткарска.

Когда-то Геннадий Касмынин написал пророческие, как мне кажется, строки: *«Провинция, объединяйся! И начинай державный шаг»*. И провинция, к которой с верой в её величайшее предназначение для всей России обращался поэт Геннадий Касмынин, отблагодарила его за это признание-призыв.

...В моём понимании, если приобщиться к этим строкам Касмынина, державный шаг России поможет сделать именно провинция. Но не та, опустошённая в ходе распада Советского Союза, о чём горько переживал поэт и патриот, сёла и малые города которой безвозвратно покидает молодёжь, а сильная, крепкая, молодая. Прочитую отрывок из опубликованной в 2002 году, спустя пять лет после ухода поэта из жизни, маленькой статьи Юрия Кузнецова в журнале «Наш современник», в редакции которого Касмынин заведовал отделом поэзии.

«Поэт Геннадий Касмынин глубоко переживал развал родной страны. А появление целого племени незнакомых молодых людей с амбивалентной нравственностью его озадачивало. «Да разве это люди? Тьфу!» – говорил он с горечью о так называемых новых русских и всё-таки вступал с ними в полемику. А зачем? Подлецам всё равно ничего не докажешь. Но, как это бывает с незаурядными людьми, трагический надлом разбудил в нём подспудные силы. Лучшие его стихи из последней прижизненной

книги «Гнездо перепёлки», вышедшей в 1995 году, лично для меня были открытием. До этого я знал Касмынина как одного в ряду многих небесталанных, но тут он явно выдавался из ряда. Он взломал бытовую ограниченность, присущую прежним стихам, и обрёл большое дыхание. Образность уплотнилась, пространство мысли расширилось, а слово заиграло самоцветными гранями».

Выпускник всемирно известного Литературного института имени А. М. Горького, Геннадий Касмынин оставил заметный след как автор сборников «Горький клевер», «Грибница», «Вещий камень», «Однажды и навсегда», «Гнездо перепёлки»

Однако в родных краях поэта его творчество сейчас знают немногие, мало материалов в центральной библиотеке, а авторских сборников – тем более единицы.

Желание послужить стране, как и патриотизм, непременно начинается с любви к родному краю, с осознания своей причастности к судьбам своей малой родины. Для многих это глубокое движение души начинается с любви к неповторимой природе.

По словам гостя фестиваля, Владимира Касмынина, он вместе с братом Геннадием немало ходил татищевскими тропами, «он рос в этих местах – и эти картины и краски природы воспеты им».

– Хорошо, что люди тянутся к стихам, – отметил в конце чтений Владимир Григорьевич. – Я тронут этим праздником поэзии, благодарен его организаторам, но хочу, чтобы, если фестиваль будет иметь дальнейшее продолжение, к написанию его сценария привлекали и меня. Ведь близится семидесятилетие (В 2018 году – В. Е.) Геннадия...

В том, что Касмынинские чтения станут здесь традиционными, участников заверил начальник управления культуры и общественных отношений Татищевского муниципального района Павел Сафонов. Брать слово ему пришлось дважды. Сначала как чиновнику – для традиционного приветствия. А под «занавес» – уже как слушателю, для кого «два часа чтений пролетели, словно одно прекрасное мгновение». Воодушевлённый, как и все слушатели, ими, несущими в своём эмоциональном заряде огромную жизнеутверждающую энергию и любовь, он высказал мысль о необходимости обязательно продолжить и развить на новом уровне этот ещё совсем молодой проект с участием самодеятельных авторов.

Самозабвенно преданным поэзии членам татищевского литобъединения «Вдохновение» после знакомства с ними некоторое время назад посвятила свои строки руководитель саратовского Рубцовского центра, член Союза писателей России Любовь Чиркова, исследующая творчество поэта – уроженца давно не существующего села Новый Сокур Татищевского района Анатолия Передреева, чьё имя и стихи так же часто вспоминали на этих чтениях.

*Под тихий шёпот листопада
Поэзия – души отрада –
Желанной гостьей в дом вошла
И среди нас расположилась
У освещённого стола.*

*Так в лёгком шелесте листов,
В полёте рифм, мелодий, слов
Друг другу стали ближе и дороже.
И поняли: без этих вечеров
И без поэзии мы жить уже не можем!*

У Дениса Мищенко, художественного руководителя Идолгского сельского Дома культуры, давно позади служба на Балтийском флоте, но ближе его душа к родным местам, любовь к которым он выразил в собственной «Песне о берёзах». Вообще этот молодой человек с активной жизненной позицией и творческим почерком, словно торопящийся события, уже многого достиг: ещё старшеклассником выпустил свой первый поэтический сборник, позже лучшие его стихи вошли в коллективный сборник местных авторов «В союзе звуков, мыслей, вдохновенья...», сейчас пишет фантастическую прозу и разрабатывает проект «Итиль медиа» для популяризации на сайте культурной жизни и памятных мест района.

Уверен, такой сайт едва ли бы представлял собою «дыру». Пространство это заполнялось бы многими интересными событиями – например, рассказом о тех же Касмынинских чтениях или членах ученического творческого образования из школы села Большая Фёдоровка. Каждый из них достоин отдельного рассказа, а заслуги сподвижника русской поэтической словесности Елены Потаповой «тянут» на очерк.

Конечно же, несмотря на каникулы и поездку «на перекладных», она и её ученики не могли обойти стороной этот праздник поэзии. В своих разных по уровню подготовки воспитанниках как опытный словесник и настоящий знаток поэтического слова она ценит творческую жилку. Не боясь высокопарности, она считает Вячеслава Короткова, таджика Эмомали Абдуллаева и Кирилла Иванова талантливыми детьми: «Думаю, таланты в них проклюнутся...»

Для Потаповой равны все её подопечные, во всех она видит пока ещё скрытые способности, выявить и раскрыть которые – призвание её, педагога. И она старается привлечь к поэзии, если не научиться писать, то декламировать. Все свои способности дети проявляют в школьных конкурсах чтецов. Но с особой теплотой она отзывается о курдянках Гасановых: Амина – выпускница школы и автор стихов, семиклассница Диана тоже проявляет дар стихотворчества. Словно доказывая, что у неё творческое будущее, Елена Николаевна прочитала «по памяти» для меня одно из стихотворений девочки.

*Этот вечер никак не кончится,
Так в своей неспешности редок:
Солнце рыжим бельчонком прячется
За решёткой сосновых веток.*

*Облака алеют смущённо:
Не хотят расставаться с солнцем...
Я люблюсь всем отрешённо
Из раскрытого настужь оконца.*

Символично, что, пожалуй, самым известным пронзительно-философским стихотворением Касмынина «Домик жил, и донник цвёл» открылся фестиваль, придав ему нужную лирическо-патриотическую волну и направленность. В нём поразительно сплелись личное и глобальное человеческое, судьбы малой родины с милым домиком и Вселенной. Мне кажется, донести тончайшую мысль автора удалось юному тещу Кириллу Иванову, который, по признанию Елены Потаповой, «одарённый актёр». Стихов ещё не пишет, трудно сказать, будет ли их писать вообще, но свою тропу в Страну Поэзии уже проложил, читая других авторов, в том числе и Касмынина:

*Домик жил, и донник цвёл,
Мальвы шёлком шелестели...
Топором скоблили пол,
Тыкву пареную ели...*

*Шли куда-то облака,
Шли быки с такой же силой,
И кисет для табака
Вышит был рукою милой.*

*День прошёл. Другой прошёл.
Век прошёл... А птицы пели,
Домик жил, и донник цвёл,
Мальвы шёлком шелестели.*

*Не менялась жизнь никак.
Уходили в землю внуки.
То же сено на быках.
И кисет. И те же руки.*

*Как же нужно было так
Не любить, не знать всё это,
Если нынче на болтах
Еле держится планета.*

*Громяет ржавый шар,
Не цветёт на свалке донник,
Знать, кому-то помешал
Белый-белый в мальвах домик...*

...У каждого в большой и маленькой жизни непременно есть свой отчий дом, откуда и вышел человек в сей богатый мир. Не обязательно, что при домике том растёт воспетый Касмыниным донник. Но в каждом из нас есть или должна быть любовь к родному месту. Это – аксиома жизни. И чем раньше человек познает эту философию, да к тому же «пророченную» поэзией, как познал её Геннадий Касмынин, тем ярче и насыщеннее, непременно обращённой к другим будет его жизнь. Короткой или продолжительной, но обязательно яркой.

Собор Святого Александра Невского

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Фотографии предоставлены Александром Демченко.

Подписано в печать 24 августа 2016 года.

Дата выхода в свет 31 августа 2016 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ №07/23086.

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Соборная, 42.

Тел. (факс): (845-2) 28-63-49.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2016.

© «Волга–XXI век», 2016.

Областная научная библиотека

Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина

Особняк Константина Рейнеке

